

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
имени М.В. ЛОМОНОСОВА  
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

*На правах рукописи*

**Ларина Яна Игоревна**

**Генрих фон Фик (1678-1750): служба иноземца в России  
первой половины XVIII века**

Специальность: 07.00.02 – Отечественная история

**ДИССЕРТАЦИЯ**  
на соискание ученой степени кандидата  
исторических наук

Научный руководитель:  
доктор исторических наук,  
профессор Н.В. Козлова

МОСКВА – 2018

## Оглавление

|                                                                                                      |     |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Введение.....                                                                                        | 3   |
| Глава 1. Жизнь и деятельность Г. Фика до перехода на русскую службу (1678-1715).....                 | 76  |
| 1.1. Биографические сведения.....                                                                    | 76  |
| 1.2. Служба в шведской армии (1700-1710) .....                                                       | 79  |
| 1.3. На голштинской службе (1711-1714).....                                                          | 88  |
| Глава 2. Служебная биография Г. Фика в России (1715-1750) .....                                      | 102 |
| 2.1. Разведывательная деятельность Г. Фика .....                                                     | 102 |
| 2.2. Участие в реформах Петра I.....                                                                 | 118 |
| 2.3. Деятельность при преемниках Петра I .....                                                       | 135 |
| Глава 3. Социальная адаптация Г. Фика в России .....                                                 | 147 |
| 3.1. Социально-правовой статус Г. Фика в России.....                                                 | 147 |
| 3.2. Социальные связи и патрон-клиентские отношения Г. Фика .....                                    | 152 |
| 3.3 Материальное положение.....                                                                      | 183 |
| Глава 4. Власть и личность в России первой половины XVIII века сквозь призму службы иностранца. .... | 192 |
| 4.1. Представления Г. Фика о государственной службе (анализ проектов 1718-1730 гг.) .....            | 192 |
| 4.2. Г. Фик о положении иностранцев в России. ....                                                   | 200 |
| 4.3. Отголоски «затейки верховников» в судьбе Г. Фика. ....                                          | 207 |
| Заключение .....                                                                                     | 235 |
| Список научных публикаций .....                                                                      | 238 |
| Библиография .....                                                                                   | 239 |
| Приложение .....                                                                                     | 271 |

## Введение

**Актуальность исследования.** С конца XX века в историографии отмечается всплеск интереса к биографическим исследованиям. На смену традиционным жизнеописаниям великих людей и исследованиям «человека типичного» или социальных слоев пришла новая историческая биография. Ее методологический инструментарий, включающий необходимое условие встраивания биографии в исторический контекст, позволяет обогатить сведения не только о личной биографии отдельного человека, но и существенно расширить представления об определенном социуме и исторической эпохе. Этот подход является перспективным применительно к истории России первой половины XVIII века. Обращение к биографическому жанру позволяет существенно обогатить представления о российском обществе времени преобразований Петра I и последующей «эпохи дворцовых переворотов». Примечательно, что биографии российских государственных деятелей первой половины XVIII века, – казалось бы, вполне традиционная сфера интереса историков – имеют до сих пор множество белых пятен. Таким образом «внутренняя» история власти, «история строителей и постоянных обитателей здания государства» по выражению Д.О. Серова, исследована намного хуже, чем история формальной организации власти и государственных органов<sup>1</sup>. Значительный вклад в этом направлении внесли работы Н.И. Павленко, Е.В. Анисимова, И.В. Курукина, Ю.Н. Беспярых, Д.О. Серова, Т.А. Базаровой и других авторов<sup>2</sup>. Однако находящиеся в настоящее время в научном обороте биографические сведения о многих отечественных

---

<sup>1</sup> Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2008. С. 9.

<sup>2</sup> Беспярых Ю.Н. Александр Данилович Меншиков: мифы и реальность. СПб., 2005; Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 2016; Анисимов Е.В. Толпа героев XVIII века. М., 2013; Курукин И.В. Бирон. М., 2006; Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2008; *Он же*. П.И. Ягужинский: грани личности и служебной деятельности // Уральский исторический вестник. 2012. №3. С. 31-41; Базарова Т.А. Первый российский вице-канцлер П.П. Шафиров: пути интеграции в российскую политическую элиту // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682-1750) / ред. Н.Н. Петрухинцев, Лоренц Эррен. М., 2013. С. 122-149.

государственных деятелях этого периода по-прежнему фрагментарны и не всегда точны<sup>3</sup>.

При обращении к эпохе глубоких системных преобразований первой половины XVIII века, которые были проведены с учетом опыта иностранных государств, большой интерес представляют биографии служилых иноземцев. Существуют работы о Генрихе Гюйссене, выполнявшем дипломатические поручения царя, Ф. Х. фон Люберасе, предложившем свой план организации коллегий по шведскому образцу, Эрнсте Кромпейне, который составил первый российский военно-процессуальный кодекс<sup>4</sup>. Новейшие исследования посвящены Якову Брюсу, адмиралу Корнелию Крюйсу, Фоме Кантакузино, Францу Санти<sup>5</sup>.

Одним из самых востребованных и известных иностранцев на русской службе был Генрих Фик, который прожил в России более тридцати лет при пяти монархах от Петра I до Елизаветы Петровны. Он тайно привез из Швеции тысячи документов о государственном устройстве этого государства, следил за их переводом на русский язык, составлял на их основе проекты регламентов и штатов коллегий, аналитические записки о функциях и составе шведских властных институтов. В 1718-1720 годах он работал над проектом генерального Регламента, Регламента Главного магистрата, составлял проекты губернской и судебной реформ. Помимо этого, он состоял советником Камер-коллегии, а затем вице-президентом Коммерц-коллегии и участвовал в текущей деятельности этих учреждений. За годы жизни в России Г. Фик стал статским советником с многочисленными социальными связями,

---

<sup>3</sup> Серов Д.О. Администрация Петра I. С. 11-12.

<sup>4</sup> Пекарский П.П. Барон Гюйссен. Учёно-литературный агент русского правительства в начале XVIII столетия // Отечественные записки. 1860. №3. С. 49-72; Берендтс Э.Н. А.Х. ф. Люберас и его записка об устройстве коллегий в России. СПб., 1891; Серов Д.О. Судебная реформа Петра I. М., 2009. С. 132-142; О других «проектировщиках» подробнее см.: Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. СПб., 1997. С. 107-110.

<sup>5</sup> Филимон А.Н. Брюс. М., 2010; Титлестад, Тургрим. Царский адмирал Корнелиус Крюйс на службе у Петра Великого / перевод с норвежского Ю.Н. Беспятых. - СПб., 2003; Цвиркун В.И. Соратник Петра Великого. История жизни и деятельности Тома Кантакузино в письмах и документах. СПб., 2015; Фролова М.М. Жизненный путь графа Ф.М. Санти, первого в России обер-церемониймейстера // Слава и забвение. Парадоксы биографики / ред. Л.П. Репина. СПб., 2014. С. 164-181.

владельцем обширных имений в Лифляндии и собственного каменного дома в престижном районе Петербурга, где часто собирались иноземцы. Однако его карьера рухнула после воцарения Анны Иоанновны: 1 марта 1731 года он был арестован и десять лет провел в сибирской ссылке.

До сих пор не было проведено полноценное научное исследование его биографии. Значительная продолжительность службы и жизни Фика в России, участие в реформационном процессе и близость к российской политической элите позволяют рассматривать его биографию как инструмент для приращения нового знания о процессе адаптации иностранных моделей управления, политической антропологии самодержавия, нормах политического поведения, природе отношений власти и личности в России первой половины XVIII века. Проблема поиска путей реформирования и выстраивания государственной и экономической системы актуальна и для новейшей истории России и может быть рассмотрена с учетом исторического опыта.

### **Степень изученности темы.**

Работы, в которых упоминается Г. Фик, можно условно разделить на пять групп. К **первой** из них относятся **работы** собственно **биографического характера** – статьи в справочных изданиях и биографические очерки<sup>6</sup>. В 1809 году в Тюбингене вышла книга бывшего секретаря саксонского правительства при дворе Екатерины II Георга Гельбига «Russische Günstlinge», в которой под одной обложкой собраны около ста биографических очерков о различных русских политических деятелях XVIII века<sup>7</sup>. Исследователи неоднократно отмечали недостоверность сведений, приводимых Гельбигом<sup>8</sup>. В этом смысле

---

<sup>6</sup> За рамками историографического очерка остаются работы, в которых авторы лишь упоминают Г. Фика или приводят краткие сведения о нем, почерпнутые из проанализированных нами ниже работ. Подобный подход избавляет нас от многократных повторений.

<sup>7</sup> Helbig, G. Ad., v. Russische Günstlinge. Tübingen. 1809. Русское издание: Гельбиг, Георг фон. Русские избранные и случайные люди // Русская старина. 1886. №4.

<sup>8</sup> Например, Гельбиг запустил абсурдный миф о полной неграмотности кабинет-секретаря Петра I А.В. Макарова: Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 2016. С. 250; Д.О. Серов также называет очерк Гельбига о П.И. Ягужинском «вполне поверхностным»: Серов Д.О. П.И. Ягужинский: грани личности и служебной деятельности // Уральский исторический вестник. 2012. №3. С. 31.

биографический очерк, посвященный Генриху Фику, не является исключением – неверно приведены сведения о его происхождении, семье, годе смерти. Г. Фик назван шведом «самого низкого происхождения», шпионом и предателем своей родины, который, впрочем, «и в России действовал во вред подданным русского царя»<sup>9</sup>. Работа Г. Гельбига публицистична и относится скорее к памфлетическому, нежели к историко-биографическому жанру, необходимо критически относиться к изложенной в ней информации о Г. Фике и других персоналиях.

В 1871 году немецкий историк Юлиус Эккардт опубликовал сборник биографических статей, одна из которых была посвящена Г. Фику<sup>10</sup>. Эккардт опирался в своей работе на мемуары Х. Манштейна, рукопись историка и дерптского бургомистра Конрада Гадебуша (якобы лично встречавшегося с пожилым Г. Фиком) и ряд документов (реляции саксонского посланника Лефорта, письма рижского советника Каспари). Однако текст полон, неточностей и сомнительных свидетельств, например, неверно указан город Фленсбург как место рождения Г. Фика, перепутаны факты его служебной биографии, но при этом он рассказывает о привычке одной из дочерей Г. Фика выпивать такое количество чая, которое «могло бы удовлетворить жажду восемнадцати человек», причем явно путает двух дочерей<sup>11</sup>. Согласно оценке Эккардта, Г. Фик подобно А.И. Остерману и Э.-И. Бирону – лишь авантюрист, достигший в России карьерных высот, недоступных ему в родной Германии – он был «интересной фигурой из круга людей, которых Пётр призвал в Россию, чтобы с их помощью *цивилизовать* её», хотя и менее масштабной в сравнении с А.И. Остерманом и Б.-Х. Минихом<sup>12</sup>. Эккардт рассматривал деятельность Г. Фика в рамках концепции о решающей роли немцев в проведении реформ в России, случайных людей, волею судьбы вознесенных на гребень

<sup>9</sup> Helbig, G. Ad., v. Russische Günstlinge. S. 148-149.

<sup>10</sup> Eckardt, Julius. Heinrich Fick // Jungrossisch und Altlivländisch. Leipzig. 1871. S. 310-328. Представлены также очерки о семье Минихов и адмирале П. Сиверсе.

<sup>11</sup> Ibid. S. 313-315, 317.

<sup>12</sup> Ibid. S. 312.

политической волны в далекой стране. К сожалению, неточностей в данной работе значительно больше, чем сведений, на которые мог бы опереться современный исследователь, что в том числе было обусловлено недоступностью для автора многих источников.

В 1901 году Н.П. Павлов-Сильванский написал статью о Г. Фике для Русского биографического словаря. Формат статьи не подразумевал углубленного биографического исследования. Тем не менее, Н.П. Павлов-Сильванский попытался собрать немногочисленные сведения о Г. Фике, рассыпанные по современным ему монографиям, и изложить их в хронологическом порядке, характерном для справочных изданий. Основное внимание автор уделил участию Г. Фика в реформах Петра I, организации коллегий, его проектам и служебным запискам. Служебная деятельность Г. Фика была высоко оценена Н.П. Павловым-Сильванским, однако, другие аспекты его биографии остались за рамками статьи. Некоторые сведения изложены неверно, например, обстоятельства поступления Г. Фика на русскую службу и возвращения из сибирской ссылки. Неточности и информативные пробелы были, несомненно, обусловлены репрезентативностью доступных Н.П. Павлову-Сильванскому источников<sup>13</sup>.

Сведения о службе Г. Фика в шведской армии (1700-1710) приведены в справочнике Адама Левенгаупта об офицерском составе армии Карла XII<sup>14</sup>. Информация о семье Г. Фика (имена, даты рождения, крещения, бракосочетаний и смерти) собрана в генеалогических справочниках балтийских дворянских родов<sup>15</sup>. Некоторые биографические сведения о Г. Фике указаны также в работах по истории остзейских имений, в рамках

<sup>13</sup> Павлов-Сильванский Н.П. Фик // Русский биографический словарь. СПб., 1901. Т. 21. Фабер-Цявловский. С. 73-75.

<sup>14</sup> Lewenhaupt, Adam. Karl XII:s officerare. Stockholm. 1920. Bd. I. S. 195.

<sup>15</sup> Klingspor, Carl Arvid von. Baltisches Wappenbuch. Wappen sämtlicher den Ritterschaften von Livland, Estland, Kurland und Oesel zugehöriger Adelsgeschlechter Stockholm 1882. S. 310-328; Fick // Deutsches Geschlechterbuch. Görlitz. 1933. Bd. 79 (Baltischer Sonderband Bd. I). S. 85-102; Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. Teil I Livland. Görlitz, 1929. Bd. I. S. 215; Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. Teil II Estland. Görlitz. 1930. Bd. II. S. 111-112; Bd. III. S. 367.

перечисления владельцев, однако, такие сведения фрагментарны и не всегда точны<sup>16</sup>.

Рубежной в историографии стала обширная работа А.Р. Цедерберга «Генрих Фик», изданная в 1930 году<sup>17</sup>. Автор постарался создать первую *научную* биографию Г. Фика с привлечением *новых* источников, в частности, бумаг из личного архива Г. Фика, которые сохранились в некогда принадлежавшем ему замке Оберпален<sup>18</sup>. Цедерберг впервые опубликовал некоторые из них в качестве девяти приложений к своей работе. Среди них заметки и проекты Г. Фика по развитию системы образования, экономики, аппарата государственного управления России и многим другим вопросам, а также копии документов об устройстве шведских государственных учреждений, тайно вывезенных Г. Фиком из этой страны в 1716 году<sup>19</sup>. Эти материалы долгие годы служили подспорьем для исследователей. Цедерберг также впервые указал на другие ценные источники – прошение Г. Фика, написанное им на имя шведского короля Карла XII в 1715 году и опубликованную переписку Г. Фика с рижским магистратом за 1718-1720 и 1723 годы. Хотя сам он цитировал эти документы фрагментарно, его указания расширили возможности последующих исследователей. Цедербергу были недоступны материалы российских архивов, поэтому за рамками его работы остался вопрос о роли Г. Фика в событиях по воцарении Анны Иоанновны в 1730 году, ход следствия по его делу, обстоятельства его жизни в сибирской ссылке, возвращения из нее и многие другие. Цедерберг прекрасно осознавал ограниченность своих возможностей, поэтому отмечал, что основная цель его работы – не только обобщить сведения о Г. Фике, но и привлечь интерес

<sup>16</sup> Hagemeister, Heinrich von. Materialien zu einer Geschichte der Landgüter Livlands T. 2. Riga. 1837. 190-192; Stryk, Leonhard von. Beiträge zur Geschichte der Rittergüter Livlands. Erster Teil. Der ehstnische District. 1877. Dorpat. S. 378-380.

<sup>17</sup> Cederberg A.R. Heinrich Fick. Ein Beitrag zur russischen Geschichte des 18. Jahrhunderts // Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis. Tartu/Dorpat. 1930.

<sup>18</sup> совр. Пыльтсамаа, Эстония. В настоящее время материалы архива Г. Фика хранятся в Эстонском историческом архиве г. Тарту (Eesti Ajalooarhiiv – далее ЕАА), в фонде 1429.

<sup>19</sup> Cederberg A.R. Heinrich Fick. Beilage 1-9. S. 1\*-160\*.

будущих поколений историков к его деятельности<sup>20</sup>. Несмотря на то, что Цедербергу не известна точная дата рождения Г. Фика, обстоятельства его перехода на русскую службу и другие сведения, его работа была новаторской для своего времени. Однако с момента ее публикации прошло более восьмидесяти лет, за эти годы была расширена база источников, скорректированы многие данные, поэтому работу Цедерберга следует использовать с учетом достижений современной историографии.

Поставленная А.Р. Цедербергом цель – вызвать дальнейший исследовательский интерес к биографии Г. Фика – была в полной мере достигнута. Прямым откликом на его работу стали статьи немецких историков и краеведов. В 1941 году В. Йессен опубликовал небольшую статью о деятельности Г. Фика на посту бургомистра в голштинском городе Эккернфёрде, стремясь дополнить исследование Цедерберга материалами из местного городского архива<sup>21</sup>. Йессен также впервые опубликовал портрет Г. Фика, с указанием, что он выполнен по современной Г. Фику миниатюре. В 2005 г. вышла работа краеведа Хорста Слефогта по истории Эккернферде. Он изучил протоколы заседаний городского совета и уделил особое внимание деятельности Г. Фика на посту бургомистра, высоко оценив его роль в налаживании городской жизни в условиях Северной войны<sup>22</sup>.

До появления в 1958 году статьи Г. Гофмана «Heinrich v. Fick und seine Ahnen» («Генрих фон Фик и его предки») исследователи определяли год рождения Г. Фика лишь приблизительно по косвенным данным и не располагали другими точными биографическими сведениями о нем. Г. Гофман прояснил вопрос о годе рождения, происхождении и составе семьи Г. Фика на основе данных церковных книг города Гамбурга, в которых обнаружил записи о крещении самого Г. Фика, его многочисленных братьев и сестер, имена и

<sup>20</sup> Cederberg A.R. Heinrich Fick. S. III, S. 103.

<sup>21</sup> Jessen, Willers. Heinrich Fick, ein Eckernförder Bürgermeister, Ratgeber Peters des Großen. // Jahrbuch der Arbeitsgemeinschaft Schwansen, Amt Hütten und Dänischer Wohld. 1941. №6. S. 18-23.

<sup>22</sup> Slevogt, Horst. Eckernförde. Die Geschichte einer deutschen Kaufmannsstadt im Herzogtum Schleswig. Bd. 2. 2005. S. 171-172.

даты крещения и бракосочетаний его родителей, бабушек и дедушек по отцовской и материнской линиям<sup>23</sup>.

Биография Г. Фика привлекала интерес немецких историков и в последующие годы. В 1974 году вышла статья С. Шпилер «Heinrich von Fick. Ein holsteinischer Mitarbeiter Peters des Großen. Notizen zu einer Biographie» («Генрих фон Фик. Голштинский сотрудник Петра Великого. Заметки к биографии»). Автор постаралась собрать и кратко изложить биографические сведения о Г. Фике, оговорив, что *подробное* освещение участия Г. Фика в петровских реформах государственного управления, степени его вовлеченности в борьбу придворных группировок после кончины Петра I и других граней биографии не стоит в ряду исследовательских задач. Формат статьи обозначен и в подзаголовке: *заметки* к биографии. Подобное обобщение было сделано не за счет привлечения новых источников, а на основе достижений предшествующих исследователей, что повлекло за собой повторение некоторых неточностей. В частности, вслед за П.П. Пекарским и А.Р. Цедербергом автор указывает, что Г. Фика на русскую службу рекомендовал голштинский дипломат Г. Бассевич в конце 1715 года<sup>24</sup>. Однако еще в 1945 году Н.А. Воскресенский опубликовал в сборнике «Законодательные акты Петра I» письмо Я. Брюса Кабинет-секретарю Петра I А.В. Макарову от 3 декабря 1714 года с просьбой как можно скорее пропустить в Ревель или Санкт-Петербург иноземца Генриха Фика<sup>25</sup>.

К безусловным достоинствам работы С. Шпилер относится стремление автора выйти за рамки двух традиционных оценочных (и, как правило, взаимоисключающих) точек зрения на Г. Фика – как на русского государственного деятеля и видного участника реформ или же немецкого

<sup>23</sup>Hofmann, Harry v. Heinrich v. Fick und seine Ahnen // Baltische Hefte. 1958. Heft 4. S. 256. S. 256-259.

<sup>24</sup>Spieler, Silke. Heinrich von Fick. Ein holsteinischer Mitarbeiter Peters des Großen. Notizen zu einer Biographie // Russland und Deutschland. (Kieler Historische Studien 22) Stuttgart. 1974. S. 87. Автор опирается на работу П.П. Пекарского: Пекарский П.П. История Императорской Академии Наук в Петербурге. СПб., Т.1. 1870. С. 201. сн. 1.

<sup>25</sup>Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.-Л., 1945. Т.1. С. 42; Первым из зарубежных исследователей на это письмо обратил внимание в 1979 году К. Петерсон: Peterson, Claes. Peter the Great's administrative and judicial reforms: Swedish antecedents and the process of reception. Lund. 1979. P. 71.

авантюриста. С. Шпилер справедливо предложила обратить внимание на скупо освещенные в историографии аспекты деятельности Г. Фика – его внимание к нуждам иностранцев на русской службе и лифляндскому вопросу. Однако *метод*, предложенный С. Шпилер, подразумевает переоценку, пересмотр *уже известного, накопленного* материала, а не привлечение новых источников<sup>26</sup>. Представляется, что подобный подход весьма ограничивает возможности исследователя и не позволяет существенно дополнить биографические сведения о Г. Фике<sup>27</sup>.

Среди новейших работ выделяется биографический справочник, составленный Д.О. Серовым. Автор впервые систематически исследовал персональный состав государственного аппарата России времен Петра I. Отдельная статья посвящена Г. Фику, в ней изложены основные биографические факты и вехи его служебной деятельности. Размер и содержание статьи в полной мере отвечают справочному формату и функционалу издания – что нельзя отнести к недостаткам работы. Автор обратил внимание на ряд ценных источников, ранее не упоминавшихся в обобщающих работах, в частности, на судебно-следственное дело Г. Фика<sup>28</sup>.

В целом, работы этой историографической группы не дают всестороннего представления о биографии и служебной деятельности Г. Фика. Попытки некоторых авторов обобщить сведения о Г. Фике не всегда выводили исследование на информативно более высокий уровень, что объясняется недоступностью источников и, как следствие, механическим переносом неточных сведений из одной работы в другую.

**Вторую группу работ, в которых упоминается Г. Фик составляют исследования, посвящённые реформам Петра I в сфере государственного**

---

<sup>26</sup> Spieler, Silke. Heinrich von Fick. S. 84.

<sup>27</sup> В 1982 г. вышла краткая статья С. Шпилер о Г. Фике в составе биографического справочника. В целом, изложенная в ней информация существенно не отличается от сведений, приведенных в более ранней статье. См.: Spieler, Silke. Fick, Heinrich Claus von // Biographisches Lexikon für Schleswig-Holstein und Lübeck. Neumünster. 1982. Bd. 6. S. 94-95.

<sup>28</sup> Серов Д.О. Администрация Петра I. С. 78-79.

управления и адаптации норм зарубежного права при их подготовке и проведении<sup>29</sup>.

Одним из первых в подобном контексте упомянул Г. Фика Э.Н. Берендтс в своей речи, произнесенной 12 мая 1891 года в Археологическом институте: «Кто же были те иноземцы, советам которых следовал Пётр, вводя коллегиальные учреждения? Уже давно известно, что таковыми были великий философ Лейбниц и одна, *довольно сомнительная*, личность, иноземец, голштинiec Генрих Фик»<sup>30</sup>. Яркая риторическая оппозиция «великий философ» – «сомнительная личность» вполне отражает степень изученности биографии Г. Фика в указанный период, когда высказывания о нем Г. Гельбига или Х. Манштейна учитывались наравне с данными архивных источников. Впрочем, Э.Н. Берендтс посвятил свою речь А. ф. Люберасу, который предлагал свои проекты по устройству коллегий в России и стремился составить в этом деле конкуренцию Г. Фику.

В 1892 году вышло первое издание книги П.Н. Милюкова «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого», в которой он проанализировал некоторые проекты Г. Фика, подготовленные им в ходе проведения административных реформ. П.Н. Милюков охарактеризовал Г. Фика как «главного деятеля по перенесению в Россию монархическо-бюрократического режима Карла XI» и руководителя «всего дела»<sup>31</sup>. Также П.Н. Милюков одним из первых обратил

---

<sup>29</sup> Берендтс Э.Н. Несколько слов о «коллегиях» Петра Великого. Ярославль. 1898; Peterson С. Op. Cit.; Троицкий С.М. Об использовании опыта Швеции при проведении административных реформ в России перв. четв. XVIII в. // Вопросы истории. 1977. №2. С. 67-75; Анисимов Е.В. «Шведская модель» с русской «особостью». // Звезда. 1995. №1. С. 133-150; Некрасов Г.А. Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 334-343; Водарский Я.Е. Из истории создания Главного магистрата // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 108-112; Его же. Проект регламента Главного магистрата и его редакции: (1720 г.) // Проблемы источниковедения. Вып. X. М., 1962. С. 195-207; Маньков А.Г. Использование в России шведского законодательства при составлении проекта Уложения 1720-1725 гг. // Исторические связи Скандинавии и России: IX-XX вв. Л., 1970; Медушевский А.Н. Развитие аппарата управления России в первой четверти XVIII в. // История СССР. 1983. №6. С. 136-142; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство. М., 1974. С. 69-70, 98-99.

<sup>30</sup> Берендтс Э.Н. А.Х. ф. Люберас и его записка об устройстве коллегий в России. СПб., 1891. С. 4.

<sup>31</sup> Здесь и далее цитаты приводятся по второму изданию: Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 426, 440.

внимание на то, что предложения Г. Фика по реформированию Сената, сформулированные им в 1723 году были, в сущности, воплощены в 1726 году при создании Верховного Тайного совета<sup>32</sup>.

В контексте государственных реформ упоминал Г. Фика и М.М. Богословский: «Окончательное решение ввести коллегии на иностранный образец созрело у Петра в 1715 г. [...] Тогда же был принят на русскую службу известный голштинiec Генрих Фик, специалист по государственному праву, и отправлен в Швецию для изучения и описания тамошних административных учреждений»<sup>33</sup>. Он также упоминал о большом количестве документов – «целой кипе описаний шведского управления» – привезенных Г. Фиком из Швеции в 1717 году и их важной роли в подготовке реформы<sup>34</sup>. М.М. Богословский характеризовал XVIII век как «век рационализма и полицейского государства, Фиков и Люберасов, бродячих политических прожектёров и знатоков государственных учреждений, нанимавшихся в любую страну», в то же время, называя Г. Фика «специалистом по государственному праву» и «политическим инженером»<sup>35</sup>. В целом, М.М. Богословский опирался на работу П.Н. Милюкова и не освещал подробно деятельность Г. Фика, ограничиваясь отдельными упоминаниями его имени и проектов.

В 1960-е гг. Я.Е. Водарский изучал историю выработки проекта Регламента Главного Магистрата. Подготовка инструкции обер-президента магистратов была поручена Г. Фику, поэтому исследователь первоначально рассматривал его деятельность только в этой связи. В частности, он проследил редакции документа и обратил внимание, что предложенное Г. Фиком городское устройство предусматривало систему прав и привилегий по западному образцу, что противоречило представлениям и намерениям

<sup>32</sup> Милюков П.Н. Государственное хозяйство России. С. 502-503.

<sup>33</sup> Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719-1727. М., 1902. С. 29.

<sup>34</sup> Там же. С. 31.

<sup>35</sup> Там же. С. 29, 36. Богословский М.М. Значение реформы Петра Великого в истории русского дворянства // Российский XVIII век. М. Т.1. С. 33.

российского правительства<sup>36</sup>. По мнению Я.Е. Водарского, «голштинец Генрих Фик был одним из политических авантюристов, которыми было так богато то время. Однако он выделялся среди многих из них своей относительной образованностью и широтой кругозора»<sup>37</sup>. В дальнейшем Я.Е. Водарский опубликовал две обобщающих статьи, в которых постарался более детально выяснить «характер деятельности Фика в России» и степень его участия в подготовке административных реформ 1719-1727 гг.<sup>38</sup>. На деле, Я.Е. Водарский не проанализировал подробно конкретные проекты Г. Фика в различных областях государственного управления, а собрал его обобщающие характеристики, высказанные прежде в историографии. Суждения автора остались в традиционно оценочной, а не аналитической плоскости, при этом он оспорил тезис П.Н. Милюкова о руководящей роли Г. Фика при проведении реформ<sup>39</sup>. Автор опирался на достижения предшествующих исследователей, тем не менее (или, наоборот, вследствие этого) в статьях повторен ряд неточностей – неверный год рождения Г. Фика, ошибочная датировка его возвращения из ссылки и другие детали. Социальные связи Г. Фика, его политические представления, конкретные виды деятельности и другие вопросы остались за рамками работ Я.Е. Водарского из-за традиционной и скудной источниковой базы.

С. М. Троицкий упоминал Г. Фика в связи с процессом разработки Табели о рангах. По его оценке, проекты и донесения Г. Фика были учтены при составлении этого важнейшего для формирования российского государственного аппарата документа<sup>40</sup>. Он также проследил связь между идеями Г. Фика о необходимости повышения образовательного уровня

---

<sup>36</sup> Водарский Я. Е. Проект регламента Главного магистрата и его редакции (1720 г.) // Проблемы источниковедения. Вып. X. М., 1961. С. 200.

<sup>37</sup> Водарский Я. Е. Из истории создания Главного магистрата // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 110.

<sup>38</sup> Водарский Я. Е. Генрих Фик в России (1715-1750) // Славяне и их соседи. Вып. 9. М., 1999. С. 189, 193; Водарский Я. Е. Генрих Фик и его участие в реформах Петра Великого // Вехи минувшего. Липецк, 2000. С. 5-18.

<sup>39</sup> Водарский Я. Е. Генрих Фик в России (1715-1750). С. 195.

<sup>40</sup> Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство. М., 1974. С. 98.

служащих и развития просвещения в России с идеей о подготовке кадров в учреждениях, отраженной в «Табели»<sup>41</sup>.

Особое место в группе работ, в которых фигура Г. Фика возникает в связи с реформами, занимает труд шведского историка Класа Петерсона. Он подробно проанализировал, в какой степени шведские образцы – устройство государственных учреждений (коллегий, канцелярий, судов) – были перенесены на российскую почву. Он неоднократно обращался к различным проектам Г. Фика, выявил его предложения по составлению штатов и регламентов коллегий, а также отвёл в своей монографии особое место небольшому биографическому очерку о Г. Фике<sup>42</sup>. В частности, он обратился к вопросу об обстоятельствах поступления Г. Фика на русскую службу и его деятельности в Швеции по сбору информации о её государственном устройстве. Однако основное внимание К. Петерсона сосредоточено на осмыслении хода коллегиальной реформы. При обращении к биографии Г. Фика он во многом опирался на работу А. Цедерберга, а создание обобщенного полноценного жизнеописания Г. Фика не входило в круг поставленных им исследовательских задач. Таким образом, в работе К.

---

<sup>41</sup> Там же. С. 269

<sup>42</sup>Peterson, Claes. Peter the Great's administrative and judicial reforms: Swedish antecedents and the process of reception. Lund. 1979. p. 70-79. Через тридцать лет после выхода в свет этой работы, была опубликована также статья К. Петерсона «Реформы Петра I в сфере государственного управления и их шведские прототипы», которая в сущности представляет собой реферат ранее опубликованного труда. Несмотря на то, что в статье вновь специально выделен раздел о деятельности «Генрих Фик – тайный агент Петра I в Стокгольме», он не содержит никаких новых сведений о Г. Фике. Петерсон, Клас. Реформы Петра I в сфере государственного управления и их шведские прототипы // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур / под. ред. Т. Тоштендаль-Салычевой и Л. Юнсон. М., 2009. С. 257-271; В современной статье датского историка Леона Йесперсена, также посвященной адаптации шведской государственной модели в других странах, лишь упоминается имя Г. Фика – «настоящего шпиона», собравшего множество копий документов об устройстве шведского государства: Jespersen, Leon. Sverige som hot och förebild // Sveriges Historia 1600-1721. S. 244. Имя Г. Фика упоминается в целом ряде работ, посвященных процессу восприятия и адаптации норм зарубежного права и образцов государственного устройства при проведении петровских реформ: Берендтс Э.Н. Несколько слов о «коллегиях» Петра Великого. Ярославль. 1898; Маньков А.Г. Использование в России шведского законодательства при составлении проекта Уложения 1720-1725 гг. // Исторические связи Скандинавии и России: IX-XX вв. Л., 1970; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство. М., 1974. С. 69-70, 98-99; Некрасов Г.А. Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 334-343; Троицкий С.М. Об использовании опыта Швеции при проведении административных реформ в России перв. четв. XVIII в. // Вопросы истории. 1977. №2. С. 67-75; Медушевский А.Н. Развитие аппарата управления России в первой четверти XVIII в. // История СССР. 1983. №6. С. 136-142; Анисимов Е.В. «Шведская модель» с русской «особостью». // Звезда. 1995. №1. С. 133-150.

Петерсона отдельный сегмент служебной деятельности Г. Фика традиционно превалирует над другими аспектами его биографии.

Существенный вклад в изучение проектов Г. Фика, степени их воплощения в российских реалиях, его роли в проведении государственных реформ, поиске и подготовке служащих для коллегий внесла работа Е.В. Анисимова «Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого». По его оценке, Г. Фик проделал огромную, ответственную, опасную работу, а без его усилий коллежская реформа «не была бы такой продуманной и быстрой». Е.В. Анисимов, вслед за А.Р. Цедербергом и К. Петерсоном отметил особое значение разведывательной миссии Г. Фика, ценность добытых им сведений для хода реформ. Однако работа не содержит качественно новых сведений, которые могли бы подробнее осветить разведывательную деятельность Г. Фика. Е.В. Анисимов также обратил внимание на особую «попечительскую» роль Г. Фика и его заботу о нуждах иностранцев, служивших в коллегиях<sup>43</sup>. В целом, Е.В. Анисимов рассмотрел деятельность Г. Фика через призму своих исследовательских задач, поэтому за рамками его труда остались сюжеты из жизни Г. Фика, непосредственно не относящиеся к реформам.

Участие Г. Фика в реформах центрального и местного управления, его предложения об устройстве учреждений и необходимых условиях гражданской службы, величине жалованья, принципах оплаты труда и других аспектах государственного управления рассмотрены Л.Ф. Писарьковой. Говоря о роли Г. Фика в разработке областной реформы 1719 г. и «поправках», предложенных им в 1723 г., она отметила, что идеи Г. Фика о необходимости решения большинства дел на местах без передачи в высшие инстанции (фактически речь шла о децентрализации системы управления) были реализованы лишь Екатериной II<sup>44</sup>. Однако перед автором не стояла задача

---

<sup>43</sup> Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. СПб., 1997. С. 199. См. также: Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. М., 2007. С. 170-227.

<sup>44</sup> Писарькова Л.Ф. Государственное управление России ... С. 170.

обобщения взглядов Г. Фика, в частности на условия службы в России, поэтому отдельные наблюдения рассыпаны по тексту монографии.

Д.О. Серов уделил особое внимание участию Г. Фика в подготовке судебной реформы в историко-правовом исследовании «Судебная реформа Петра I». Скрупулезно проанализировав ход реформы, Д.О. Серов пришел к выводу, что Г. Фик был основным консультантом Петра I в этой сфере, и именно от него царь получил наиболее полное представление о правовом законодательстве и устройстве судебной системы Швеции<sup>45</sup>.

В монографии Н.В. Козловой «Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке» подробно рассмотрены проекты Г. Фика, посвященные вопросам регулирования торговли, налоговой и финансовой сфер государственного хозяйства. Отдельные главы посвящены выработке проектов Регламента Главного магистрата, инструкции обер-президента магистратов, проекту регламента Коммерц-коллегии и его редакции 1721 года, написанным Г. Фиком<sup>46</sup>. Подробно рассмотрена деятельность Г. Фика на посту вице-президента Коммерц-коллегии, а также его участие в работе комиссии о коммерции, учрежденной в 1727 году для «поправления» и оптимизации торговли<sup>47</sup>.

Н.А. Воскресенский обращался к деятельности Г. Фика при составлении сборника «Законодательные акты Петра I»<sup>48</sup>. В 2017 году впервые была издана его работа «Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века». Он проанализировал проекты регламентов различных коллегий, Генерального регламента и другие материалы, составленные Г. Фиком и характеризовал его

---

<sup>45</sup> Серов Д.О. Судебная реформа Петра I. С. 162, 164-165, 168-176, 186-188, 197. Публикация проекта Г. Фика о порядке судопроизводства см.: Там же. Приложение I, №1; Также см.: Peterson, Claes. Peter the Great's administrative and judicial reforms: Swedish antecedents and the process of reception. Lund. 1979. P. 248-251, 303-380.

<sup>46</sup> Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е - начало 60-х годов). М., 1999. С. 77-92, 112-127.

<sup>47</sup> Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество ... С. 97. Козлова Н. В. Коммерц-коллегия в 20-50-е годы XVIII в. // Государственные учреждения России в XVII–XVIII вв. М., 1991. С. 137-167.

<sup>48</sup> Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.-Л., 1945. Т.1.

деятельность следующим образом: «Фик составлял экстракты из королевских шведских учреждений, сочинял штаты, инструкции, давал всякие справки и с этой стороны – как консультант – был весьма полезен. Что же касается влияния на ход политики Петра в той или иной отрасли государственного управления, то такой роли ему ни в коем случае приписать нельзя. После изучения всего написанного Генрихом Фиком по указанию Петра и его правительства впечатление от его проектов можно формулировать таким образом: первоначальные его проекты, как составленные автором, начитанным в западноевропейских законодательных источниках, особенно в шведских, обладали всеми чертами деловой бюрократической проработанности, но были лишены творческого характера, знания общественной и государственной жизни России. Они не отражали политики царя и ни в какой мере не оказали влияния на ее направление, но в то же время значительно содействовали реформе – подготовкой для использования русскими законодательными органами западноевропейских актов и помощью в самой выработке бюрократических порядков во вновь вводимых в России, по западноевропейским образцам, центральных и местных учреждениях»<sup>49</sup>.

Отдельные проекты Г. Фика рассмотрены также в работах Т.А. Базаровой и Н.Н. Петрухинцева<sup>50</sup>.

**В третьей группе исследований затронут вопрос о роли Г. Фика в попытке ограничения самодержавия в 1730 году и его судьба после воцарения Анны Иоанновны<sup>51</sup>. П.П. Пекарский составил сборник биографических очерков о сотрудниках петербургской Академии Наук. В**

---

<sup>49</sup> Н.А. Воскресенский. Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века / под. ред. Д.О. Серова. М., 2017. С. 182-183.

<sup>50</sup> Базарова Т.А. Генрих Фик и его проект «... об исправлении города Санкт-Питербурха и размножении во оном жителей» // Петровское время в лицах. СПб., 2003. С. 24-29; Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740). М., 2014. С. 81-82, 391-393.

<sup>51</sup> Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т.1; Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880; Hjärne, H. Ryska konstitutionsprojekt år 1730 efter svenska förebilder. Stockholm, 1884; Протасов Г.А. «Кондиции» 1730 г. и их продолжение // Учёные записки Тамбовского педагогического института. 1957. Вып. 15. С. 215-231; Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762 гг. Рязань, 2003; И.В. Курукин, А.Б. Плотников. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010.

рамках очерка, посвященного «доктору прав», юристу Иоганну-Симону Бекенштейну, он обратился к судьбе Г. Фика, поскольку Бекенштейн был назначен членом судебной комиссии по его делу: «В деятельности академика в Петербурге как юриста-практика встретился случай, заслуживающий упоминания по отношению к русской истории первой половины прошедшего (XVIII – Я.Л.) столетия»<sup>52</sup>. Сведения о роли Г. Фика в «затейке верховников» П.П. Пекарский черпал из мемуаров Манштейна<sup>53</sup>: «Известно по многим печатным сочинениям и статьям, что при восшествии на престол императрицы Анны Иоанновны некоторые из вельмож задумали было ввести разные ограничения в существовавшей дотоле форме правления в России. Генрих Фик, посланный Петром Великим в Швецию, чтобы добыл там известия по разным отраслям государственного управления, пристрастился, как рассказывает Манштейн, к шведскому, почти республиканскому правлению и после смерти императора Петра II вошел тотчас в переписку с князем Дмитрием Михайловичем Голицыным относительно ограничения самодержавия в России». После полнейшей неудачи верховников, Фик был арестован, и 30 декабря 1731 года дело о нем было передано на суждение департамента эстляндских и лифляндских дел Юстиц-коллегии, где по этому поводу составила комиссия, в которую назначен был и Бекенштейн»<sup>54</sup>.

П.П. Пекарский фрагментарно передал некоторые показания русских свидетелей, и самого Г. Фика на допросе 11 января 1732 года, а также извлечения из приговора судебной комиссии. Однако использованные им данные составляют незначительную часть всех документов, которыми исследователи располагают в настоящий момент (сам он замечал, что показаний против Фика отобралось весьма немного)<sup>55</sup>. П.П. Пекарскому были недоступны или неизвестны многие источники, а те источники, которыми он

<sup>52</sup> Пекарский П.П. История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 200.

<sup>53</sup> Манштейн Х.-Г. Записки о России // Перевороты и войны. История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII-XX вв. М., 2000. С. 40-41.

<sup>54</sup> Пекарский П.П. История императорской Академии наук в Петербурге. С. 200.

<sup>55</sup> Пекарский П.П. Там же. С. 205-206.

располагал – мемуары Манштейна, обрывочные материалы следственного дела Г. Фика – мало информативны или недостаточны для подробного освещения сюжета о роли Г. Фика в событиях 1730 года. Впрочем, Пекарский и не имел намерения составить подробный биографический очерк о Г. Фике или предпринять предметное исследование хода следствия.

Уже упоминавшийся немецкий автор Ю. Эккардт также попытался оценить роль Г. Фика в событиях 1730 года и, подобно П.П. Пекарскому, в поисках фактов обращался к мемуарам Манштейна, а также дополнил их донесениями саксонского посланника в России Лефорта и сведениями из письма рижского советника Каспари, находившегося в Москве во время ареста Г. Фика. Опираясь на свидетельство Манштейна, Эккардт воспроизвел ставшую традиционной для историографии (но не ставшую от этого логичной) причинно-следственную связь: а) Г. Фик собирал в Швеции документы об устройстве этого государства; б) Лефорт и Манштейн единогласно свидетельствуют, что при создании «кондиций» использовались шведские образцы; в) «нам уже известно, кто привез в Россию шведские образцы – Генрих Фик», следовательно, г) Г. Фик участвовал в создании «кондиций»<sup>56</sup>! Дальнейшее замечание Эккардта, не основанное на каких бы то ни было источниках, кроме мнения Манштейна, поражает своей категоричностью и парадоксальностью: неизвестно, составил ли Г. Фик *именно те* восемь пунктов, которые Анна Иоанновна подписала в Митаве, и вообще *о ходе следствия* по делу Г. Фика *царит полнейшее молчание* (здесь и далее курсив мой – Я.Л.)<sup>57</sup>. Иными словами, никакими данными о ходе расследования Эккардт не располагал, но считал бесспорным, что Г. Фик составлял «ограничительные пункты». Он процитировал в своей работе текст письма Г. Фика в лифляндскую ландратскую коллегия от 5 ноября 1744 года, в котором сообщены некоторые любопытные подробности его содержания под

<sup>56</sup> Eckardt, Julius. Heinrich Fick. S. 317.

<sup>57</sup> Ibid. S. 317.

стражей<sup>58</sup>. Однако в свете многочисленных допущенных автором неточностей, эти данные требуют тщательной архивной проверки. Необоснованные документально суждения и фактические ошибки были обусловлены не столько недобросовестностью автора, сколько недоступностью для него многих источников, введенных в оборот лишь в последующие десятилетия.

Фундаментальная работа Д.А. Корсакова «Воцарение императрицы Анны Иоанновны» положила начало традиции исследования политических проектов 1730 г.<sup>59</sup> Силуэт Г. Фика смутно проступает в монографии Д.А. Корсакова лишь в связи с якобы имевшей место «политической перепиской» Г. Фика с Д.М. Голицыным: «Еще при Петре Великом начинаются близкие отношения князя Д.М. Голицына с Генрихом Фиком, весьма образованным человеком того времени. Генрих Фик, голштинiec родом, поступивший на службу к Петру Великому в 1715 году, известен своими трудами по введению в России коллегиального порядка управления и по плану народного образования. Петр Великий командировал его в Швецию для изучения тамошнего законодательства и тогда-то возникла у него политическая переписка с князем Д.М. Голицыным. При Петре II Фик был вице-президентом Коммерц-коллегии»<sup>60</sup>. Поразительно, но даже Д.А. Корсаков, впервые проделавший большую источниковедческую, систематическую работу по изучению политических проектов 1730 г., писал о существовании некой «политической переписки» Г. Фика с Д.М. Голицыным лишь на основании фразы Манштейна, хотя ни одно письмо из «переписки» не было представлено.

Арест и дело Г. Фика кратко упомянуты Д.А. Корсаковым в качестве очередного звена в цепи политических процессов: «Иметь копию с «кондиций» считается государственным преступлением. Из-за этого возникает целый ряд процессов, которыми дебютирует возобновленный

---

<sup>58</sup> Ibid. S. 319-320.

<sup>59</sup> Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. С. 21.

<sup>60</sup> Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. С. 38-39.

Преображенский приказ, названный «Тайных розыскных дел канцелярией» и порученный Андрею Ивановичу Ушакову. [...] За имение у себя копий «кондиций» и за сочувствие голштинскому принцу гибнут вице-президент Коммерц-коллегии Фик и адмирал Сиверс: первый ссылается в Сибирь, а второй в свою деревню»<sup>61</sup>. И в другой работе Д.А. Корсаков писал: «Фик, подавший Петру Великому проект обучения молодых людей, был одним из просвещеннейших служилых иноземцев в России в XVIII веке. Сторонник шведской конституции, Фик разработал для Петра Великого систему коллегиального управления и находился в близких отношениях с замечательным русским государственным деятелем первой половины XVIII века – князем Дмитрием Михайловичем Голицыным. Влиянием на него Фика объясняется многое в замыслах верховников при ограничении самодержавия Анны Иоанновны»<sup>62</sup>. Таким образом, несмотря на отсутствие достоверных документальных свидетельств, в работе Д.А. Корсакова было закреплено представление о близости Г. Фика к Д.М. Голицыну, об их предполагаемой совместной работе в рамках «политического плана» Д.М. Голицына, в которой Г. Фик якобы выступал как консультант по правовым вопросам, что и послужило причиной его ареста.

В 1883 году вышел четвертый том «Сборника материалов и статей по истории Прибалтийского края», в котором был опубликован указ Анны Иоанновны, прямо касавшийся Г. Фика и событий 1730 года. В указе генералу П. Ласси от 3 мая 1731 года<sup>63</sup> императрица требовала найти и допросить некоего капитана Рихтера, который «в последнюю бытность свою в Петербурге очень прилежно посещал дом вице-президента Фика». Рихтера следовало допросить о том, что он слышал в доме Фика, а именно «каким образом Фик выражался о самодержавии и о будущей форме правления и какие мнения или речи были высказываемы». Анне Иоанновне стало известно, что Фик «различныя и

---

<sup>61</sup> Там же. С. 300-301.

<sup>62</sup> Корсаков Д.А. Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань, 1891. С. 94.

<sup>63</sup> К этому моменту Г. Фик уже два месяца содержался под стражей.

верному нашему подданному и чиновнику вел неподобающие речи, кои, между прочими, должен был слышать также и вышеназванный капитан Рихтер»<sup>64</sup>.

В комментарии к указу кратко упоминается о событиях 1730 года и последовавших за ними опалах князей Долгоруких и Голицыных: «начали допрашивать знакомых князя Василия Лукича (Долгорукого – Я.Л.), в числе которых был и вице-президент Коммерц-коллегии фон Фик». Публикатору известен документ, содержащий ответы Г. Фика по шести пунктам, предъявленным ему на первом допросе в день ареста 1 марта 1731 г. «Ответы Фика писал известный Ушаков, а Фик подписал по-немецки клятвенное утверждение, что он в этих проектах никакого участия ни письменного, ни устного не принимал»<sup>65</sup>. Сведения о роли Г. Фика в «затейке верховников» традиционно взяты из мемуаров Манштейна<sup>66</sup>. Результат выполнения указа – текст расспросных речей Рихтера – публикатору неизвестен: «Что отвечал Рихтер на допросе, произведенном ему в Риге по вышепрописанному указу, неизвестно»<sup>67</sup>, но, конечно, он не мог не дать такого же ответа, как и Фик (что Фик и сам Рихтер не участвовали в составлении проектов – Я.Л.), по той простой причине, что и Фик, и Рихтер были слишком малозначительные люди, чтобы такие вельможи, какими были Долгорукие и Голицыны, могли входить в какие-либо прямые связи с ними и посвятить их в такие важные дела, как избрание государыни»<sup>68</sup>.

Также публикатору неизвестно, что Рихтер – один из многих свидетелей, а его допрос – часть подробного розыска, поэтому и указ, и сам факт допроса Рихтера «повисает в воздухе». Между тем это лишь часть большой картины, которую можно было бы увидеть полностью, взглянув не на отдельный ее

<sup>64</sup> Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1883. Т. IV. С. 215.

<sup>65</sup> Там же. С. 216.

<sup>66</sup> Там же. С. 216-217.

<sup>67</sup> Забегая вперед отметим, что нам известно, что отвечал Рихтер на допросе. Текст указа Анны Иоанновны от 3 мая 1731 года, ответ на него Ласси с приложением копии текста расспросных речей Рихтера находится среди материалов следственного дела Г. Фика. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 170-172.

<sup>68</sup> Сборник материалов и статей ... С. 216.

штрих, а на изображение целиком. Комментарий к публикуемому документу не подразумевал подробного освещения обстоятельств воцарения Анны Иоанновны и отдельных следственных процессов, поэтому Г. Фик характеризуется как малозначительная фигура, «знакомый Василия Лукича». Используемые автором комментария фрагментарные сведения отдельных источников не дают общего представления ни о ходе следствия над Г. Фиком, ни о его роли в событиях 1730 года, ни о настроениях и слухах, ходивших в этой связи в рядах высшей и средней бюрократии обеих столиц.

В 1884 году вышла работа шведского историка Х. Иерне «Русские конституционные проекты 1730 года и их шведские образцы», в которой автор проводил текстуальные параллели между русскими ограничительными проектами 1730 г. и шведскими конституционными актами 1720 года<sup>69</sup>. В этой работе приведены фрагменты донесений шведского посла Дитмера из Москвы и секретаря шведского посольства Мориана из Петербурга с описанием событий междуцарствия. Однако раскрыть информативный потенциал этих сведений возможно лишь при обобщении их с данными других источников.

В начале XX века, опираясь на работы Д.А. Корсакова и Х. Иерне, к событиям 1730 г. обратился и П.Н. Милюков, который заинтересовался Г. Фиком еще во время работы над книгой о реформе государственного управления. Он исходил из предпосылки, что у Д.М. Голицына была продуманная политическая теория, согласно которой он планировал ограничить самодержавие в 1730 году<sup>70</sup>. Причем, «выбор князя Голицына давно уже остановился на шведском устройстве», с которым его познакомил Г. Фик, служивший под началом князя в Камер-коллегии<sup>71</sup>. П.Н. Милюков создал поистине идиллическую картину доверительного сотрудничества, царившего между Д.М. Голицыным и Г. Фиком: «...гость за трубкой табаку, предложенною любезным хозяином, засиживался далеко за полночь. (...) О

<sup>69</sup> Hjärne H. Ryska konstitutionsprojekt år 1730 efter svenska förebilder. Stockholm, 1884.

<sup>70</sup> Милюков П.Н. Верховники и шляхетство. РНД., 1905. С. 23.

<sup>71</sup> Там же. С. 24.

чем собственно могла идти речь в этих ночных беседах, *легко представить себе*, если вспомнить, что Фик в Швеции «получил вкус к республиканскому правлению»<sup>72</sup>. Здесь опять всплывают вездесущие мемуары Манштейна и его домыслы о «политическом обращении» Г. Фика в Швеции. Еще один красноречивый пример риторики П.Н. Милюкова: «возражений против своего проекта Голицын с Фиком, наверное, не предвидели» – так и представляется, как Д.М. Голицын и Г. Фик склонились над текстом «кондиций»<sup>73</sup>.

Оставляя за скобками литературный талант П.Н. Милюкова, отметим, что вопрос о роли Г. Фика в событиях 1730 года не проясняют и приведенные им по работе Х. Иерне донесения секретаря шведского посольства Мориана, который сообщал о различных слухах, ходивших об участии Г. Фика в составлении «кондиций». Эти ценные данные, подобно указу Анны Иоанновны, опубликованному в «Сборнике материалов и статей по истории Прибалтийского края», «тонут» в пучине небылиц и историографических штампов. Работа П.Н. Милюкова надолго «сбила прицел» историографии не только относительно роли Г. Фика в событиях 1730 года, но и самого этого периода в истории России как такового. Участие Г. Фика в составлении «Голицынского конституционного проекта» было объявлено им «вполне несомненным»<sup>74</sup>. Более того, со времен П.Н. Милюкова вопрос об участии Г. Фика в «затейке верховников» стал сводиться к вопросу о том, *использовались или не использовались* при составлении «кондиций» *шведские образцы*. Если автор полагал, что шведские образцы использовались, то Г. Фик становился участником ограничения самодержавия, «другом Василия Лукича» и конфидентом Д.М. Голицына. Если же автор полемизировал с П.Н. Милюковым и полагал, что шведские образцы не использовались, то и Г. Фик попутно назывался малозначительным чиновником, до мнения которого сановным вельможам не было дела. При этом не были обнаружены и

<sup>72</sup> Милюков П.Н. Верховники и шляхетство. С. 25-26.

<sup>73</sup> Там же. С. 34.

<sup>74</sup> Там же. С. 28.

представлены какие бы то ни было прямые свидетельства сотрудничества Г. Фика с Д.М. Голицыным, а сама постановка вопроса, казалось бы, и не требовала поиска новых источников и выхода за рамки проблемы об использовании шведских образцов.

А.Р. Цедерберг предостерегал от безусловного принятия свидетельства Манштейна: «На основании доступных нам источников невозможно выяснить, принимал ли Фик какое-либо участие в составлении кондиций»<sup>75</sup>. Однако Цедерберг, подобно другим исследователям, вынужденно заполнял брешь в базе источников вопросом о том, насколько шведские образцы повлияли на русские проекты ограничения самодержавия в 1730 г.: «Если действительно удастся установить факт шведского влияния на конституционные проекты верховников, то можно предположить, что к этим проектам имел отношение Фик, входивший в окружение Д.М. Голицына»<sup>76</sup>. В целом, Цедерберг был весьма осторожен в выводах относительно причин ареста Г. Фика и задавался вопросом, удастся ли их вообще установить<sup>77</sup>. Несмотря на то, что материалы следственного дела были недоступны и неизвестны Цедербергу<sup>78</sup>, ценность его работы заключается в критическом отношении к данным источников и попытке обобщить сведения о Г. Фике.

Г.А. Протасов посвятил ряд работ событиям 1730 года и ограничительным проектам Верховного тайного совета<sup>79</sup>. Он специально не обращался к вопросу о роли Г. Фика в событиях 1730 года, однако, как противник идеи о каком бы то ни было шведском влиянии на русские «кондиции», скептически оценивал возможность консультаций верховников с Г. Фиком<sup>80</sup>. Таким образом, и в исследованиях Г.А. Протасова образ Г. Фика

<sup>75</sup> Cederberg A.R. Heinrich Fick. S. 78-79.

<sup>76</sup> Ibid. S. 79.

<sup>77</sup> Ibid. S. 85-86.

<sup>78</sup> За исключением кратких сведений, почерпнутых им из работы П.П. Пекарского.

<sup>79</sup> Протасов Г.А. «Кондиции» 1730 г. и их продолжение // Учёные записки Тамбовского педагогического института. 1957. Вып. 15. С. 215-231; Его же. Верховный тайный совет и его проекты 1730 года (источниковедческое изучение) // Источниковедческие работы. Тамбов, 1970. Вып. 1. С. 65-103; Его же. Существовал ли «политический план» Д.М. Голицына? // Источниковедческие работы. Тамбов, 1973. Вып. 3. С. 90-107.

<sup>80</sup> Протасов Г.А. «Кондиции» ... С. 219.

проступает в рамках традиционной дихотомии о влиянии/не влиянии шведских образцов на текст «кондиций» как маркере участия/неучастия Г. Фика в их составлении.

Клас Петерсон в упомянутой нами ранее монографии об адаптации шведских образцов при проведении петровских реформ в изложении обстоятельств воцарения Анны Иоанновны и ареста Г. Фика опирался на работы П.П. Пекарского, П.Н. Милюкова, Х. Иерне и донесения шведского секретаря Мориана и дал сдержанную оценку роли Г. Фика в событиях 1730 года, отмечая недостаток источников: «Ясно, что Фик был в той или иной степени осведомлен о планах [Верховного тайного] совета, но какую именно роль в событиях 1730 г. он играл, остается неизвестным»<sup>81</sup>.

Положение и деятельность Г. Фика в 1730 году рассматривается в целом ряде работ, посвященных «эпохе дворцовых переворотов», внутренней политике Анны Иоанновны и инициированным при ней политическим процессам. И.В. Курукин фрагментарно использовал показания некоторых русских свидетелей, допрошенных в ходе следствия по делу Г. Фика. Ссылаясь на приговор судебной комиссии, не нашедшей в делах Г. Фика ничего кроме «пустого болтания», И.В. Курукин все же относит Г. Фика к «узкому кругу просвещенных дворян, подобных В.Н. Татищеву», которые могли сочинять и обсуждать «прожекты»<sup>82</sup>. Н.Н. Петрухинцев рассматривает дело Г. Фика в контексте других политических розысков, имевших целью убрать неудобных Анне Иоанновне лиц и связывает дело Г. Фика с процессами фельдмаршала В. Долгорукого и адмирала Сиверса, обращая внимание на роль Б.Х. Миниха как доносителя и следователя в этих делах<sup>83</sup>. Е.В. Анисимов также обращается к делу Г. Фика для характеристики деятельности Б.Х. Миниха<sup>84</sup>. Симптоматично, что и в новейших работах Г. Фик остается «хорошим

<sup>81</sup> Peterson, Claes. Peter the Great's administrative and judicial reforms: Swedish antecedents and the process of reception. Lund. 1979. p. 79.

<sup>82</sup> Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь» ... С. 192-194; Он же. Анна Иоанновна. М., 2014. С. 62.

<sup>83</sup> Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота. СПб., 2001. С. 57, 63.

<sup>84</sup> Анисимов Е.В. Куда ж нам плыть? Россия после Петра Великого. М., 2009. С. 378-379.

знакомым Д.М. Голицына»<sup>85</sup> и «теоретиком ограничения самодержавия»<sup>86</sup> или появляется лишь там, где маячит тень шведского влияния на проекты верховников<sup>87</sup>.

**Судьба Г. Фика рассмотрена в ряде работ по истории политического сыска и сибирской ссылки в XVIII веке**, тесно связанной с предыдущим кругом исследований. Особое значение имеют труды Ф.Г. Сафронова, который ввел в научный оборот новые источники и на их основе существенно дополнил сведения об обстоятельствах жизни Г. Фика в Сибири и возвращения из нее. В частности, он обнаружил в РГАДА дело об освобождении Г. Фика из ссылки и отправке его из Якутска в Москву и установил, что он был помилован не Елизаветой Петровной, а Анной Леопольдовной, а также скорректировал другие данные. Более того, Ф.Г. Сафронов обнаружил и опубликовал русский текст обширной записки Г. Фика о положении якутов и тунгусов, которая также содержит сведения о Камчатской экспедиции В. Беринга<sup>88</sup>. Ф.Г. Сафронов не стремился создать всеобъемлющую биографию Г. Фика, опубликованные им ценные материалы все же освещают лишь часть жизни Г. Фика в России и требуют обобщения с другими многочисленными разрозненными данными.

Г. Фик также стал одним из многочисленных героев работы А.С. Зueva и Н.А. Миненко, посвященной истории политической ссылки в Сибири во второй четверти XVIII века. Однако изложенные авторами сведения о его жизни в этот период в основном почерпнуты ими из работ Ф.Г. Сафронова<sup>89</sup>. Тема, формат очерков и их узкая хронологическая канва не позволяют

<sup>85</sup> Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». С. 192.

<sup>86</sup> Анисимов Е.В. Куда ж нам плыть? С. 379.

<sup>87</sup> Польской С.В. «Шведский образец» и попытка ограничения самодержавия в России в 1730 г. // Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVIII-XX вв. Самара, 2001. С. 176.

<sup>88</sup> Сафронов Ф.Г. Из истории якутской ссылки в пер. пол. XVIII в. // Учёные записки Якутского гос. Ун-та. 1963. Вып. 14. С. 99-110; Сафронов Ф.Г. Генрих Фик в якутской ссылке // Полярная звезда. 1966. №4. С. 138-142; Его же. Записки Генриха Фика о якутах и тунгусах пер. пол. XVIII века // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск. 1977. С. 235-250.

<sup>89</sup> Зуев А.С., Миненко Н.А. Секретные узники сибирских острогов (Очерки истории политической ссылки в Сибири второй четверти XVIII в.) Новосибирск, 1992. С. 37-38, 43-44.

говорить о принципиальном значении этой работы при изучении биографии Г. Фика.

**Г. Фик был отмечен в некоторых исследованиях, затрагивающих в различных аспектах положение иноземцев на русской службе в XVIII веке<sup>90</sup>.** В 1869 году вышла статья Д.В. Поленова об обстоятельствах принесения присяги иностранными служащими коллегий в 1719-1720 гг.<sup>91</sup> Он не только указал, кто из иностранцев отказался принести присягу по форме, объявленной Сенатом, но и опубликовал архивные документы: справки коллегий о служащих-иностранцах, их краткие послужные списки и донесения, в которых они излагали причины отказа от присяги. Среди прочих служащих Д.В. Поленов упомянул и Г. Фика, впервые опубликовал текст его патента, справку Камер-коллегии о его происхождении и опыте гражданской службы в Голштинии, а также текст донесения, в котором Г. Фик объяснял нежелание принять присягу по предложенному варианту<sup>92</sup>. Пожалуй, в этой работе впервые были введены в оборот пусть немногочисленные, но достоверные сведения о Г. Фике. Впрочем, они существенно не изменили представлений историков о его биографии, поскольку переплелись с неточными и неправдивыми свидетельствами Гельбига, Манштейна и других авторов. Своеобразный краткий биографический справочник Д.В. Поленова до сих пор востребован исследователями, изучающими персональный состав государственных коллегий, однако, со времени его публикации прошло почти 150 лет, и представляется необходимым расширить базу используемых источников.

---

<sup>90</sup> Поленов Д.В. О присяге иноземцев, принятых в русскую службу при Петре Великом // Русский архив. 1869. Кн. XI. Стлб. 1729-1766; Зутис Я.Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига., 1946; Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и её жители в конце XVII – первой четверти XVIII века. М., 1998; Катин-Ярцев М.Ю. Балтийско-немецкое дворянство на российской службе. XVII- конец XVIII в. // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 8. История. 2000. №2. С. 25-49; Петрухинцев Н.Н. Немцы в политической элите России в первой половине XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». М., 2008. С. 66-86; Шебалдина Г.В. Шведские военнопленные в Сибири. М., 2005; Алакшин А.Э. Протестантские общины в Петербурге XVIII века. СПб., 2012; Алакшин А.Э. Иностранцы в Петербурге XVIII века. Опыт историографического исследования. СПб., 2014.

<sup>91</sup> Поленов Д.В. О присяге иноземцев ... Стлб. 1729-1766.

<sup>92</sup> Там же. Стлб. 1736-1745.

К вопросу о положении и роли немцев в составе российской политической элиты России в XVIII веке обратился также Н.Н. Петрухинцев. В специальной статье он обозначил необходимость изучения процесса вхождения немцев в российскую элиту, а также обратил внимание на Г. Фика в двойном качестве – как персонального участника этого процесса и человека, отвечавшего за проведение реформы государственного аппарата и соответствующую кадровую политику<sup>93</sup>.

В исследовании «Немецкая слобода Москвы и ее жители» В.А. Ковригина упоминает Г. Фика среди других иностранцев, игравших важную роль в развитии образования в России, отмечает его заслуги при устройстве коллегий и близость к российской управленческой элите<sup>94</sup>. Он является лишь одним из героев коллективной биографии, а детальное изучение его служебных и личных данных не входило в круг исследовательских задач В.А. Ковригиной. Тем не менее, ее работа добавляет штрихи и к биографии Г. Фика, поскольку содержит важные замечания о правовом положении иностранцев в России в правление Петра I и биографические сведения о других иноземцах, которые входили в круг общения Г. Фика.

Г. Фик не был прибалтийским немцем по происхождению, но как владелец крупного имения в Лифляндии, был тесно связан с местной элитой и со временем включен в состав остзейского дворянства (эстляндские и лифляндские матрикулы), поэтому его имя упоминается в работах, посвященных роли и положению балтийско-немецкого дворянства на российской службе и остзейскому вопросу в целом. Я.Я. Зутис и М.Ю. Катин-Ярцев указали на его интересы и социальные связи в этом регионе, не подвергая их, однако, специальному анализу<sup>95</sup>.

Фигура Г. Фика возникает и в работах, затрагивающих положение шведских военнопленных в России. Г. В. Шебалдина, изучившая основные

<sup>93</sup> Петрухинцев Н.Н. Немцы в политической элите России ... С. 80-84.

<sup>94</sup> Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы ... С. 364.

<sup>95</sup> Зутис Я.Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. С. 121-122; Катин-Ярцев М.Ю. Балтийско-немецкое дворянство на российской службе. С. 40.

принципы их содержания, материальное положение и обстоятельства поступления на русскую службу, обратила внимание на особую роль Г. Фика в их судьбе. Он подчеркивал целесообразность их привлечения на гражданскую службу, искал подходящих кандидатов, способствовал их скорейшему приезду из ссылки<sup>96</sup>. Однако и эта сфера деятельности Г. Фика рассматривается в рамках определенного сюжета, в отрыве от его биографии в целом, таким образом, сохраняется «хроническая» проблема историографии даже в новейших работах – достоверные сведения о служебной деятельности соседствуют с парадоксальными заявлениями. Так, характеризуя разведывательную деятельность Г. Фика, Г.В. Шебалдина пишет, что он «тщательно *собирал бумаги из мусорных корзин*» в Швеции<sup>97</sup>.

В.Н. Захаров посвятил две монографии<sup>98</sup> деятельности иностранных купцов в России XVIII века. Несмотря на то, что автор не обращается специально к деятельности Г. Фика на посту вице-президента Коммерц-коллегии, которая ведала делами иностранных купцов, работа содержит ценные сведения о тех коммерсантах, с которыми Г. Фик поддерживал личные и деловые связи.

В некоторых новейших изданиях отсутствуют сведения о Г. Фике. Так, информацию о нем не содержит энциклопедия, посвященной истории Санкт-Петербурга XVIII века<sup>99</sup>. В равной степени симптоматично, что Г. Фик не упоминается и в обстоятельных монографиях А.Э. Алакшина<sup>100</sup>, посвященных деятельности и правовому положению протестантских общин Санкт-Петербурга XVIII века. Впрочем, в одной из его работ приведены сведения, что при создании новой общины на Васильевском острове «блюдо для

<sup>96</sup> Шебалдина Г.В. Шведские военнопленные в Сибири. М., 2005. С. 136-143.

<sup>97</sup> Шебалдина Г. В. Заложники Петра I и Карла XII. Повседневный быт пленных во время Северной войны. М., 2014. С. 144.

<sup>98</sup> Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996. Он же. Западноевропейские купцы в Российской торговле XVIII века. М., 2005.

<sup>99</sup> Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в 3 т. Т. 1. Осьмнадцатое столетие. В 2 кн. / Отв. ред. П.Е. Бухаркин. Кн. 2. Н–Я. СПб., 2003.

<sup>100</sup> Алакшин А.Э. Протестантские общины в Петербурге XVIII века. СПб., 2012; Алакшин А.Э. Иностранцы в Петербурге XVIII века. Опыт историографического исследования. СПб., 2014.

причастий и серебряную чашу общине подарил статский советник Тик»<sup>101</sup>. Вероятнее всего, имеется в виду Г. Фик, который именно в это время статским советником, проживал на Васильевском острове и, по данным выявленных нами источников, принимал активное участие в жизни общины.

В то же время Г. Фик появляется на страницах новейших публицистических работ, весьма близких по научному уровню к тенденциозной и неподкрепленной источниками работе Георга Гельбига двухсотлетней давности. В частности, речь идет о книге С.Л. Гаврилова «Остзейские немцы в Санкт-Петербурге. Российская империя между Шлезвигом и Гольштейном», которую вполне можно было бы оставить за рамками обзора научной литературы, если бы она не отражала ту запутанную ситуацию, переплетение фактов и вымысла, которые до сих пор окружают Г. Фика<sup>102</sup>.

Многие авторы отмечали, что в литературе отражены настолько противоречивые сведения и мнения о личности и деятельности Г. Фика, что невозможно составить о нём ясное представление<sup>103</sup>. Очень точно отражает степень изученности биографии и деятельности Г. Фика высказывание Д.О. Серова: «Неординарный (и местами *поныне туманный*) жизненный путь Генриха Фика *неоднократно освещался* в литературе»<sup>104</sup>. Действительно, имя Г. Фика часто встречается в литературе, но, как правило автор упоминает его в контексте собственных исследовательских задач и не имеет возможности детально изучить его биографию. Это влечет за собой постоянное повторение неточностей и устаревших сведений. Но даже немногочисленные авторы, которые стремились создать обобщающие биографические работы о Г. Фике

<sup>101</sup> Алакшин А.Э. Протестантские общины в Петербурге XVIII века. С. 105.

<sup>102</sup> Гаврилов С.Л. Остзейские немцы в Санкт-Петербурге. Российская империя между Шлезвигом и Гольштейном. 1710-1918. М.-СПб., 2011. С. 26-33. Важно отметить, что эта книга недавно оказалась среди научных изданий, отобранных в Государственной публичной исторической библиотеке Москвы для выставки книг, посвященных деятельности иностранцев в России.

<sup>103</sup> Водарский Я.Е. Генрих Фик в России ... С. 189; Jessen, Willers. Op. Cit. S. 18; Hofmann, Harry v. Op. Cit. S. 256.

<sup>104</sup> Серов Д.О. Судебная реформа Петра I. С. 163.

(Ю. Эккардт, А.Р. Цедерберг, С. Шпилер) оперировали в своих работах весьма ограниченным количеством источников.

Проекты регламентов и штатов коллегий и другие аналитические записки, составленные Г. Фиком при подготовке административной, судебной, губернской и других реформ, достаточно полно рассмотрены в историографии. Однако всесторонний анализ преобразовательных проектов часто подменяет собой *биографию* в собственном смысле слова. В то время как данные, полученные в результате такого анализа, следует рассматривать лишь как значимую *часть биографического конструкта*<sup>105</sup>.

Другой проблемой является то, что роль Г. Фика (и шире – иностранцев в целом) в петровских преобразованиях традиционно рассматривается в полемическом ключе. Одни исследователи отмечают необычайную сложность проделанной им работы, считая его, наряду с В.Н. Татищевым, наиболее образованным из всех советников царя<sup>106</sup>. Другие подчеркивают его роль рядового исполнителя и зависимость от воли Петра I<sup>107</sup>. В рамках подобной оценочной постановки вопроса, как правило, используется ограниченный круг известных источников, что идет в ущерб изучению биографии Г. Фика<sup>108</sup>.

Вопрос о роли Г. Фика в событиях 1730 г. традиционно решался в историографии в рамках дискуссии о шведском влиянии на проекты верховников или отсутствия такового. Подобный подход, не ориентированный на привлечение новых источников, представляется мало перспективным как при изучении биографии Г. Фика, так и при разработке истории российского междоусобицы 1730 года в целом. В частности, фрагментарное использование материалов обширного следственного дела Г. Фика позволяет говорить о том,

<sup>105</sup> Прокопенко Я.И. «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI-XVIII вв.) / ред. Кром М.М., Пименова Л.А. СПб., 2013. С. 326.

<sup>106</sup> Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». С. 194.

<sup>107</sup> «Не следует преувеличивать роль Г. Фика в проведении реформы центральных учреждений, он был только агентом и исполнителем воли и распоряжений Петра I и его сподвижников. По заданию царя Г. Фик оперативно поставлял различные необходимые материалы, «записки», мемориалы и сведения». Некрасов Г.А. Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 340.

<sup>108</sup> Прокопенко Я.И. «Политический инженер» Генрих фон Фик ... С. 328.

что, в сущности, этот источник не введен в научный оборот, а его потенциал не использован исследователями. По этой причине остаются открытыми многие вопросы. Каков был характер взаимоотношений Г. Фика с «верховниками»? Какими были представления Г. Фика о политической ситуации 1730 г. и его поведение? Как современники оценивали его роль в этих событиях? Какие настроения царили в среде высшей и средней бюрократии во время междоусобицы 1730 года, как воспринималась и обсуждалась сложившаяся ситуация?

Многие другие вопросы практически не затрагиваются в литературе: опыт и служба Г. Фика до приезда в Россию, его разведывательная деятельность в Швеции, социальные связи и их изменение на протяжении его службы в России, социальное и материальное положение. Между тем, представляется необходимым и возможным создать полноценную биографическую работу о Г. Фике с привлечением *новых* источников. Пол Бушкович справедливо отметил, что «с виду банальные темы могут быть основательно переписаны заново на новом материале», а «старая и хорошо знакомая история может быть попросту неверной»<sup>109</sup>.

**Объектом изучения** является биография и служба иноземца Г. фон Фика в России в период реформ Петра I и последующей эпохи «дворцовых переворотов».

**Предметом исследования** являются социальные и личные связи, правовой статус и материальное положение служилого иноземца, пути его встраивания в административную элиту российского общества и принципы кадровой политики Петра I при подборе иностранных специалистов.

**Хронологические рамки исследования** ограничены годами жизни Г. Фика (1678-1750), однако фокус работы сосредоточен на времени наивысшей активности его служебной деятельности (1710-1731). По этой причине период

---

<sup>109</sup> Бушкович, Пол. Пётр Великий. Борьба за власть (1671-1725). СПб., 2009. С. 5.

сибирской ссылки Г. Фика оставлен за рамками исследования, в то же время затронут кратковременный период его прожекторской работы в 1740-е годы.

**Цель исследования.** Цель исследования состоит в расширении представлений о политической антропологии самодержавия, процессе адаптации иностранных образцов, характере отношений власти и личности в России через призму биографии и служебной деятельности иноземца в первой половине XVIII века.

**Задачи исследования.** Основным цели диссертации подчинены следующие исследовательские задачи:

- Изучение деятельности Г. Фика до перехода на русскую службу, оценка его квалификации, опыта и профессиональных качеств.
- Изучение ранее малоизвестных аспектов служебной биографии Г. Фика, в частности, разведывательной деятельности.
- Анализ социальных связей, социально-правового статуса, материального положения Г. Фика в их динамике на протяжении его службы в России, а также способах его интеграции в российскую политическую элиту.
- Анализ роли Г. Фика в попытке ограничения самодержавия в 1730 году при вступлении на престол Анны Иоанновны.
- Создание научной обобщающей биографии Г. Фика.
- Комплексное изучение проектов, реформационных предложений и служебной деятельности Г. Фика в совокупности с фактами его личной биографии. Выявление степени их соотношения с российскими реалиями.
- Анализ представлений Г. Фика о положении иноземцев в России и изучение отношений особого иноземческого социума и его взаимоотношений с российской властью.

**Источниковая база исследования.**

Диссертация базируется на разнообразных по своему характеру источниках. Это – законодательные акты и делопроизводственные документы, публично-правовые и частноправовые акты, источники личного характера, дипломатические и графические материалы. Особо стоит выделить два

комплекса документов: судебно-следственное дело Г. Фика и материалы его личного архива. Большую часть составляют неопубликованные источники, которые хранятся в отечественных и зарубежных архивах: в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве, Государственном архиве в Стокгольме (Riksarkivet), Военном архиве в Стокгольме (Krigsarkivet), Эстонском историческом архиве в Тарту (Эстония) и городском архиве Эккернфёрде (Германия).

**Законодательные акты.** К первой группе источников относятся многочисленные законодательные акты – манифесты, именные и сенатские указы, резолюции, а также регламенты государственных учреждений (Генеральный Регламент, регламент Главному магистрату, регламенты коллегий). Г. Фик прожил в России более тридцати лет (1718-1750), все это время жизнь в России всесторонне регламентировалась, а сам он принимал активное участие в разработке ряда нормативных установлений. В связи с этим обширные законодательные материалы содержат сведения о его служебной и личной биографии. Из публикаций в первую очередь следует выделить «Полное собрание законов Российской империи»<sup>110</sup>, «Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края»<sup>111</sup>, «Сенатский архив»<sup>112</sup>, материалы, опубликованные Н.А. Воскресенским<sup>113</sup>.

Другую существенную по объему и значению группу источников составляют **делопроизводственные документы**. К ним относятся многочисленные челобитные, прошения и проекты Г. Фика, а также связанные с ними делопроизводственные материалы государственных учреждений (ведения, справки и доклады). Большая часть этих документов не опубликована и хранится как в отечественных, так и в зарубежных архивах.

В Государственном архиве в Стокгольме находятся два документа, содержащие сведения о деятельности Г. Фика до перехода на русскую службу.

<sup>110</sup> ПСЗ. СПб., 1830. Т. 5-7.

<sup>111</sup> Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. IV. Рига, 1883.

<sup>112</sup> Сенатский архив. СПб., 1889. Т. II.

<sup>113</sup> Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.-Л., 1945. Т.1.

Один из них озаглавлен „Pro Memoria“, собственноручно написан на немецком языке и подписан Г. Фиком 30 июня 1714 г. в Стокгольме<sup>114</sup>. Поясним обстоятельства появления этой промемории. В ходе Северной войны датские войска оккупировали голштинский город Эккернаферде, в котором Г. Фик с 1711 года служил бургомистром. В феврале 1714 года он был смещен датчанами с этого поста за то, что помогал пленным шведам и поступал «противно интересу» датского короля. Г. Фик отправился в Стокгольм, где находился голштинский герцог, чтобы доложить о произошедшем, найти новую службу и источник дохода. В промемории от 30 июня 1714 г. Г. Фик на четырех листах сообщал сведения о своей службе в шведской армии в 1700-1710 гг., обстоятельства перехода на голштинскую службу, приводил примеры своей самоотверженной деятельности в интересах шведского короля и его племянника голштинского герцога. Подробный послужной список и свидетельства лояльности должны были обеспечить Г. Фику новую должность – он изложил в промемории свои предложения, как в условиях войны избежать использования датчанами голштинских кораблей в ущерб шведским интересам, (например, для провоза контрабанды) и просил доверить ему за определенное жалованье контроль за голштинским судоходством в Балтийском море и выдачу надежным, по его мнению, судовладельцам особых пасов-разрешений на совершение морских перевозок. Этот документ, полученный по запросу автора диссертации из Государственного архива, не был ранее введен в научный оборот. Между тем он содержит сведения о личной биографии, деятельности, опыте и социальных связях Г. Фика до перехода на российскую службу, которые важны для характеристики кадровой политики Петра I при подборе иностранных специалистов. Более того, промемория содержит описание политической и военной обстановки в балтийском регионе во время Северной войны, перемещений Г. Фика по Европе в условиях ведения боевых действий, его переговоров со шведскими

---

<sup>114</sup> Promemoria. Riksarkivet, Stockholm. Biographica F7.

военачальниками. Эти данные могут существенно расширить возможности историков Северной войны.

Вторым документом из фондов Государственного архива в Стокгольме, использованным в данной работе, является «Всенижайшее представление комиссара города Эккернфёрде княжеской голштинско-готторпской службы Генриха Фика»<sup>115</sup>. Представление датировано 16 февраля 1715 и, согласно, подписи составлено в голштинском городе Эккернферде, где Г. Фик ранее занимал должность бургомистра и где жила его жена с детьми. Так же, как и промемория 1714 г., представление написано на немецком языке. Однако в отличие от бегло и неаккуратно написанной промемории, оно тщательно выведено писарским почерком (у самого Г. Фика был очень неразборчивый почерк), имеет титульный лист и два приложения. Г. Фиком проставлены только дата, место составления и подпись. Представление составлено на имя шведского короля Карла XII, который к этому времени уже вернулся из Турции в Северную Европу. В этом представлении Г. Фик просил короля о назначении на должность комиссара в Коммерц-коллегию в Стокгольме. Приведенный им послужной список повторяет сведения, изложенные ранее в промемории 1714 г., а также освещает события восьми месяцев, которые разделяют два документа.

В представлении Г. Фик неоднократно и тщательно подчеркивает свою приверженность интересам шведского короля, подробно описывает все притеснения, которые он претерпел от датчан (противников шведов в войне), в том числе свой 8-недельный арест в ноябре 1714 г. по обвинению в шпионаже в пользу Швеции. В этой связи важно указать, что к 16 февраля 1715 г. (этой датой помечено представление) Г. Фик уже сотрудничал с Россией. Сохранилось письмо Я. Брюса А.В. Макарову от 3 декабря 1714 г. о необходимости скорейшего пропуска в Санкт-Петербург или Ревель

---

<sup>115</sup> Allerunterthänigste Vorstellung abseiten des. fürsterlichen Hollstein-Gottorffischen Commissarii zu Eckernförde Hinrich Ficken. Riksarkivet, Stockholm. Biographica F7.

«иноземца Генриха Фика»<sup>116</sup>. В конце 1715 г. Г. Фик побывал в Петербурге, откуда по заданию Петра I отправился в Швецию и тайно добывал штаты и регламенты местных коллегий, а также другие документы об устройстве государственного аппарата. С учетом хронологии событий, тщательного оформления представления, особого акцента на приверженности Г. Фика шведским интересам и характера последующей разведывательной деятельности Г. Фика в Швеции, можно сделать вывод, что представление было написано, чтобы объяснить присутствие Г. Фика в Швеции поиском службы и скрыть истинную причину его приезда. Тем не менее, приведенные им данные о помощи шведским офицерам, попавшим в плен при капитуляции крепости Теннинген и затем размещенным в Эккернферде, и притеснении за это со стороны датчан не были необоснованной попыткой убедить Карла XII в своей лояльности.

Представление имеет два приложения. Одно из них содержит свидетельства шведского лейтенанта А. Нормана с подробным описанием, как Г. Фик помогал ему и другим нуждавшимся шведам, и подтверждение правдивости этого свидетельства, подписанное полковником А. Мардефельдом. Нам удалось обнаружить сведения об этих офицерах в справочнике А. Левенгаупта и установить, что Август Филипп Мардефельд был полковником, а Арендт Андреас Норман – лейтенантом в Померанском драгунском полку, они действительно были взяты в плен при капитуляции Теннингена<sup>117</sup>. Эти сведения ценны не только в рамках верификации сведений, изложенных Г. Фиком, но и представляют новый материал для исследователей Северной войны и судеб личного состава шведской армии Карла XII.

Второе приложение представляет собой копию штата королевской Коммерц-коллегии в Стокгольме по состоянию на ноябрь 1714 г. В штате указаны должности и фамилии занимавших их чиновников, размер жалованья и вакантные должности. Таким образом Г. Фик указывал на возможность

<sup>116</sup> Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. С. 42. №21.

<sup>117</sup> Lewenhaupt, Adam. Karl XII:s officerare. S. 439-440, 481.

предоставления ему места в Коммерц-коллегии. Тот факт, что он имел доступ к информации такого рода, свидетельствует, что он не был случайно выбран Петром I для выполнения тайного задания по добыче документов о шведских государственных учреждениях. Представление обнаружил в Государственном архиве А.Р. Цедерберг, однако он лишь весьма кратко изложил некоторые вехи службы Г. Фика в шведской армии<sup>118</sup>. К. Петерсон также фрагментарно использовал данные этого источника<sup>119</sup>. Автору настоящей работы впервые удалось осуществить полноценный перевод с немецкого языка промемории 1714 г. и представления 1715 г., проанализировать содержащиеся в них сведения и привлечь их для решения различных исследовательских задач.

В шведском Военном архиве сохранились росписи личного состава полков, в том числе роспись лифляндского наемного полка Магнуса Нирота, в котором служил Г. Фик, составленная в мае 1710 года. В ней среди офицеров штаба полка упомянут полковой квартирмейстер Г. Фик с комментарием «командирован в Стокгольм»<sup>120</sup>. Эта деталь не только отмечает веху служебной биографии Г. Фика, но и служит для верификации сведений, изложенных им самим в двух документах 1714-1715 гг., рассмотренных ранее.

Также для оценки опыта Г. Фика и, как следствие, механики кадровой политики Петра I важное значение имеют протоколы заседаний городского совета г. Эккернфёрде за 1711-1714 гг., когда Г. Фик был там бургомистром. Эти документы сохранились в городском архиве Эккернфёрде, в том числе протоколы о его назначении и увольнении с этой должности<sup>121</sup>. Многочисленные сохранившиеся материалы были изучены немецким специалистом Х. Слевогтом. Он изложил широкий спектр проблем, с

---

<sup>118</sup> Cederberg A.R. Heinrich Fick. S. 8-9.

<sup>119</sup> Peterson, Claes. Peter the Great's administrative and judicial reforms. P. 72.

<sup>120</sup> Rullor 1620-1723, SE/KrA/0022/1710/17 (1710), bildid: A0054635\_00006. 1710.

<sup>121</sup> Копии этих протоколов были любезно предоставлены нам руководителем городского архива Эккернфёрде доктором Уве Бейтцем (Dr. Uwe Beitz). StAE: I Ah1. Stadtprotokoll 1706-1712. S. 19; StAE: I Ah1. Stadtprotokoll 1712-1719. S. 73. Извлечения также опубликованы в: Slevogt, Horst. Eckernförde. Die Geschichte einer deutschen Kaufmannsstadt im Herzogtum Schleswig. Bd. 2. 2005. S. 171-173.

которыми столкнулся Г. Фик при управлении городским хозяйством и решении судебных вопросов, и дал высокую оценку его деятельности<sup>122</sup>.

Официально российская служба Г. Фика началась 23 января 1717 г., когда Петр I подписал его патент на чин действительного камеррата. Однако первые контакты и начало сотрудничества Г. Фика с российскими властями относятся к 1714-1715 гг. Сведения об этом содержат ранее упоминаемое письмо Я. Брюса А.В. Макарову от 3 декабря 1714 г.<sup>123</sup>, запись в расходной книге Кабинета о выдаче Г. Фику денег и его расписка в их получении от 16 декабря 1715 г.<sup>124</sup>, письмо к российскому послу в Дании В.Л. Долгорукому от 13 декабря 1715 г.<sup>125</sup>, и датированный тем же днем своеобразный предварительный договор, в котором были оговорены условия сотрудничества с Г. Фиком, размер его вознаграждения за успешное выполнение тайного задания по сбору информации, которое предстояло выполнить в Швеции<sup>126</sup>.

Деятельность Г. Фика за границей курировал генерал Адам Вейде – он передавал Г. Фику поручения царя, получал сведения о ходе их выполнения и затем докладывал обо всем Петру I. В РГАДА в ф. 9 (Кабинет Петра I и его продолжение) сохранились письма А. Вейде царю за 1716-1717 гг. и донесения Г. Фика А. Вейде 1717 г. Письма А. Вейде Петру I от 13 декабря 1716 г.<sup>127</sup> и 22 января 1717 г.<sup>128</sup> и перечень привезенных Г. Фиком из Швеции документов содержат информацию о результатах разведывательной поездки Г. Фика<sup>129</sup>. Данные о ходе последующей трехмесячной командировки Г. Фика для поиска в Европе (Пруссии, Мекленбурге, Силезии) образованных иностранцев для замещения должностей в проектируемых коллегиях содержатся в письмах А.

---

<sup>122</sup> Slevogt, Horst. Eckernförde. Die Geschichte einer deutschen Kaufmannsstadt im Herzogtum Schleswig. Bd. 2. 2005. S. 171-173.

<sup>123</sup> Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. С. 42.

<sup>124</sup> РГАДА. Ф. 396. Кн. 1081. Л. 16. На этот документ нам любезно указала Т.А. Лаптева.

<sup>125</sup> Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. №29, С. 46.

<sup>126</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 26. Л. 301-301 об.

<sup>127</sup> Там же. Л. 299-300 об.

<sup>128</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 31. Л. 420.

<sup>129</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 31. Л. 418-419 об.

Вейде царю от 15 и 22 марта<sup>130</sup>; 2, 12, 16 апреля<sup>131</sup>, 3, 7, 13, 17, 21 мая<sup>132</sup> 1717 г. К одному из писем царю А. Вейде приложил промеморию, написанную Г. Фиком 19 марта 1717 г. в Гюстрове<sup>133</sup>. Промемория включает четырнадцать пунктов, в которых Г. Фик изложил план своей предстоящей поездки для поиска иностранцев в коллегии, свои представления о принципах отбора кадров и способах привлечения иностранцев на русскую службу, в которых отражены и его собственные нужды<sup>134</sup>. В своих письмах царю А. Вейде докладывал о перемещениях Г. Фика, полученных от него новостях и даже если известия еще не приходили, всегда оговаривал, что напишет царю как только получит их – этот факт и частота упоминаний Г. Фика в письмах свидетельствует о том, что Петр I пристально следил за его деятельностью и придавал ей большое значение. Также письма А. Вейде примечательны тем, как он передает царю просьбы Г. Фика, что важно для понимания функционирования патрон-клиентских отношений в России указанного периода.

Наиболее известны и подробно рассмотрены в литературе проекты и аналитические записки Г. Фика, составленные им при подготовке коллежской, судебной, губернской реформ, его проекты штатов и регламентов коллегий, Генерального Регламента, регламента Главного Магистрата. Как правило, проекты и ведения Г. Фика рассматривают в рамках исследований создания государственных учреждений и выработки реформ<sup>135</sup>. Однако комплексный анализ на первый взгляд весьма узко специальных документов, содержащих описание устройства шведской системы управления, разъяснение функций

<sup>130</sup> Там же. Л. 465-466, 475 об.

<sup>131</sup> Там же. Л. 482, 486, 492 об.

<sup>132</sup> Там же. Л. 497 об.-498, 499-501, 502-502 об., 504 об., 508.

<sup>133</sup> Оригинал на немецком языке: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 34. Л. 209-210. Современный оригиналу русский перевод: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 31. Л. 471-474.

<sup>134</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 31. Л. 471 об.-473.

<sup>135</sup> См., например: Водарский Я. Е. Проект регламента Главного магистрата и его редакции (1720 г.) // Проблемы источниковедения. Вып. X. М., 1961. С. 195-207; Peterson, Claes. Peter the Great's administrative and judicial reforms: Swedish antecedents and the process of reception. Lund. 1979; Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. СПб., 1997; Серов Д.О. Судебная реформа Петра I. М., 2009.

должностных лиц позволяет также выявить представления Г. Фика как иностранца о необходимых условиях службы и их соотношении с российскими реалиями. Например, в РГАДА (ф. 248, Сенат) хранится подборка различных записок Г. Фика за 1718-1723 гг. под общим названием «Доклады и ведения советника Коммерц-коллегии Фика»<sup>136</sup>. Среди них необходимо отметить «Мнение» от 4 июня 1722 г., поданное в Сенат<sup>137</sup>, «Подданнейшее представление, каким образом чаемо дела сенатские и всего Государства способнее и лехче учреждены и управлены быть могут, и тако его императорского величества высокий интерес, и подданных лутчее наставление и обলেখчение произведено быть может» от 9 ноября 1723 г.<sup>138</sup> и «Описание рефлексиям [разсуждениям], которые потентат, а особливо корона швецкая при сочинении штата и расходов имеет», составленное 5 декабря 1723 г.<sup>139</sup>. В этих проектах Г. Фик изложил принципы определения величины и формы выплаты жалованья и другие условия службы.

В РГАДА, в ф. 370 (Дела, относящиеся до образования различных государственных учреждений) хранится дело «Разсуждение камер рата Фика о воспитании в Швеции молодых дворянских детей, и о употреблении их в службы, поданное в иностранную коллегию»<sup>140</sup>. В его состав входит написанная Г. Фиком 6 февраля 1721 г. «Реляция, каким образом молодая графы, бароны и шляхтичи в Швеции к государственным службам воспитаны и потом употреблены бывають»<sup>141</sup>, ее немецкоязычный оригинал, беловой перевод на русский язык, черновой текст перевода и экстракт<sup>142</sup>. Русский и немецкий тексты «Реляции» были опубликованы автором настоящей работы<sup>143</sup>. Документ состоит из 10 пунктов, в которых Г. Фик изложил

<sup>136</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 58. Л. 1-98.

<sup>137</sup> Там же. Л. 339-342.

<sup>138</sup> Там же. Л. 49-63.

<sup>139</sup> Там же. Л. 93-98 об.

<sup>140</sup> РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 18. Л. 1-14.

<sup>141</sup> Там же. Л. 5-13; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство. С. 98.

<sup>142</sup> Там же. Л. 5-13. Троицкий С.М. Там же.

<sup>143</sup> Реляция, каким образом молодая графы, бароны и шляхтичи в Швеции к государственным службам воспитаны и потом употреблены бывають (подг. к публ. Я.И. Лариной) // «Регулярная академия

принципы организации шведской системы образования, подготовки квалифицированных кадров для государственных учреждений и основные условия взаимодействия власти (шведского монарха) и служащих. Обращение к «Реляции» и другим рассмотренным ранее проектам Г. Фика позволяет увидеть восприятие иностранцем службы, его соотношение с российскими реалиями и выйти на широкую проблематику отношений власти и общества в России первой трети XVIII в.

К 1718-1719 гг. относится целая группа документов, в которых Г. Фик призывал привлечь на службу в коллегии пленных шведов, имевших опыт работы в гражданских учреждениях, знавших принципы работы и устройства шведского государственного аппарата, а также способных быть переводчиками. 16 июня 1718 г. он составил «Роспись обретающимся в России швецким гражданским служителям или которые б тому искусны быть могли»<sup>144</sup>, с указанием имен и звания шведов, находившихся в плену разных городах России. 12 августа 1719 г. Г. Фик подал два мемориала о бедственном положении шведских пленных, доставленных в Петербург, но до сих пор не получивших места на службе<sup>145</sup>. Более того, в 19 февраля 1719 г. Г. Фик подал челобитную<sup>146</sup> с просьбой отдать ему в услужение пленного шведа Ягана Ортмана – дело было решено довольно быстро, и уже через месяц Г. Фик подписал «поручное письмо», в котором гарантировал, что Ортман не сбежит до конца войны за границу<sup>147</sup>. В том же 1719 г. М. Нирот, Г. Бреверн, Я. Шмиден и Г. Фик подали доношение в Сенат, в котором просили освободить пленного шведа по фамилии Гегге и определить его переводчиком<sup>148</sup>. И это мнение было учтено, а Гегге стал переводчиком Сената Авраамом Хегом. Эти материалы важны не только для понимания процесса наполнения коллегий

---

учреждена будет...». Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / ред. И. Федюкин, М. Лавринович. М., 2015. С. 90-98.

<sup>144</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 521. Л. 11-12.

<sup>145</sup> Там же. Л. 123-124.

<sup>146</sup> Там же. Л. 45.

<sup>147</sup> Там же. Л. 49.

<sup>148</sup> Там же. Л. 95.

иностранными служащими, но и показывают, как иностранцы (и в том числе Г. Фик) помогали бывшим сослуживцам по шведской армии, позволяют увидеть механизмы социального взаимодействия иноземцев на русской службе и дополнить представления о судьбах шведских военнопленных.

Среди делопроизводственных источников особое значение имеют челобитные Г. Фика и сопутствующие служебные документы. Челобитные содержат уникальные сведения не только о служебных, но и о семейных, частных делах, материальном положении, личных отношениях просителя. Высокая степень регламентации жизни и особенности функционирования властных структур в России требовали подачи челобитных для решения самых различных вопросов. Эта специфика проявляется и в челобитных Г. Фика, в которых ему приходилось просить и о пожаловании имения, и о выдаче положенных по условиям патента дров, жалованья и о многом другом.

Для характеристики функционирования патрон-клиентских отношений указанного периода примечательно что, например, челобитная на имя Петра I о пожаловании ему в Лифляндии имения сопровождалась письмом Г. Фика Кабинет-секретарю А.В. Макарову с просьбой помочь в положительном решении вопроса. Не случайно это письмо и челобитная сохранились в ф. 9 (Кабинет Петра I и его продолжение). Другие же челобитные Г. Фика отложились в РГАДА в фонде Сената (ф. 248).

Коронации, их годовщины и другие важные и праздничные события традиционно сопровождались раздачей чинов и пожалований. В надежде на положительное решение просители подавали челобитные «по случаю». Среди личных бумаг Г. Фика, которые хранятся в Эстонском историческом архиве г. Тарту, удалось обнаружить челобитную Г. Фика от 25 апреля 1724 г., написанную в Москве. Это беловая копия на русском языке, с собственноручной подписью Г. Фика. Оригинал челобитной в отечественных архивах пока не найден, тем не менее сохранившийся текст и содержащаяся в нем информация заслуживает пристального внимания, так как содержит адресованную Петру I просьбу пожаловать ему титул барона по случаю

предстоящей коронации жены императора Екатерины Алексеевны и с изложением в шести пунктах оснований, которые, по его мнению, делали его достойным такого пожалования. В РГАДА сохранилось другое прошение Г. Фика от 29 апреля 1726 г., поданное им Екатерине I с просьбой «в нынешней празднованной Вашего императорского величества высокого коронования день пожаловать меня низайшаго титулом штатского советника и определить быть в Камор коллегии вицепрезидентом»<sup>149</sup>. Примечательно, что в челобитных Петру I Г. Фик в качестве своей главной заслуги всегда приводил успешно выполненную опасную разведывательную миссию в Швеции, и царь не нуждался в дополнительном упоминании предыдущей службы Г. Фика другим монархам или уровне его образования, поскольку неоднократно встречался с ним, пристально следил за его деятельностью и ценил за практические достижения. В челобитной Екатерине I Г. Фик должен был «представиться» ей заново, показать, чем он полезен *ей*, почему он достоин *её* милости. Поэтому он указал, что «юность свою в разных полезных науках препроводил, а потом с юности высоким государям служивал», подробно расписал количество лет и чины, выслуженные им и в других странах, и в России. В этой челобитной Г. Фик подчеркнул те свои умения и качества, которые требовались в царствование Екатерины I, когда на повестке дня стояли не дерзкие разведывательные предприятия и масштабные реформы, а сокращение государственных расходов и стабилизация экономики. Обобщение данных разрозненных источников позволяет проследить, как изменялось положение Г. Фика в России после смерти Петра I. И в более широком смысле увидеть, как изменился вектор внутренней политики, выдвинувших на передний план служащих с другими качествами и социальными связями.

В правление Петра II Г. Фик стремился улучшить свое материальное положение. Он не имел собственного дома в Петербурге, поэтому в мае 1727

---

<sup>149</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 19. Кн. 1025. Л. 1095.

г. подал челобитную, в которой просил пожаловать ему двор с каменным домом, расположенный на Васильевском острове. Этот двор ранее принадлежал Г.Г. Скорнякову-Писареву, но был конфискован после его ареста по делу А. Девиера и П.А. Толстого. Прошение Г. Фика было удовлетворено, однако, в 1729 г. право владения двором оспорили потомки первого владельца, сибирского царевича Василия, владевшего домом до Г. Скорнякова-Писарева. В результате разбирательства двор был оставлен за Г. Фиком, однако, он решил озаботиться получением данной грамоты, чтобы закрепить свои владельческие права<sup>150</sup>. В РГАДА нам удалось найти дело «по челобитью фон Фика о даче данной на двор бывшей Писарева»<sup>151</sup>. Оно включает челобитную Г. Фика, написанную в ноябре 1729 г. с просьбой дать данную грамоту; экстракт, в котором приведены даты и содержание указов, регулировавших передачу дома Г. Фику; описание двора и истории его владения, составленное архитектором Доменико Трезини по сенатскому требованию и составленный им же план двора, с указанием, какие пристройки к дому и дворовые постройки были выполнены владельцами. Каменный дом сохранился до наших дней, хотя был несколько перестроен в XIX в. Его современный адрес – набережная лейтенанта Шмидта, дом №7. Обращение к этим неизученным ранее материалам позволило не только оценить материальное положение Г. Фика (например, в документах приведены суммы, потраченные им на перестройку дома), но и впервые восстановить историю возведения и перестройки, обстоятельств смены четырех владельцев этого дома за период с 1717 по 1732 гг. – одного из немногих зданий, сохранившихся от петровского Петербурга<sup>152</sup>.

Челобитные Г. Фика содержат множество уникальных бытовых деталей, не отраженных в других источниках; дополняют биографические сведения о

<sup>150</sup> Ларина Я.И. Двор на набережной. Политическая история одного петербургского дома первой трети XVIII века // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2015. №1 (136). С. 106-108.

<sup>151</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 691. Л. 799-808.

<sup>152</sup> Ларина Я.И. Двор на набережной ... С. 99-111.

Г. Фике и его семье; высвечивают уровень его представлений о российских реалиях службы. Более того, анализ многочисленных прошений Г. Фика, поданных им в период с 1718 по 1729 гг., в правление Петра I, Екатерины I и Петра II позволяет оценить, как часто Г. Фик обращался к монархам и с какими именно просьбами, насколько быстрыми и положительными были принятые решения. Подобный анализ проводится в настоящей работе впервые и позволяет проследить динамику изменения социального положения Г. Фика на протяжении его службы в России.

Среди делопроизводственных источников большой интерес представляет обнаруженное нами в РГАДА дело «О долгу берлинских купцов на Фике»<sup>153</sup>. Оно возникло после объявления указа Анны Иоанновны 1732 г. о ссылке Г. Фика в Сибирь и конфискации его недвижимого имущества<sup>154</sup>. Материалы дела охватывают 1727-1744 гг. и включают пять челобитных различных купцов, поданные в феврале-апреле 1732 г., их переводы на русский язык, а также переведенные на русский язык облигации, подписанные Г. Фиком, счета с росписью произведенных выплат и оставшихся долгов, квитанции с указанием купленных для него и не оплаченных вещей (интересно, что согласно росписям, Г. Фик выплачивал деньги и проценты регулярно); тексты допросов Г. Фика, присланные из Сибири.

Поскольку основными заинтересованными лицами были купцы прусской торговой компании, а суммы, которые они требовали были значительными (только по одному счету Г. Фик остался должен 4580 рублей 95 копеек), к делу подключился и прусский посланник в России Мардефельд – он подал две промемории в Коллегию иностранных дел – одна датирована 9 июня (29 мая) 1742 г., вторая – 24 (13) мая 1743 г.<sup>155</sup>. В деле имеются их переводы с немецкого на русский язык, а также доношение Коллегии иностранных дел в Сенат<sup>156</sup>. Разбирательство затянулось на 12 лет, до 1744 г.,

<sup>153</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 19. Кн. 1244. Л. 250-295.

<sup>154</sup> Сб. РИО. Юрьев, 1898. Т. 104. С. 144.

<sup>155</sup> Разница между юлианским и григорианским календарями составляла в XVIII в. 11 дней.

<sup>156</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 19. Кн. 1244. Л. 286-294 об.

причем документов о его окончании обнаружить пока не удалось, и дело хранится среди неоконченных.

Материалы этого дела, наряду с упомянутыми ранее источниками, позволяют оценить не подвергавшееся прежде специальному изучению материальное положение Г. Фика, увидеть детали его бытовой и частной жизни (счета содержат сведения о покупке им сукна, вина, лошадей, кареты; одно из писем поверенного в финансовых делах Г. Фика содержит сведения об уплате им денег на строительство церкви и похороны тещи)<sup>157</sup>. Анализ сохранившихся документов и хода дела позволяют увидеть, как функционировал бюрократический механизм российского самодержавия, в частности по отношению к иностранцам, которые не получали никакого преимущества в решении своих дел, несмотря на вмешательство дипломатов, а также добавляет новые штрихи к деятельности иностранных купцов и торговых компаний в России первой половины XVIII в.

К группе делопроизводственных источников относятся Журналы и протоколы заседаний Верховного тайного совета, опубликованные в сборниках Русского исторического общества<sup>158</sup>. Содержащиеся в них в качестве приложений челобитные Г. Фика и резолюции по ним за 1726-1730 гг. затрагивают целый спектр сюжетов. Материалы 1726-1729 гг. отражают процесс отчуждения и передачи лифляндских имений Г. Фика другим владельцам при Екатерине I и отказ возместить эти потери за счет пожалования других земель<sup>159</sup>. Напротив, в правление Петра II выносятся целый ряд положительных решений по челобитным Г. Фика: ему позволяется выкупить лифляндские владения, отобранные Екатериной I в пользу других владельцев<sup>160</sup> и жалуются новые эстляндские деревни<sup>161</sup>. Г. Фик также получает по челобитной во владение бывший двор Г.Г. Скорнякова и

<sup>157</sup> Там же. Л. 270.

<sup>158</sup> Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета. 1726-1730 гг./ под. ред. Н. Ф. Дубровина // Сб. РИО. СПб., 1886-1898. Т. 55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101.

<sup>159</sup> Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 55. С. 260-261, 267-271, 362-364, 369-372.

<sup>160</sup> Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 69. С. 60, 241-247.

<sup>161</sup> Сб. РИО. СПб., 1894. Т. 94. С. 232, 282-292.

сохраняет его, несмотря на посягательства других претендентов<sup>162</sup>. Перипетии борьбы Г. Фика за возвращение и получение недвижимого имущества не только отражают динамику его материального положения на протяжении службы в России, но и служат одним из маркеров его социального положения и близости к власти – удовлетворявшей или отклонявшей его прошения.

В другом делопроизводственном источнике – журналах Кабинета министров Анны Иоанновны за 1731-1732 гг. – содержатся сведения о ссылке Г. Фика и его зятя В. Шульца в Сибирь, конфискации петербургского двора Г. Фика и высылке его семьи в Лифляндию, о разборе конфискованных у него бумаг и книг<sup>163</sup>.

### **Публично-правовые и частноправовые акты.**

Одним из самых важных документов этой группы, определявших положение Г. Фика в России, является патент, подписанный Петром I 23 января 1717 г. в Амстердаме. В патенте были оговорены должность, срок и условия службы, размер жалованья Г. Фика. Оригинал патента обнаружить до сих пор не удалось, очевидно, он был изъят вместе с остальными бумагами Г. Фика после его ареста в 1731 г. Однако в РГАДА в составе фонда 154 (Жалованные грамоты на вотчины, чины и дворянство) сохранился черновик патента, также датированный 23 февраля 1717 г.<sup>164</sup> В июле 1726 г. Г. Фик подал в Верховный тайный совет челобитную на имя Екатерины I с просьбой выдать ему положенное согласно патенту жалованье и приложил к своему прошению точную копию патента. Эти документы были опубликованы в Сборнике Русского исторического общества в составе протоколов, журналов и указов Верховного тайного совета<sup>165</sup>. Также в Эстонском историческом архиве г. Тарту в личном фонде Г. Фика (ф. 1429) сохранился экстракт патента на немецком языке<sup>166</sup>. Сопоставление черновика патента с его окончательным

<sup>162</sup> Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 63. С. 481, 508-509, 580. Сб. РИО. СПб., 1894. Т. 94. С. 170, 232, 807.

<sup>163</sup> Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731-1740 гг. / под. ред. А. Н. Филиппова / Сб. РИО. 1898-1915. Т. 104. С. 91, 93, 95-96, 144, 160-163, 166-167, 242, 285, 287.

<sup>164</sup> РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. Д. 110. Л. I, 1-2 об.

<sup>165</sup> Текст челобитной см.: Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 56. С. 114-115. Текст патента: Там же. С. 116-117.

<sup>166</sup> ЕАА. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-2.

вариантом позволяет проследить, в каком направлении проводилось его редактирование и как царь оценивал положение иноземцев на русской службе и их правовой статус.

Нам удалось обнаружить в РГАДА копию другого важного документа, определявшего социальный статус Г. Фика: «Копия с римского цесарского дипломата о повышении в шляхетское достоинство Германа фон Фика»<sup>167</sup>. 17 февраля 1717 г. император Священной римской империи Карл VI подписал диплом и даровал Г. Фику потомственное дворянство. Благодаря этой находке удалось установить происхождение и подданство Г. Фика и подтвердить его свидетельство, что он был уроженцем вольного имперского города Гамбурга и подданным императора. Документ представляет собой оформленный в два столбца параллельный текст на двух языках – латинском и немецком. Герб, изображенный в этом документе<sup>168</sup>, совпадает с гербом, опубликованным в справочнике гербов остзейского дворянства<sup>169</sup>.

Сохранился оригинал брачного контракта, заключенного между дочерью Г. Фика Беатой и ассессором Юстиц-коллегии Э.Й. фон Фитингофом 25 января 1730 г.<sup>170</sup> Документ находится в Эстонском историческом архиве г. Тарту в личном фонде Г. Фика (ф. 1429). Он составлен на немецком языке. Под договором стоят собственноручные подписи Г. фон Фика и его жены Елены фон Фик (урожденной Крузе), их дочери-невесты Беаты фон Фик, жениха Эриха Йохана фон Фитингофа и троих свидетелей. Имена свидетелей заслуживают особого внимания – это вице-президент Юстиц-коллегии Сигизмунд Адам Вольф, советник Камер-коллегии Кристиан Глюк и капитан Якоб Рихтер. Все они через год станут свидетелями во время следствия по делу Г. Фика и будут утверждать, что не были с ним близко знакомы. Сопоставление этого факта с их показаниями позволяет не только

<sup>167</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. II. Л. 203-208.

<sup>168</sup> Там же. Л. 206.

<sup>169</sup> Klingspor, Carl Arvid von. Den Ritterschaften von Livland, Estland Kurland und Oesel // Baltisches Wappenbuch. Wappen sämtlicher, den Ritterschaften von Livland, Estland, Kurland und Oesel zugehöriger Adelsgeschlechter Stockholm 1882. S. 33.

<sup>170</sup> ЕАА. Ф. 1429. Оп. 1, д. 20. Л. 1-3 об.

верифицировать показания, но и высветить черты личностей и их отношений. Анализ текста брачного договора в совокупности с данными других источников отражает, насколько важную роль в жизни Г. Фика играло его лифляндское имение – как основа социального и материального положения. В этом документе проступают черты семейного быта Г. Фика, которые трудно проследить по данным других источников.

Сохранилась копия договора о покупке Г. Фиком имения у фельдмаршала К. Дюкера<sup>171</sup>. Документ составлен на немецком языке. Дюкер жил в Швеции, поэтому оформление документов потребовало времени. Дюкер подписал договор 1 сентября 1727 г. в Стокгольме, а Г. Фик – 28 сентября 1727 г. в Петербурге. В специальном письме от 8 декабря 1727 г. Дюкер подтвердил получение денег и передачу имения в присутствии свидетеля – Даниэля Никласа Гепкена<sup>172</sup>. Гепкен был старым другом Г. Фика, видным шведским государственным деятелем, в 1727 г. – президентом шведской Коммерц-коллегии. Обращение к этому документу дополняет представления о материальном положении Г. Фика и его социальных связях.

Другим источником этой группы является копия подтвердительной грамоты на поместья, выданная Г. Фику 8 августа 1748 г. после возвращения из ссылки<sup>173</sup>. Из нее мы не только узнаем, какие мызы и деревни состояли в его владении, но также, что его дочь была замужем за камергером «вселюбезнейшего племянника» Елизаветы Петровны – то есть будущего Петра III<sup>174</sup>.

Большую часть рассмотренных актовых материалов составляют документы на немецком языке, не использовавшиеся ранее исследователями при обращении к биографии и служебной деятельности Г. Фика.

### **Источники личного происхождения.**

#### **Письма.**

<sup>171</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. II. Л. 102-105.

<sup>172</sup> Там же. Л. 106 об.-107 об.

<sup>173</sup> РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. №110, 295, 469, 1083; РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. Д. 1083. Л. 1-2 об.

<sup>174</sup> РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. Д. 1083. Л. 1 об.

В РГАДА (фонд 9, отд. II «Кабинет Петра I») удалось выявить пять писем Г. Фика к Кабинет-секретарю А.В. Макарову. Все письма написаны в Петербурге, составлены на русском языке писарем или переводчиком и только подписаны Г. Фиком, который в то время не владел в достаточной степени русским языком. Одно письмо датировано 1 октября 1719 г., четыре остальных написаны в 1720 г. – одно в марте, два в сентябре и одно в октябре. Весьма характерен временной летний «провал» между письмами – с началом навигации царь уходил с флотом, и просители старались решить свои вопросы до этого времени, об этом прекрасно знал и Г. Фик, прося «о закреплении оного дела прежде, нежели лед вскрыется и море чисто будет, для того, что я опасаюсь, ежели ныне не зделается, то после оное дело паки до будущей зимы останется, в чем мне немалое беспокойство учинится»<sup>175</sup>.

Г. Фик обращался к А.В. Макарову как по личным, так и по служебным вопросам. При сопоставлении информации, содержащейся в письмах Г. Фика к Кабинет-секретарю, с данными законодательных и делопроизводственных источников удалось выснить, что большинство просьб и прошений Г. Фика были удовлетворены. В результате впервые были получены подробные сведения о социальном положении Г. Фика, и использовании им патрон-клиентских связей для укрепления своего статуса. В письмах также содержатся сведения о материальном положении Г. Фика и бытовой стороне его жизни в Петербурге.

Стоит отметить, что известны тысячи писем к А.В. Макарову, но *его* письма к своим корреспондентам не известны<sup>176</sup>. В личном архиве Г. Фика удалось обнаружить письмо А.В. Макарова к нему от 6 июня 1721 г. – это уникальный случай<sup>177</sup>. Из текста письма видно, что А.В. Макаров не только передавал просьбы своих корреспондентов царю, но и доносил до них получаемые распоряжения. Примечательно, что он передавал Г. Фику

<sup>175</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 48. Л. 675.

<sup>176</sup> Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. С. 249.

<sup>177</sup> ЕАА. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 7. Л. 1. Документы из личного архива Г. Фика хранятся в Эстонском историческом архиве в Тарту, подробнее этот комплекс будет рассмотрен далее.

распоряжение не правящего монарха Петра I, а его жены, которая к тому времени еще не была коронована. Таким образом, письмо имеет важное значение для характеристики взаимодействия власти и личности и на конкретном биографическом материале иллюстрирует способы принятия и реализации властных решений в России первой четверти XVIII в.

Другой весьма информативный эпистолярный источник – письма Г. Фика рижскому бургомистру И. Бенкендорфу. Они были опубликованы в 1902-1903 гг. в сборниках наряду с другими документами, относящимися к истории города Риги<sup>178</sup>. Еще в 1930 г. на эти публикации указал А.Р. Цедерберг, однако, он весьма кратко охарактеризовал их содержание<sup>179</sup>, а последующие исследователи не обращались к этим материалам. При подготовке диссертации письма впервые были переведены автором с немецкого языка. В мае-августе 1718 г. Г. Фик отправил в Ригу 6 писем, столько же в январе-апреле 1719 г., по одному письму в 1720 и 1721 гг., а также одно в 1723 г. – всего 15 писем. Тематически и по обстоятельствам создания с ними связаны и другие опубликованные в тех же сборниках материалы – письмо П.П. Шафирова И. Бенкендорфу, письмо рижского магистрата П.П. Шафирову, протокол заседания рижского магистрата, – их необходимо учитывать для понимания содержания писем Г. Фика.

Анализ писем Г. Фика в совокупности с данными других источников позволяет увидеть функционирование цепи патрон-клиентских отношений в России петровского времени и скрытый механизм принятия политических и экономических решений.

К группе источников личного происхождения относятся также **дневники** современников Г. Фика. Его неоднократно упоминает в своем дневнике камер-юнкер Фридрих Вильгельм Берхгольц. В 1721 г. он приехал в

---

<sup>178</sup> Aktenstücke und Urkunden zur Geschichte der Stadt Riga / Herausgegeben aus dem Nachlass des Dr. phil. Anton Buchholtz von der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands durch August von Bulmerincq. Riga, 1902. Bd. I. 1710-1725; Aktenstücke und Urkunden zur Geschichte der Stadt Riga / Herausgegeben aus dem Nachlass des Dr. phil. Anton Buchholtz von der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands durch August von Bulmerincq Riga, 1903. Bd. II. 1725-1740.

<sup>179</sup> Cederberg A.R. Heinrich Fick. S. 26, 36, 39.

Россию в свите голштинского герцога Карла Фридриха, который должен был жениться на одной из дочерей Петра I. Герцог претендовал на шведский престол и стремился заручиться в России поддержкой будущего тестя Петра I. В доме голштинского герцога собирались иностранцы, жившие и служившие в России – военные, дипломаты, гражданские чиновники, купцы, священники. Их объединяли общие знакомства, язык, религия и культура. Герцог стремился создать в России свой круг общения, приобрести полезные связи. Он помогал шведским пленным, чтобы по возвращении в Швецию они пополнили партию его политических сторонников. Берхгольц подробно записывал имена гостей голштинского двора, передавал содержание разговоров, описывал официальный досуг голштинского герцога – обеды, придворные торжества и поездки. Опубликованные дневниковые записи<sup>180</sup> охватывают период с апреля 1721 по сентябрь 1725 г.<sup>181</sup>

Анализ данных, содержащихся в этом источнике, в частности, имен людей, посещавших герцога в одно время с Г. Фиком, позволил выявить его социальные связи. Более того, удалось отметить снижение динамики посещений Г. Фиком герцога и появление негативных характеристик в записях Берхгольца о нем. Эти наблюдения в совокупности с другими материалами важны для установления причины отдаления Г. Фика от голштинской партии<sup>182</sup>.

Для характеристики социальной стратегии и связей Г. Фика, характера его отношений с А.Д. Меншиковым большой интерес представляют сведения о Г. Фике, содержащиеся в «Повседневных записках делам князя А. Д. Меншикова». Секретари «светлейшего» вели записи о его распорядке дня,

---

<sup>180</sup> Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. (1721-1722) // Неистовый реформатор. История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII-XX вв. М., 2000. Ч.1., Ч.2. С. 105-502; Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. (1723-1725) // Юность державы. История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII-XX вв. М., 2000. Ч. 3., Ч.4., Ч.5. С. 11-324.

<sup>181</sup> Берхгольц уехал из России в 1727 г., часть дневников, очевидно, не удалось обнаружить. Историю обнаружения и публикации дневника см.: Наумов В.П. Немецкие источники о России первой четверти XVIII века // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 509-510.

<sup>182</sup> Подробнее об этом см. раздел 3.2 настоящей работы, а также статью: Ларина Я.И. "Превратность счастья вельмож". Власть и личность в России первой половины XVIII в. // Родина. 2015. №9. С. 98-101.

поездках, делах, встречах, визитерах и даже погоде. В РГАДА сохранились записи за 1716-1720 и 1726-1727 гг., они были опубликованы С.Р. Долговой и Т.А. Лаптевой<sup>183</sup>. Записи за 1721-1725 гг. отсутствуют.

К группе источников личного происхождения относятся также **мемуары**. А.Г. Тартаковский посвятил специальное исследование<sup>184</sup> мемуарной литературе XVIII в., что освобождает от необходимости общей характеристики этих источников. Едва ли не самыми известными и цитируемыми являются воспоминания Х.-Г. Манштейна, адъютанта фельдмаршала Б.Х. Миниха – «Записки о России», – которые получили беспрецедентную по сравнению с другими мемуарными произведениями известность в русском обществе еще с 1770-х гг.<sup>185</sup>.

Именно изложенная Манштейном версия о роли Г. Фика в попытке ограничения российского самодержавия в 1730 г. почти два столетия определяла позицию исследователей и биографов Г. Фика в этом вопросе. Между тем, необходимо принимать во внимание, что основная часть жизни Манштейна прошла за границей, он приехал в Россию и поступил на службу в 1736 г. в возрасте 25 лет и не был очевидцем событий 1730 года, ареста и ссылки Г. Фика. Долгое время исследователи расценивали и использовали «Записки о России» Манштейна как достоверный и информативный источник для оценки предполагаемого участия Г. Фика в попытке ограничения самодержавия. Однако сопоставление мемуаров Манштейна с материалами розыскного дела показало, что «Записки о России» скорее представляют интерес как *отражение общественных представлений и бытовавших слухов* о роли Г. Фика в событиях 1730 г., нежели являются надежным источником для оценки его действительного участия<sup>186</sup>.

<sup>183</sup> Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716-1720, 1726-1727 гг. // Российский архив / Публ. С.Р. Долговой и Т.А. Лаптевой. М., 2000. Том X.

<sup>184</sup> Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991.

<sup>185</sup> О публикации мемуаров Манштейна в Европе и распространении их в России см.: Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991. С. 86, 110, 116; Наумов В.П. Послепетровская эпоха глазами российских немцев // Перевороты и войны. М., 1997. С. 495.

<sup>186</sup> В анонимных «Замечаниях на «Записки о России генерала Манштейна» Г. Фик ошибочно назван «Финком» и ему совместно с Сиверсом необоснованно приписывается неосторожное рассуждение о

Другим известным мемуарным источником XVIII в. является «Очерк управления Российской империи», составленный Б.Х. Минихом в 1760-е гг.<sup>187</sup>. Он руководил розысками по делам действительных и предполагаемых участников попытки ограничения самодержавия в 1730 г., в том числе и Г. Фика. Однако об этой стороне своей деятельности он не сообщает, подчеркивая свои новые назначения и другие должностные достижения в тот период<sup>188</sup>. По замечанию И.В. Курукина, «написанные на склоне лет мемуары не всегда предполагали открытие истины»<sup>189</sup>. Подача информации в «Очерке» характеризует сам источник, форму саморепрезентации Миниха в нем и подчеркивает необходимость введения в научный оборот новых источников по истории российского междоусобия 1730 г., в частности, материалов розыскного дела Г. Фика.

**Дипломатические материалы.** Представители иностранных дипломатических миссий в России регулярно отправляли своим правительствам депеши, в которых сообщали о внутривластной обстановке, экономическом состоянии, внешнеполитических намерениях правительства и других подробностях положения дел в России<sup>190</sup>. Одна из особенностей этого вида источника заключается в том, что дипломаты, особенно имевшие надежные источники информации при дворе, порой сообщали в своих репортажах уникальные сведения, не отраженные ни в каких официальных документах<sup>191</sup>. Более того, анализ иностранных донесений позволяет выявить, какие события и фигуры российской общественной жизни представлялись дипломатам наиболее значимыми. Г. Фик неоднократно

---

«сделанном правосудии в исключении от наследия престола царевны Елизаветы», о котором «священный долг верности» повелевал Миниху донести императрице: Замечания на «Записки о России генерала Манштейна // Перевороты и войны. М., 2000. С. 423.

<sup>187</sup> Подробнее см.: Наумов В. П. Послепетровская эпоха глазами российских немцев // Перевороты и войны. М., 2000. С. 497-498.

<sup>188</sup> Б.Х. Миних. Очерк управления российской империи // Перевороты и войны. М., 2000. С. 294.

<sup>189</sup> Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь» ... С. 32.

<sup>190</sup> Подробнее о данном виде источников см.: Наумов В.П. Некоторые особенности источниковедческого анализа дипломатических репортажей XVIII в. // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 145-148; Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». С. 40-41.

<sup>191</sup> Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь» ... С. 40.

фигурировал в подобных документах в контексте реформ и экономической политики 1710-1720-х гг. Французский посланник Лави обсуждал с ним в 1718 г. новые государственные учреждения<sup>192</sup>, саксонский посланник Лефорт сообщал королю о назначении Г. Фика вице-президентом Коммерц-коллегии<sup>193</sup>, прусский посланник Мардефельд доносил королю о предстоящем изменении в России таможенного тарифа, которое он обсуждал с Г. Фиком<sup>194</sup>. Политические события 1730 г., попытка ограничения самодержавия и последующие аресты безусловно заняли центральное место в донесениях иностранных дипломатов этого периода. Сведения об аресте Г. Фика и его предполагаемой роли в «затейке верховников» содержатся в депешах шведского резидента Мориана<sup>195</sup>, саксонского посланника Лефорта<sup>196</sup>, французского посланника Маньяна<sup>197</sup>. О возвращении Г. Фика из ссылки сообщал секретарь прусского посольства Пецольд<sup>198</sup>.

Особое место среди источников занимает **«Дело розыскное о вице-президенте Фике и замыслах его ограничить самодержавие при вступлении на престол императрицы Анны»**, которое хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве, в фонде 6 (Уголовные дела по государственным преступлениям)<sup>199</sup>. Оно возникло в ходе следствия по делу Г. Фика, которому вменялось в вину одобрение ограничения самодержавия в 1730 г. и участие в составлении кондиций, предложенных Анне Иоанновне членами Верховного Тайного Совета. Дело насчитывает более пятисот листов, входящие в него материалы охватывают период с 1717 по 1748 гг.<sup>200</sup>. Лишь около **10%** текстов написаны

<sup>192</sup> Сб. РИО. СПб., 1881. Т. 34. С. 333.

<sup>193</sup> Сб. РИО. СПб., 1868. Т. 3. С. 456.

<sup>194</sup> Сб. РИО. СПб., 1875. Т. 15. С. 355-356.

<sup>195</sup> Hjärne H. Ryska konstitutionsprojekt år 1730 efter svenska förebilder. Stockholm, 1884. Фрагментарно донесения Мориана использованы также в работе: П.Н. Милуков. Верховники и шляхетство. РнД., 1905. С. 28-29, С. 29. Сн. 1.

<sup>196</sup> Сб. РИО. СПб., 1870. Т. 5. С. 425-426, 441, 445.

<sup>197</sup> Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 81. С. 178.

<sup>198</sup> Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 6. С. 484-485.

<sup>199</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I-II.

<sup>200</sup> Ч. I насчитывает 313 листов, ч. II – 261 лист (итого 574 листа).

на русском языке, причем их основная часть не относится ко времени следствия<sup>201</sup>. Абсолютное большинство материалов дела представляют документы на немецком языке<sup>202</sup>. В составе дела по способу формирования можно выделить *три больших блока источников*: материалы предварительного следствия, материалы судебного следствия и присоединенное к ним позднее дело о передаче конфискованного имения Г. Фику после его возвращения из ссылки.

*1) Материалы предварительного следствия* начали формироваться 1 марта 1731 г. в день ареста Г. Фика. В тот же день состоялся первый допрос: сохранилось написанное на русском языке обязательство говорить только правду, собственноручно подписанное Г. Фиком, и записанные по-русски ответы Г. Фика по шести обвинительным пунктам. Текст самих вопросных пунктов отсутствует, записаны только ответы Г. Фика «на 2 пункт», «на 3 пункт» и так далее. Однако по ответам можно восстановить, что следствие в первую очередь интересовало, откуда Г. Фик узнал об ограничении самодержавия, принимал ли он сам участие в составлении ограничительных пунктов или «прожектов» для них, сотрудничал ли в этом деле с членами ВТС. По окончании допроса Г. Фик собственноручно сделал под текстом ответов приписку на немецком языке, что все вышеизложенное является правдой<sup>203</sup>.

К материалам предварительного следствия также относятся два пространных мемориала, собственноручно написанных Г. Фиком во время заключения в Москве на имя Анны Иоанновны. Оба документа на немецком языке. Первый мемориал датирован 4 марта 1731 г., и насчитывает семь листов<sup>204</sup>. Он был написан Г. Фиком всего через три дня после ареста в попытке как можно скорее оправдаться перед императрицей, убедить ее в необоснованности порочащих его слухов и предъявленных следствием

<sup>201</sup> Например, дело 1748 г. о возвращении конфискованного имения Г. Фику, вернувшемуся из ссылки. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. II. Л. 209-251 об.

<sup>202</sup> Отметим также, что показания русских свидетелей переводились на немецкий язык.

<sup>203</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 2 об.

<sup>204</sup> Там же. Л. 191-197 об.

обвинений в одобрении или даже составлении ограничительных проектов для Д.М. Голицына. Г. Фик изложил свою версию событий междоусобицы – когда и от кого он впервые узнал о перемене формы правления, с кем и когда обсуждал эти события, какие разговоры ходили об этом в обществе.

Второй мемориал на двенадцати листах написан 24 октября 1731 г. после семимесячного заключения, поэтому по тональности повествования отличается от первого и носит отпечаток последней надежды<sup>205</sup>. Г. Фик отрицал свое участие в составлении кондиций, приводил все возможные свидетельства своей верной многолетней службы, апеллировал к тексту своего патента, по которому ему была обещана «защита и милость», чересчур подробно толковал значение своих слов об ограничении самодержавия, которые передавали друг другу в обществе, фактически обвинял Б.Х. Миниха в доноситечестве. Оба мемориала содержат уникальные свидетельства об общественных настроениях в период междоусобицы, отношениях Г. Фика с Д.М. Голицыным, А.И. Остерманом, Б.Х. Минихом и другими видными политическими деятелями.

Особый пласт составляют протоколы допросов свидетелей по делу Г. Фика, которых в Петербурге допрашивал Б.Х. Миних (в это время сам Г. Фик еще находился под арестом в Москве). С марта по июнь 1731 г. было допрошено 18 свидетелей, 15 из которых были иностранцами<sup>206</sup>, поэтому допросы проходили и были записаны на немецком языке. Трое свидетелей были русскими, сохранились протоколы на русском языке, а также их перевод<sup>207</sup> на немецкий язык. Протоколы допросов в основном написаны одним почерком и имеют скрепу Иоганна Георга Кизлинга<sup>208</sup>. Каждый протокол имеет титульный лист, на котором обозначено имя и должность свидетеля, дата допроса и указание, что он произведен по делу вице-президента Фика. Протоколы велись аккуратно, по единообразному

<sup>205</sup> Там же. Л. 198-209 об.

<sup>206</sup> Сводную таблицу свидетелей по делу Г. Фика см.: Приложение №1 настоящей работы.

<sup>207</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. II. Л. 83-88.

<sup>208</sup> Johann Georg Kiesling, Ober-Auditor.

формуляру. В начале документа указывалась дата, имя и должность свидетеля, а также то, что он будет допрошен по указу Ее императорского величества в присутствии генерал-фельдцейхмейстера Б.Х. Миниха и предупрежден об обязанности говорить правду. Записи представляют собой два столбца, в левом были обозначены вопросы, в правом, напротив соответствующего вопроса, зафиксированы ответы. По окончании допроса свидетели собственноручно подписывали текст клятвенного обещания, что сообщили правду, ничего не скрыли, а также собственноручно же ставили на каждом листе протокола свою скрепу<sup>209</sup>. Свидетелям задавалось различное количество вопросов (от 3 до 21) в зависимости от степени знакомства с Г. Фиком и обстоятельствами дела.

Показания четырех свидетелей были получены дистанционно. Двое из них – адмирал Сиверс и генерал-майор Гохмут – находились, как и Миних, в Петербурге, но он не стал вызывать их на допрос лично. Миних отправил каждому из них письмо и допросные пункты. И письма Миниха, и ответы Сиверса<sup>210</sup> и Гохмута<sup>211</sup> написаны на немецком языке.

Двое других свидетелей – капитан Якоб Рихтер и подполковник Генрих Шлиппенбах – находились в Прибалтике, местным должностным лицам был направлен указ Анны Иоанновны о необходимости проведения их допросов и соответствующие вопросные пункты. Рихтера<sup>212</sup> допросили в Риге генерал Петр Ласси и два регирунгсрата, а Шлиппенбаха в Ревеле допрашивал вице-губернатор Фридрих фон Левен<sup>213</sup>. Допросы производились и были записаны на немецком языке. Оба свидетели принесли присягу, обязались говорить правду и держать в тайне и факт самого опроса, и все относящееся к теме расследования в целом. Затем отобранные показания были отправлены Миниху.

<sup>209</sup> См., например: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 67-70 об.

<sup>210</sup> Там же. Л. 159-163.

<sup>211</sup> Там же. Л. 167-171 об.

<sup>212</sup> Там же. Л. 170-172.

<sup>213</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. II. Л. 165-165 об.

Помимо письменных показаний и протоколов допросов сохранились также их краткие экстракты, которые готовились в канцелярии Б.Х. Миниха для доклада Анне Иоанновне о ходе следствия<sup>214</sup>. В целом, все допросы отличает тщательность и внимание к деталям, именам упомянутых лиц, наличие уточняющих и наводящих вопросов.

Самый поздний документ из сохранившихся за этот период и представленных в «розыском деле» – это уже рассмотренный нами ранее второй мемориал Г. Фика, написанный им Анне Иоанновне в октябре 1731 г. Собранные в ходе расследования материалы были переданы судебной комиссии, тщательно ею изучены и в дальнейшем судьи задавали Г. Фику вопросы, основываясь на этих материалах. С учетом этого можно высказать предположение, что до конца 1731 г. Г. Фика несколько месяцев продержали под арестом, не производили дальнейшие следственные действия, но и не выпускали.

## *2) Материалы судебного следствия.*

В конце декабря 1731 г. по указу Анны Иоанновны Г. Фик был доставлен в Петербург, где его дело должна была рассмотреть и «привести ко окончанию» Юстиц-коллегия эстляндских и лифляндских дел, причем за рекордно короткие две недели – до приезда императрицы в Петербург, который ожидался в середине января. Об этом в особом письме от 29 декабря 1731 г. коллегии сообщил Миних<sup>215</sup>. 30 декабря 1731 г. для рассмотрения дела Г. Фика в коллегии была создана специальная судебная комиссия. В нее вошли вице-президент коллегии Герман Карл фон Кейзерлинг, ассессор Эрнст Готлиб Глюк и профессор права Иоганн Симон Бекенштейн<sup>216</sup>. Все эти обстоятельства

<sup>214</sup> Например: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. II. Л. 1-7об.

<sup>215</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 214-214 об.

<sup>216</sup> Г.К. Кейзерлинг служил при дворе Анны Иоанновны еще в Митаве, считается, что именно он познакомил ее в 1718 г. с Э.И. Бироном. Профессор права Бекенштейн был наставником Кейзерлинга в Кенигсбергском университете. В протоколе зафиксирована просьба Бекенштейна изъять его от участия в следствии, поскольку он был иностранцем, срок его службы по капитуляции вышел, к тому же он не принадлежал к Юстиц-коллегии, будучи членом Академии наук. Ассессор Эрнст Готлиб Глюк был сыном Христиана Глюка, с 1718 г. служившего в Камер-коллегии с Г. Фиком и дававшего показания по его делу. Сам Э.Г. Глюк (как и Г.К. Кейзерлинг, И. Гагемейстер) служил с зятем Фика в одной коллегии, в том числе и

были зафиксированы в первом протоколе заседания комиссии от 30 декабря 1731 г. С этого дня и до 14 января комиссия собиралась каждый день<sup>217</sup>. Протоколы заседаний комиссии (далее – протоколы) вел на немецком языке секретарь коллегии Иоахим Гагемейстер. В начале каждого протокола он ставил дату и отмечал, кто из членов комиссии присутствовал. Затем секретарь протоколировал все обсуждения и решения комиссии, а также все происходившее «в реальном времени», например, что в коллегия для допроса был доставлен Г. Фик; что он попросил поговорить с вице-президентом Кейзерлингом наедине, и они вышли в соседнюю комнату; что Г. Фик был под конвоем отправлен на свою квартиру<sup>218</sup>.

До 3 января 1732 г. комиссия изучала собранные в ходе предварительного следствия материалы – на всех полученных из Москвы документах имеется однотипная помета, что они получены в коллегии 30 декабря 1731 г.<sup>219</sup> В то же время комиссия занималась организационными вопросами: поиском подходящего дома для содержания Г. Фика, выделением денег на питание его самого, двух слуг и охраны, на дрова, свечи и прочие нужды<sup>220</sup>.

В протоколах отражено, как члены комиссии обсуждали между собой (в отсутствие Г. Фика) ход дела, отмечали, на какие вопросы обвиняемый ответил неудовлетворительно, какие его показания заслуживают доверия, а какие нет. Исходя из этого они составляли перечень вопросов пунктов – и сами вопросы, и процесс их выработки секретарь заносил в протокол. По окончании этой подготовительной работы Г. Фика приводили в зал заседаний и последовательно допрашивали по всем сформулированным пунктам.

---

после ссылки Г. Фика. Пекарский П.П. История императорской академии наук. С. 197-202, 498-502; Курукин И.В. Анна Иоанновна. С. 33. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 215; Сб. РИО. Юрьев, 1900. Т. 108. С. 171.

<sup>217</sup> В материалах дела отмечено также, что комиссия (27 января 1732 г., уже после вынесения решения по делу и подписания указа Анны Иоанновны о ссылке Г. Фика в Сибирь) решала организационные вопросы о передаче Г. Фика под новую охрану, выделении ему денег и необходимости отпустить его слуг: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 213.

<sup>218</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 311.

<sup>219</sup> См., например: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 162.

<sup>220</sup> Там же. Л. 218 об.-220.

Секретарь не оформлял вопросы и ответы в виде столбцов, а сначала записывал номер и суть вопроса, а затем ставил слово «ответ», после которого заносил показания Г. Фика. Количество вопросов было разным во время разных допросов. На первом допросе 4 января 1732 г. Г. Фик отвечал по 16 пунктам обвинения, на втором 5 января ему представили уже 37 пунктов, на третьем допросе 11 января – 34 пункта.

В протоколах фиксировали вообще все сказанное: просьбы и замечания Г. Фика о содержании, дополнительные вопросы судей, их увещания и указания, что Г. Фик путается в показаниях, что ему не следует скрывать правду, иначе судьи будут вынуждены применить пытки. Это делает протоколы уникальным источником не только с точки зрения анализа *содержания* показаний Г. Фика<sup>221</sup>, но и для понимания организации следственного процесса, позиции судей (которые обсуждали тактику ведения процесса между собой в отсутствие обвиняемого), а также условий пребывания Г. Фика под арестом.

Важное значение имеют еще два документа, подготовленных судебной комиссией: приговор Г. Фику и особый доклад Анне Иоанновне о ходе разбирательства. Приговор<sup>222</sup> комиссия вынесла 12 января 1732 г. На следующий день, 13 января, члены комиссии составили особый доклад Анне Иоанновне, в котором словно оправдывались перед императрицей за «непродуктивные» результаты расследования, в котором им не удалось доказать вину Г. Фика по основным пунктам обвинения, то есть найти убедительные доказательства его участия в составлении кондиций. Анализ доклада позволяет говорить о том, что при всем внешнем соблюдении судебно-следственных процедур, комиссия понимала, что императрица ожидала не только обвинительного приговора для Г. Фика, но и надеялась получить от него показания и достоверные свидетельства участия *других*,

---

<sup>221</sup> Ход и результаты анализа показаний Г. Фика изложены в четвертой главе настоящей работы.

<sup>222</sup> В тексте используется немецкое слово “Urtheil”.

более высокопоставленных людей (в особенности, Д.М. Голицына, который неоднократно упоминался на допросах) в подготовке кондиций.

Для удобства использования, поиска информации в протоколах (и, очевидно, для отчетности) был составлен специальный документ – «Регистр протоколов судебной комиссии Юстиц-коллегии эстляндских и лифляндских дел по розыску о грубом преступлении бывшего вице-президента Фика против Ее императорского величества и государства с 30 декабря 1730 г. по 1732 г.»<sup>223</sup> Как и все протоколы, «Регистр» написан на немецком языке. Он представляет собой справочный документ, оформленный в виде таблицы из трех столбцов. Первый столбец предназначался для нумерации. Во втором кратко приводилось содержание важного вопроса или документа, относящегося к делу. В третьем указана страница, на которой следовало искать соответствующую информацию. Например, под номером 10 значится: «Первый допрос обвиняемого Фика», страница 18. Или под номером 16: «Допрос Кирилы, русского слуги обвиняемого», страница 78<sup>224</sup>. Поскольку протоколы имеют нумерацию страниц, при необходимости судьи или секретарь могли при помощи регистра найти нужные сведения в накопленных материалах. Всего в «Регистре» двадцать шесть пунктов. Наличие подобного документа свидетельствует, на наш взгляд, об особой важности дела Г. Фика и тщательности проведения процесса – несмотря на жесткие временные рамки, в которые были поставлены судьи.

### *3) Дело о возвращении конфискованного имения Г. Фику.*

К материалам «розыскного дела» приобщено также дело 1748 г. «О возвращении действительному статскому советнику Андрею Фику (бывшему прежде статским советником и сосланным в ссылку в 1732 году) недвижимого его имения»<sup>225</sup> очевидно, это объединение произведено в более позднее время работниками архива. После возвращения из сибирской ссылки в 1743 году Г.

<sup>223</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 211-213.

<sup>224</sup> Там же. Л. 211 об, 212.

<sup>225</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. II. Л. 209-251 об.

Фик стремился вернуть конфискованное лифляндское имение, однако, этот процесс затянулся до 1748 г.<sup>226</sup> Дело включает справки и копии докладов Сената, в которых изложен размер владений, история их пожалования и обстоятельства отчуждения, поскольку для возвращения имений требовалось прежде выяснить, «когда и по какому делу и каких чинов [Фик] лишен и в ссылку послан был, и какие именно у него движимые и недвижимые имения отписаны, показав порознь, что в том числе ево собственное и пожаловано ему было, и ис того, что кому и по каким указам отдано или продано, и насколько по цене и затем, не осталось ли чего, и то оставшее ныне в чьем ныне ведомстве состоит»<sup>227</sup>.

Комплексный анализ материалов розыскного дела Г. Фика – показаний свидетелей, самого Г. Фика, а также его мемориалов позволяет впервые рассмотреть роль Г. Фика в попытке ограничения самодержавия в 1730 г. и выйти на более широкую проблематику оценки событий междоусобицы в целом. В частности, удастся существенно дополнить представления о дискуссиях и политических настроениях, царивших в среде высшей и средней бюрократии в 1730 году. Важно подчеркнуть, что «розыскное дело» является обширным, информативным и репрезентативным источником, фактически до сих пор не введенным в научный оборот.

Судебно-следственное дело Г. Фика содержит множество уникальных деталей о службе и быте Г. Фика в России, характеристики наиболее влиятельных российских сановников первой трети XVIII века. Упоминания о встречах и личных отношениях и человеческих качествах позволяют увидеть тот слой межличностных отношений в среде российского чиновничества и сообщества иностранцев на русской службе (представителей бюрократии, армии и флота высшего и среднего уровня), который не прослеживается по другим источникам, в виду недостатка личных писем, дневников или

<sup>226</sup> «Копия с подтверждающей грамоты действительному статскому советнику Андрею Фику на пожалованные ему в Лифляндии маестности» датирована 8 августа 1748 г. и хранится в: РГАДА Ф. 154. Оп. 2. Д. 1083. Лл. 1-2об. На этот документ автору любезно указал Д.О. Серов.

<sup>227</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. II. Л. 236.

мемуаров, которые могли бы содержать подобную информацию. Такую особенность этого вида источников отмечали и другие исследователи, работавшие с материалами следственных дел первой половины XVIII в. Так, С.В. Ефимов, изучавший материалы следствия по делу царевича Алексея, отмечал, что специфика судебно-следственных дел предполагает установление реальных взаимоотношений людей в рамках их научной критики и исследователи вправе предположить, что та часть показаний, которая не имеет прямых или косвенных подтверждений и является уникальной (описание бытовых деталей, подробности частных бесед, характеристики людей) заслуживает определенной степени доверия<sup>228</sup>. Н.И. Павленко при работе над биографиями А.В. Макарова и П.А. Толстого также обращался к материалам следственных комиссий и отметил, что «следственные материалы содержат массу колоритных подробностей бытового плана, а также выпукло характеризуют личные качества как следователей, так и подследственных. Особую ценность этим документам придает то обстоятельство, что подследственные оказались в экстремальных условиях, раскрывших и слабые, и сильные стороны личности»<sup>229</sup>.

**Материалы личного архива Г. Фика.** У Г. Фика был обширный личный архив, в него входили письма, копии документов, вывезенных им из Швеции, хозяйственная и финансовая документация, владельческие документы на землю, рабочие выписки о политических событиях в Европе и другие материалы. После ареста были изъяты все его бумаги, письма и книги – как те, которые были при нем в Москве во время ареста, так и те, что хранились в его доме в Санкт-Петербурге. В ноябре 1732 г. жена Г. Фика писала эстляндскому губернатору Фридриху Левену: «чрез присланной ко мне от Ея императорского величества караул все мужа моего писем, квитанции и кабалы по высокому Ея императорского величества указу отняты»<sup>230</sup>. В

---

<sup>228</sup> Ефимов С.В. Политический процесс по делу царевича Алексея: Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 10.

<sup>229</sup> Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 2016. С. 10.

<sup>230</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 19. Кн. 1244. Л. 277.

журналах Кабинета министров сохранились записи о том, что Семену Андреевичу Салтыкову велели прислать из Москвы баулы и сундуки с письмами и книгами Г. Фика, а 28 мая 1732 г. «был в Кабинете Юстиц-коллегии вице-президент барон фон Кейзерлинг, к которому приказано присланные в Кабинет из Москвы два завязанные сундука с книгами и с письмами Фиковыми отослать для разобранья на двор к нему, вице-президенту, кои и отосланы сего же числа»<sup>231</sup>.

После возвращения из ссылки Г. Фик пытался найти и вернуть свои бумаги, сохранился черновик его письма действительному статскому советнику Василию Ивановичу [Демидову] с просьбой «пожаловать приложить ваше старание во отыскании моих домашних писем яко патент диплом и протчие мои дела домовые вовемя моего несчастья оныя из дому моего взяты были господином капитаном Володимером Семеновичем Салтыковым (что ныне московский вице-губернатор) и тако где оныя ныне находятца понеже об оных от Кабинета и от Сената приказание имеется, точию за незнанием где оныя хранятся, отыскать не знаю, пожалуй милостивый государь мой хотя ваше высокоблагородие сим и утруждаю однако кроме вас ко отысканию помянутых писем положится на друга не знаю»<sup>232</sup>. Возможно часть бумаг Г. Фика находилась в лифляндском имении Оберпален, поскольку некоторые документы, относящиеся к периоду до его ссылки, сохранились там до начала XX века.

Согласно завещанию Г. Фика, его бумаги и книги хранились в имении в замке Оберпален несмотря на продажу и смену владельцев. Замок и архив пострадали в ходе революционных событий 1917 года и борьбы за независимость Эстонии, однако часть документов удалось сохранить. В 1928 году их обнаружил А.Р. Цедерберг<sup>233</sup>. Он опубликовал девять документов в приложении к своей работе о Г. Фике, например, «Штат королевской

<sup>231</sup> Сб. РИО. Юрьев, 1898. Т. 104. С. 214, 242, 280, 285.

<sup>232</sup> ЕАА. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 26. 1 об.

<sup>233</sup> Cederberg A.R. Heinrich Fick. S. I, 5-7.

резиденции Стокгольма», «Устройство и регламент Финанц-камеры», «Всепопданнейшую записку о якутах и тунгусах»<sup>234</sup>. Однако они составляют лишь незначительную часть комплекса материалов, который в настоящее время хранится в Эстонском историческом архиве в Тарту в составе отдельного фонда (ф. 1429) и в основном остается вне поля зрения исследователей.

Среди материалов личного архива Г. Фика есть семейные документы (брачный контракт дочери Беаты и ассессора Юстиц-коллегии Э. Фитингофа, черновики завещания Г. Фика); хозяйственная и финансовая документация (счета, переписка). Значительная часть сохранившихся документов касаются его лифляндского имения Оберпален, отражают многолетние конфликты Г. Фика с претендентами на эти земли, все перипетии с их пожалованием, отчуждением в пользу других владельцев и возвращением. Среди бумаг находится и ранее упомянутое уникальное в своей единичности письмо А.В. Макарова к Г. Фику от 1721 г.<sup>235</sup>. На некоторых документах, первоначально составленных на русском языке (письма, копии указов) есть поясняющие приписки на немецком, также к ним часто приложены современные им переводы на немецкий язык. Например, на копии сенатского указа об оставлении за Г. Фиком пожалованного ему двора Г. Скорнякова-Писарева на Васильевском острове есть собственноручная приписка Г. Фика на немецком с обозначением содержания документа<sup>236</sup>, к письму А.В. Макарова 1721 г. приложен перевод на немецкий язык<sup>237</sup>, есть и другие подобные примеры. Родным языком Г. Фика был немецкий, до конца жизни он писал именно на этом языке (включая черновики завещания). Тем не менее, сохранился собственноручно составленный им черновик письма к статскому советнику Василию Ивановичу [Демидову] от 1743 г., который позволяет сделать вывод, что за время сибирской ссылки Г. Фик все же овладел русским языком.

<sup>234</sup> Ibid. Beilage 1-9. S. 1\*-160\*.

<sup>235</sup> ЕАА. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 7.

<sup>236</sup> ЕАА. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

<sup>237</sup> ЕАА. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 7. Л. 3-4.

Черновики проектов и челобитных Г. Фика, в том числе написанные им собственноручно, позволяют увидеть процесс создания документов и проследить логику редактуры. Сохранился оригинал паспорта, выданного Г. Фику в Сенате для проезда из Санкт-Петербурга в Лифляндию от 30 июля 1745 г. Вместе с ним хранится и черновик доношения Г. Фика Сенату, в котором он просит о скорейшей выдаче этого документа. Любопытно, что сначала Г. Фик написал: «Ныне по уведомлении чрез писма из лифлянской моей мызы **от жены Елены фон Фик, что она** находится в самой трудной болезни (: от чего боже сохрани дабы не умерла:) и того ради покорно правительствующаго Сената прошу, дабы повелено было для моего проезду дать пашпорт». А затем, видимо для большей убедительности, решил изменить формулировку: «Ныне по уведомлении чрез писма из лифлянской моей мызы **от детей моих, что их мать, а моя жена** находится в самой трудной болезни [...]»<sup>238</sup>.

Аналитические записки и проекты Г. Фика, посвященные устройству государственных учреждений достаточно хорошо известны исследователям реформ Петра I. Однако практически неизвестны его проекты, составленные в 1740-е гг. после возвращения из ссылки, в правление Елизаветы Петровны. Между тем, написанный Г. Фиком документ под названием „Untherthänigste Vorstellung, des Russischen Reichs-Interesse, die Milice betreffende“ – «Подданнейшее представление о войске, [служащее] к интересу российского государства» от 27 апреля 1744 г. обладает большим потенциалом для решения различных исследовательских задач<sup>239</sup>. Представление состоит из шести обширных пунктов, в которых Г. Фик предложил различные меры по улучшению российской армии – от способов подготовки генералов и военачальников, до облегчения участи крестьян, страдавших от тягот рекрутской повинности.

<sup>238</sup> ЕАА. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 35. Л. 3.

<sup>239</sup> ЕАА. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 29. Л. 1-9. Опубликовано в приложении к работе Cederberg A.R. Heinrich Fick. Beilage 9. S. 149\*-160\*.

Документ является также ценным источником при изучении военного дела и представлений об организации эффективной армии в первой половине XVIII в. Пристального внимания исследователей заслуживают и замечания Г. Фика о роли лифляндского дворянства в российской армии, восприятии крестьянами рекрутской повинности и реалиях рекрутчины, которые сам Г. Фик видел во время сибирской ссылки<sup>240</sup>.

Сохранилось также два черновых листа позднего проекта Г. Фика, озаглавленного «Замечания о нынешнем голоде в Российском государстве и предложения, как с божьей помощью и при содействии властей его остановить и уменьшить его плачевные последствия»<sup>241</sup>. Г. Фик считал голод проявлением божественной воли, однако, в то же время отмечал, что голод происходит от «плохого ведения хозяйства». Подготовка в 1740-е гг. после возвращения из ссылки Г. Фиком этого проекта, а также рассмотренного ранее документа с предложениями по улучшении армии и опубликованного Ф.Г. Сафроновым<sup>242</sup> «Всепопданнейшего предложения и известия, касающегося до якутов, тунгусов и других в северной Сибири отдаленных Российской империи покорившихся ясашных народов и особливо о великих отягощениях» свидетельствует, что Г. Фик старался вернуть не только чины и свое имение, чтобы доживать в нем свой помещичий век, но и занять прежнее положение востребованного советника и прожектера.

**Графические материалы.** В РГАДА нам удалось обнаружить план двора и дома Г. Фика на Васильевском острове, которые ранее не были известны исследователям<sup>243</sup>. Также к графическим материалам относится изображение дома из так называемой «коллекции Берхгольца»<sup>244</sup> и планы

<sup>240</sup> Cederberg A.R. Heinrich Fick. Beilage 9. S. 157\*-159\*.

<sup>241</sup> ЕАА. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 49.

<sup>242</sup> Сафронов Ф.Г. Записки Генриха Фика о якутах и тунгусах первой половины XVIII в. // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 235-250.

<sup>243</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 691. Л. 808.

<sup>244</sup> «Чертеж фасада дома тайного советника Кейзерлинга, посланника в Саксонии. Из коллекции Ф.В. Берхгольца». [Приводится по изданию: Николаева М. В. Санкт-Петербург Петра I. История дворовладений: застройка и застройщики. М., 2014. С. 136]. Обратим внимание на замечание К.В. Малиновского: «знаменитое собрание архитектурной графики с изображением зданий Санкт-Петербурга и других российских городов в собрании Национального музея г. Стокгольма, известное в литературе как «коллекция Берхгольца», как

Санкт-Петербурга, на которых он отмечен. На основе этих материалов и данных других многочисленных источников впервые удалось воссоздать историю этого дома, смены его владельцев и оценить, какое положение занимал Г. Фик в политической элите первой трети XVIII века<sup>245</sup>.

Большая часть привлеченных источников не была ранее введена в научный оборот. Расширение источниковой базы, обобщение и анализ разрозненных данных позволили существенно скорректировать и дополнить сведения о личной биографии и служебной деятельности Г. Фика, его социальных связях, материальном положении и месте в составе политической элиты первой половины XVIII века и положении иностранцев на российской службе в целом.

**Методологическая основа исследования** включает общий принцип историзма и комплексный подход. Одним из базовых в работе является метод персональной истории, в соответствии с которым биография рассматривается в историческом контексте. Л.П. Репина определяет общую установку персональной истории как реконструкцию личной жизни и неповторимых судеб отдельных исторических индивидов, при которой изучение формирования и развития их внутреннего мира рассматриваются одновременно и как главная цель исследования, и как одно из эффективных средств познания того исторического социума, в котором они жили, мыслили и действовали<sup>246</sup>. При этом подчеркивается, что индивид сформирован не только собственным уникальным опытом, но и коллективной, социально-исторической памятью, запечатленной в культуре, а биография может по праву называться исторической, только будучи помещённой в исторический контекст<sup>247</sup>.

---

показали проведенные исследования, не имеет к нему никакого отношения. Это название было введено в оборот Б.Х. Халльстромом, опубликовавшим предположение о происхождении коллекции во вступительной статье к ее каталогу». Малиновский К. В. Берхгольц Фридрих-Вильгельм // Три века Санкт-Петербурга. Т.1. Осмнадцатое столетие. Кн. 1. А-М. М.-СПб., 2003. С. 124.

<sup>245</sup> Ларина Я.И. Двор на набережной ... С. 99-111.

<sup>246</sup> Там же. С. 9. См. также Репина Л.Н. «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1999. М., 1999. С. 76-100.

<sup>247</sup> Репина Л.П. Личность и общество, или история в биографиях. С. 13-14.

В рамках этого метода особое место занимает современный концепт человека «второго плана» в истории, который ставит в центр исследования не выдающуюся историческую личность, а человека более «типичного», но все же обладающего многочисленными индивидуальными чертами и собственным образом<sup>248</sup>. Выделение и признание существования подобной группы обогащает возможности исследователя, уводит от упрощения и схематических построений. «Человек второго плана» индивидуален, конкретен и опознаваем, однако, в сравнении с фигурами «первой величины», «выдающихся личностей» он более встроен в социальный контекст и в этом смысле «типичен», поэтому его биография позволяет исследовать внутренние мотивы поведения и внешние факторы, сущность эпохи в человеческом и социальном измерении<sup>249</sup>. Подобный подход позволяет не только проследить личные мотивы поведения и персональную судьбу в ее уникальности, но и увидеть эпоху в широком социально-историческом спектре через биографический фильтр.

### **Научная новизна.**

Новизна диссертации заключается в том, что в рамках методологии персональной истории и концепта «человек второго плана» в истории впервые на основе всей совокупности выявленных сведений о личной и служебной биографии Г. Фика не только во всех доступных подробностях представлена его индивидуальная судьба, но и та социокультурная среда, в которой он находился, разнообразные социальные связи и отношения, характерные для нее, а также некоторые грани политической ситуации в России петровского и послепетровского времени.

### **Положения, выносимые на защиту:**

1. Представления о Г. Фике как о «сомнительной личности» или «авантюристе» не соответствуют действительности. До перехода на

---

<sup>248</sup> Иванеско А.Е. Биографика, «второй план» и парадоксы // Слава и забвение. Парадоксы биографики / ред. Л.П. Репина. СПб., 2014. С. 5-12.

<sup>249</sup> Там же. С. 10-11.

русскую службу он обладал высокими профессиональными качествами. При приеме иностранцев на службу Петр I тщательно оценивал их квалификацию и опыт.

2. При создании новой системы государственного управления перенос иностранных моделей не был механистическим. В России служба расценивалась как долг, а жалованье как милость, что не соответствовало предлагавшейся Г. Фиком модели регламентированного сотрудничества чиновника и власти на принципах добровольности и взаимной выгоды.

3. Иностранцы были вынуждены встраиваться в русскую политическую и социальную систему в соответствии с местными условиями. Несмотря на наличие личных патентов, фактически они жили в русском правовом поле, где определяющим фактором была воля монарха.

4. Иноземский социум, в частности, протестантская община Петербурга, формировал лишь внешние рамки общей социокультурной среды, внутри которой существовало множество связей и отношений, обусловленных различными факторами и личными интересами. Это определяло ограниченный характер их влияния на политический процесс.

5. Материалы «розыскного дела» Г. Фика не позволяют заключить однозначно, что он одобрял «кондиции» как политический акт. Однако можно сказать, что он рассчитывал при перемене формы правления на улучшение своего личного положения, поскольку рассматривал некоторых членов Верховного тайного совета как своих покровителей.

**Теоретическая и практическая значимость.** Результаты настоящей работы имеют практическое значение для расширения научного знания в следующих областях: биографические исследования персоналий первой половины XVIII века, история русской внешней разведки, изучение Северной войны, персонального состава армии Карла XII и судеб пленных шведов, установление общественных настроений и обстоятельств воцарения Анны Иоанновны, а также обновления общих и специальных учебных курсов.

**Апробация результатов исследования.** Основные положения диссертации были изложены в докладах на международных научных конференциях «Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682-1750)» (9-11 июня 2011 года, Германский исторический институт в Москве, Москва) и «Феномен реформ в Европе и России начала нового времени (XVI-XVIII века)» (15-16 марта 2012 года, Европейский университет, Санкт-Петербург). Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

**Структура исследования.** Диссертация включает введение, четыре главы, заключение, список использованной литературы и источников, приложение.

## Глава 1. Жизнь и деятельность Г. Фика до перехода на русскую службу (1678-1715)

### 1.1. Биографические сведения.

Долгое время в литературе не было единого мнения о происхождении, подданстве, месте и годе рождения Генриха Фика<sup>250</sup>. Год рождения неточно определялся исследователями по косвенным данным (с учетом информации, что в 1704 году Г. Фику было 25 лет, а скончался он в 1750 году в возрасте 71 года). О происхождении и месте рождения Г. Фика высказывалось множество предположений: Г. Гельбиг называл Г. Фика шведом «самого низкого происхождения», Ю. Эккардт указывал город Фленсбург как место рождения Г. Фика, существовала версия о происхождении его из Мекленбурга, многие авторы называли его голштинцем<sup>251</sup>. Благодаря работе Д.В. Поленова стало известно, что Г. Фик называл себя уроженцем Гамбурга, однако, документального подтверждения этих сведений исследователи долго не могли найти<sup>252</sup>.

В 1957 году Г. ф. Гофман обратился к архивам Фленсбурга и Гамбурга, чтобы прояснить, вопрос о происхождении, годе и месте рождения Г. Фика. В церковных книгах Гамбурга ему удалось обнаружить записи о крещении Г. Фика, его братьев и сестер, венчании родителей, бабушек и дедушек по материнской и отцовской линиям с указанием полных имен и точных дат. Генрих (Hinrich Claus) был крещен 3 ноября 1678 года в Гамбурге. По крайней мере три поколения его семьи проживали в районе Гамбург-Св. Георг<sup>253</sup>. Г.

---

<sup>250</sup> Г. Фик подписывался «Hinrich Fick», «H. Fick», а с конца 1720-х гг. и «Heinrich von Fick».

<sup>251</sup> Helbig, G. Ad., v. Russische Günstlinge. S. 148; Eckardt, Julius. Heinrich Fick. S. 313; Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften, Teil 1 Livland, Bd. 1, Görlitz, 1929. S. 215.

<sup>252</sup> Поленов Д.В. О присяге иноземцев ... Стлб. 1744-1745.

<sup>253</sup> Hofmann, Harry von. Heinrich v. Fick und seine Ahnen. S. 259. В настоящее время это центральный район Гамбурга. Отец Г. Фика был женат дважды. От первого брака (с матерью Г. Фика) у него было восемь детей, из которых Генрих был шестым. В 1683 году в этом браке родился последний ребенок. Судя по записи в церковной книге, в том же 1683 году отец Г. Фика женился вторично (вероятно, мать Г. Фика скончалась при родах в 1683 году).

Фик, как уроженец вольного имперского города Гамбурга, был подданным императора Священной римской империи. Он никогда не был подданным шведского короля или голштинских герцогов. Нам удалось обнаружить в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве копию дворянского диплома, выданного Г. Фику императором Карлом VI в 1717 году<sup>254</sup>. Принимая во внимание эту архивную находку и сведения, найденные Г. Гофманом, какие бы то ни было дальнейшие попытки представить Г. Фика шведом или голштинцем безосновательны.

Точных сведений об образовании Г. Фика в настоящее время обнаружить не удалось. Сам он писал в 1715 году в челобитной шведскому королю, что провел свою юность «за пером», «с пером в руках»<sup>255</sup>. В 1726 году, уже в челобитной Екатерине I он писал: «А ежели повелено будет, то и доказывать могу, что я юность свою в разных полезных науках препроводил»<sup>256</sup>.

Многие годы в литературе ничего не было известно о жене Г. Фика. Г. Гельбиг не упоминал даже ее имя, А.Р. Цедерберг отмечал, что не располагает информацией о ее происхождении<sup>257</sup>. В генеалогических справочниках указано лишь ее имя – Елена Фик (урожденная фон Крузе)<sup>258</sup>. Нам удалось обнаружить в РГАДА официальный документ о ее происхождении. Он представляет собой копию справки из Королевского государственного архива в Стокгольме. Справка была составлена на немецком языке и выдана 23 октября 1729 года. Копия, представленная в РГАДА, была заверена нотариусом в Санкт-Петербурге 20 июля 1730 года. В справке приведена генеалогическая таблица с указанием сведений о четырех поколениях семьи

<sup>254</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. II. Л. 203-208.

<sup>255</sup> “Ich habe ... meine Jugend bey der Feder passiret”. Allerunterthänigste Vorstellung abseiten des. fürsterlichen Hollstein-Gottorffischen Commissarii zu Eckernförde Hinrich Ficken (Всенижайшее представление комиссара города Эккернфёрде княжеской голштинско-готторпской службы Генриха Фика) Riksarkivet, Stockholm (Государственный архив, Стокгольм, далее – RA). Biographica F7. Далее в сносках – RA. Vorstellung.

<sup>256</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 19. Кн. 1025. Л. 1094-1094 об.

<sup>257</sup> Helbig, G. Ad., v. Russische Günstlinge. S. 149; Cederberg A.R. Heinrich Fick. S. 9.

<sup>258</sup> Fick // Deutsches Geschlechterbuch. Görlitz. 1933. Bd.79 (Baltischer Sonderband Bd. I). S. 90.

Елены Фик (урожденной фон Крузе) и засвидетельствовано, что эта «приведенная на другом листе родственная линия верна, супруга русского статского советника и вице-президента господина Генриха фон Фика благородная госпожа Елена Крузе происходит из дворянской семьи Крузе, натурализованной в Швеции и принадлежащей к роду Верхау из Мекленбурга»<sup>259</sup>. Согласно этому документу, отец Елены фон Фик, Лоренц Крузе, был лейтенантом шведской службы и погиб в начале Северной войны. В генеалогической таблице отмечен также его двоюродный брат (двоюродный дядя Елены ф. Фик) – Ганс Абрахам Крузе, знаменитый в Швеции барон и государственный деятель. Его семейная ветвь была включена в немногочисленный список шведских знатных дворянских родов под фамилией Kruuse af Verchou<sup>260</sup>. Нами обнаружена также челобитная Г. Фика 1724 года Петру I, в которой он сообщал о своей жене следующее: «Жена моя из древней швецкой шляхетной фамилии зовомой Крузен рождена, которой отец и дед яко обер афицеры в швецких воинах побиты»<sup>261</sup>. Обобщая данные обнаруженных источников, отметим, что жена Г. Фика Елена (урожденная фон Крузе) была из дворянской семьи, ее предки из Мекленбурга, обосновались в Швеции, дед и отец состояли на шведской военной службе, и проживали в Лифляндии<sup>262</sup>. Г. Фик мог познакомиться с будущей женой через ее брата, с которым служил в одном полку<sup>263</sup>. Точная дата бракосочетания Г. Фика и Е. ф. Крузе неизвестна. А.Р. Цедерберг предполагал, что они

<sup>259</sup> „daß die auf der andern Seite beschriebene Geschlecht-Linia richtig und des Kayserlichen Rußischen Estats-Rahts und Vice-Praesidenten Herrn Hinrich von Ficken Ehe-Gemahlin, die wohlgeborene Frau Helena Kruse aus der von Mecklenburg du dem Hause Verchau hergekommenen und in Schweden naturalisirten adelichen Krusenschen Familie abstammend ist, wird hiemit zur Bestärkung der Wahrheit auf Begehren bezeuget“. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. II. Л. 123-123 об.

<sup>260</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. II. Л. 123. Сведения о бароне Г.-А. Крузе содержатся в генеалогическом справочнике: Elgenstierna, Gustaf. Svenska adelns ättatavlor. Stockholm. 1928. Kruuse af Verchou. S. 315. Сведения о его предках из этого справочника совпадают с данными из справки о происхождении Елены Фик.

<sup>261</sup> Eesti Ajalooarhiiv (Эстонский исторический архив, г. Тарту – далее ЕАА). Ф. 1429. Оп. 1. Д. 10. Л. 1-1 об.

<sup>262</sup> Однако к собственно лифляндскому дворянству семья Крузе, очевидно, не принадлежала – ее не удалось найти среди имматрикулированных местных дворянских родов.

<sup>263</sup> Lewenhaupt, Adam. Karl XII:s officerare. Stockholm, 1920, I. S. 363.

поженились в первое десятилетие XVIII века<sup>264</sup>. Представляется допустимым, что они поженились в 1704 году, так как их первая дочь родилась в 1705 году, более того, в 1704 году Г. Фик получил повышение, что косвенно указывает на возможность женитьбы вскоре после этого<sup>265</sup>. Г. Фик женился на девушке из дворянской семьи, однако, сам еще не был дворянином. Всего у Г. Фика и его жены родилось десять детей, из которых до зрелого возраста дожили шесть дочерей<sup>266</sup>.

## 1.2. Служба в шведской армии (1700-1710)

А.Р. Цедерберг обнаружил в Государственном архиве в Стокгольме представление, написанное Г. Фиком 16 февраля 1715 года, и впервые сообщил содержащиеся в нем сведения о службе Г. Фика в шведской армии<sup>267</sup>. Основные вехи шведской службы Г. Фика были изложены и К. Петерсоном, также работавшим с этим источником<sup>268</sup>. Однако этот документ был процитирован обоими исследователями весьма фрагментарно, многие факты не были прокомментированы или остались за скобками их работ. Сведения о службе Г. Фика в шведской армии содержатся и в других источниках, в том числе не введенных до сих пор в научный оборот: в промемории от 30 июня 1714 года, поданной Г. Фиком в Стокгольме; в полковой документации, отложившейся в фондах Государственного военного архива в Стокгольме; в справочнике А. Левенгаупта. Комплексное изучение и анализ этих материалов в рамках данной работы существенно дополняют сведения о характере деятельности Г. Фика в шведской армии.

Прежде чем обратиться к этому сюжету, необходимо кратко охарактеризовать политическую обстановку в Северной Европе в 1710-х гг. В начале XVIII века Швеция была одной из сильнейших европейских морских

<sup>264</sup> Cederberg A.R. Heinrich Fick. S. 9.

<sup>265</sup> Lewenhaupt, Adam. Karl XII:s officerare. S. 195.

<sup>266</sup> Fick // Deutsches Geschlechterbuch. S. 90-91.

<sup>267</sup> Cederberg A.R. Heinrich Fick. S. 8-9.

<sup>268</sup> Peterson, Claes. Peter the Great's administrative and judicial reforms ... P. 72.

держав. По условиям Вестфальского мирного договора, ознаменовавшего окончание Тридцатилетней войны (1618-1648), Швеция получила земли на побережье Балтийского моря: секуляризованные епископства Бремен и Верден, город Висмар, Западную Померанию с городом Штеттином. Эти германские владения Швеции одновременно были частью Священной римской империи германской нации, что давало Швеции право участвовать в рейхстагах. Эти земли имели не только политическое, но и экономическое и стратегическое значение, позволяя Швеции контролировать устья Одера, Эльбы и Везера. Ей также принадлежали Лифляндия и Эстляндия с важнейшими портами Ригой и Ревелем, Финляндия и Ингерманландия. Таким образом, Балтийское море было фактически внутренним морем Швеции. Традиционным союзником Швеции было Гольштейн-Готторпское герцогство (в русской традиции Голштиния – Я.Л.), входившее в состав Священной римской империи. Основой их сотрудничества были общие геополитические интересы, направленные против Дании, которая стремилась вернуть земли, некогда завоеванные Швецией, а также имела давние территориальные споры с Голштинией по вопросу принадлежности Шлезвига. Основным направлением шведской внешней политики было предотвращение датской военной угрозы и сохранение союзнических отношений с Голштинией, чтобы в случае войны использовать эту территорию как плацдарм для нападения на Данию. В 1698 году связи Швеции и Голштинии были подкреплены браком голштинского герцога Фридриха IV и сестры шведского короля Карла XII Гедвиги-Софии, вскоре герцог был назначен главнокомандующим всеми шведскими войсками в Германии<sup>269</sup>. В 1700 году у пары родился сын Карл-Фридрих, который рано потерял родителей и вырос у бабушки Гедвиги-Элеоноры под Стокгольмом (его отец погиб в 1702 году, когда Карлу-Фридриху было два года, а мать умерла в 1708 году от оспы). До наступления совершеннолетия Карла-Фридриха управление герцогством временно

---

<sup>269</sup> Larsson, Olle. Stormaktens sista krig. Sverige och stora nordiska kriget 1700-1721. – Historiska Media. 2009. S. 28-30, 50.

перешло к его дяде по отцовской линии Кристиану-Августу, епископу Любека, который получил титул администратора<sup>270</sup>.

К 1700 году сложился Северный союз России, Дании и Саксонии, направленный против Швеции, а в марте с вторжения датских войск в Голштинию началась Северная война (1700-1721). Этот долговременный и масштабный военный конфликт изменил не только политическую карту Европы, но и судьбы многих людей. Гражданское население вынужденно покидало родные места. В то же время начало нового конфликта открывало карьерные перспективы на военной службе. Г. Фик, как и многие другие, с началом Северной войны поступил на шведскую военную службу в наемный полк. На выбор Г. Фика могло повлиять и то, что его родной город Гамбург с XVII века *de facto* продолжал курс на сближение со Швецией, несмотря на официально провозглашенную политику нейтралитета. Г. Фик писал в прошении Карлу XII, что «с молоком матери впитал склонность к службе» шведскому королю<sup>271</sup>.

По свидетельству Г. Фика, он впервые приехал из Германии в Стокгольм в 1699 году, а в 1700 году, когда он достиг, по его собственному выражению, совершеннолетнего возраста (21 года – Я.Л.), началась «Лифляндская война» – военные действия, ознаменовавшие начало Северной войны. Г. Фик отправился в Лифляндию и поступил там на службу в наемный пехотный лифляндский полк Магнуса Нирота<sup>272</sup>. Прибалтийские части, в том числе полк М. Нирота, были наемными войсками и комплектовались методом вербовки, что отличало их от шведских полков, сформированных на основании поземельной воинской повинности. В феврале-октябре 1700 года в остзейских провинциях прошла масштабная вербовочная кампания, предоставившая для

---

<sup>270</sup> Marklund, Andreas. Stenbock. Åra och ensamhet i Karl XII:s tid. Historiska Media, 2008. S. 251. Впоследствии Карл-Фридрих стал играть важную роль в российской внешней политике как претендент на шведский престол – король Карл XII не был женат и не имел детей, поэтому его единственными наследниками были племянник Карл-Фридрих и младшая сестра Ульрика-Элеонора. Наумов В.П. Россия и Северная Европа первой четверти XVIII века в зеркале немецких источников // Юность державы. М., 2000. С. 439.

<sup>271</sup> Krieger, Martin. Geschichte Hamburgs. C.H. Beck, 2006. S. 52; RA. Vorstellung.

<sup>272</sup> RA. Vorstellung. Полки, как правило, официально назывались по имени шефа.

формирования новых войсковых соединений около шести тысяч человек. Очевидно, Г. Фик поступил на службу именно в ходе этой кампании<sup>273</sup>. Вербованные части составляли основной контингент шведской королевской армии в Прибалтике. Наемные военные получали от государства жалованье, продовольствие, оружие и обмундирование<sup>274</sup>. Г. Фик, как и все пехотинцы прибалтийских полков, носил однобортный кафтан с отложным воротником и разрезными обшлагами на рукавах, полы кафтана подворачивались подкладкой вверх и пристёгивались за углы. На полах кафтана было два кармана, клапаны которых имели характерную для шведской армии форму. Обмундирование полка М. Нирота, в котором служил Г. Фик, состояло из синего кафтана, кожаного камзола, кожаных штанов; обшлага, ворот и фалды были желтыми, чулки и погон – синими, галстук из черного трипа, галун шляпы треуголки – серебряным, а пуговицы – оловянными<sup>275</sup>.

В 1701 году Г. Фик впервые был отправлен по делам полка в Стокгольм<sup>276</sup>. В апреле 1702 года он упомянут в полковой документации в качестве полкового писаря – *regementsskrivare*<sup>277</sup>. Полковой писарь заведовал финансовыми делами, выдавал деньги, составлял все виды отчетов, описей и других документов, вел всю полковую переписку, в том числе с представителями местной власти, с Военной коллегией в Стокгольме и другими центральными учреждениями. До поступления на службу в полк многие полковые писари служили в местных учреждениях или центральных канцеляриях в Стокгольме и были хорошо обученными администраторами. Полковой писарь был той осью, вокруг которой вращалось все административное управление полком<sup>278</sup>. Следует учитывать, что в начале

<sup>273</sup> Беспалов А.В. Основные формы и методы комплектования шведской армии 1700-1709 гг. // Северная Европа: проблемы истории. Сб. научных трудов. 2003. Вып. 4. С. 221.

<sup>274</sup> Беспалов А.В. Прибалтийские контингенты на службе шведской короны (1700-1710). (начало) // Воин. 2002. №6. С. 17.

<sup>275</sup> Беспалов А.В. Прибалтийские контингенты (начало) ... С. 19.

<sup>276</sup> RA. Vorstellung.

<sup>277</sup> Krigsarkivet, Stockholm (Государственный военный архив, Стокгольм, далее – KrA). Rullor 1723, 1702:2.

<sup>278</sup> Ericson Wolke, Lars. Svenska knektar. Indelta soldater, ryttare och båtsmän i krig och fred. – Historiska Media. 2004. S. 95, 142, 148, 208.

1700-х годов в Швеции лишь 25% городского населения умели читать и писать<sup>279</sup>. 27 февраля 1704 года Г. Фик был назначен полковым квартирмейстером<sup>280</sup>. Полковой квартирмейстер был офицером штаба полка, обычно в чине капитана. Г. Фик писал в челобитной Екатерине I, что «на дватцать четвертой год капинлеитенантской чины и ранги вступил»<sup>281</sup>. В обязанности Г. Фика как полкового квартирмейстера входил надзор за расквартированием войск, обустройством лагеря, вопросы снабжения личного состава провиантом, обмундированием, топливом, транспортом, лекарствами, водой, а лошадей – фуражом. Армии непрерывно и бесперебойно требовалось поставлять хлеб, сало, крупы, горох, вяленое мясо и рыбу; овес, сено, солому, дрова; боеприпасы и амунисию; обмундирование, включая рубашки и башмаки, все необходимое – от бумаги и чернил до палаток и повозок. В повседневной жизни армии снабжение играло самую значительную роль, в том время как собственно бои составляли лишь небольшую часть солдатской жизни<sup>282</sup>. Марши, перемещение тысяч человек из одного места в другое было сложной логистической задачей: нужно было решать проблему снабжения провиантом и размещения на квартирах, сохраняя при этом боеспособность армии. При оценке компетенций и масштаба обязанностей Г. Фика на должности полкового квартирмейстера необходимо учитывать, что лифляндские вербованные пехотные полки насчитывали около тысячи человек<sup>283</sup>. При этом солдатские дневные рационы предполагали обеспечение двенадцати человек пятнадцатилитровым котлом теплой пищи и питьем из расчета 2,5 литра на одного человека в сутки<sup>284</sup>.

<sup>279</sup> Larsson, Olle. Stormaktens sista krig. S. 168.

<sup>280</sup> Lewenhaupt, Adam. Karl XII:s officerare. S. 195.

<sup>281</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 19. Кн. 1025. Л. 1094-1094 об. Капитан-лейтенант в шведской армии был чином между капитаном и лейтенантом.

<sup>282</sup> Marklund, Andreas. Stenbock. S. 242.

<sup>283</sup> Беспалов А.В. Основные формы и методы комплектования шведской армии. С. 225.

<sup>284</sup> Larsson, Olle. Stormaktens sista krig. S. 159-161. Месячные нормы продовольствия на одного солдата и фуража на одну лошадь см.: Беспалов А.В. Походная жизнь каролинской армии начала XVIII века // Рейтар. 2014. №11. С. 73.

К весне 1706 года полк Нирота дислоцировался в крепости Пернов<sup>285</sup>, находящейся на берегу Рижского залива, в числе других воинских соединений, собранных в балтийских портах для подготовки десантной операции в районе Ретусаари (о. Котлин)<sup>286</sup>. Однако полк Нирота так и не был переброшен в район Ретусаари, а Г. Фик, таким образом, оставался в Пернове до самого окончания шведской службы, поскольку многократные неудачные попытки высадки шведских войск на Ретусаари были признаны нецелесообразными из-за больших потерь<sup>287</sup>. В Пернове у Г. Фика и его жены Елены родились трое дочерей<sup>288</sup>.

Полк Нирота не участвовал в русском походе Карла XII, однако, катастрофическое поражение под Полтавой и Переволочной стало роковым для всей шведской армии и государства в целом. Уставшее от войны и экономически обессиленное государство столкнулось с необходимостью создать новую армию взамен плененной. После 1709 года Государственный совет, который в отсутствие Карла XII в Швеции осуществлял руководство государственным аппаратом, стал посылать королю все более тревожные отчеты о тяжелом экономическом положении и неудовлетворительном состоянии финансов страны<sup>289</sup>. Эти трудности самым непосредственным образом отразились на положении всех прибалтийских контингентов, гарнизона Пернова, полка М. Нирота, Г. Фика и его семьи, поскольку вербованные войска целиком находились на содержании шведской казны. Жалованье, оружие, обмундирование и боеприпасы доставлялись в Прибалтику из Швеции. Продовольствие и фураж по твердым нормам должны были выделяться местными властями – в Эстляндии и Лифляндии этими вопросами занимались генерал-губернаторы и подчинявшиеся им

---

<sup>285</sup> (совр. гор. Пярну, Эстония).

<sup>286</sup> Ericson Wolke, Lars. Sjöslag och rysshärjningar. Kampen om Östersjön under stora nordiska kriget 1700-1721. – Norstedts, 2012. S. 116.

<sup>287</sup> Ericson Wolke, Lars. Sjöslag och rysshärjningar. S.113-116.

<sup>288</sup> Deutsches Geschlechterbuch. S. 90.

<sup>289</sup> Карлссон, Оса. Швеция после Полтавы: экономика и политика после катастрофы // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур. / - под ред. Т. Тоштендаль-Салычевой, Л. Юнсон. М., 2009. С. 333-335.

штатгальтеры<sup>290</sup>. В условиях невыплаты жалованья и нехватки средств, Г. Фику приходилось решать вопрос кредита у местных купцов. Весной 1709 г. комендант Пернова полковник Швенгельм и двенадцать офицеров перновского гарнизона выдали Г. Фику значительную сумму в 400 талеров и доверенность для решения финансовых вопросов в Риге<sup>291</sup>. Г. Фик предпринял эту поездку незадолго до начала блокады Риги русскими войсками. Осенью положение прибалтийских контингентов шведской армии существенно усложнилось. После победы под Полтавой русская армия под командованием Б.П. Шереметева выступила в Лифляндию для осады Риги. Шведы по всей провинции уничтожали и жгли провиант, а скот сгоняли в Ригу<sup>292</sup>. Осенью 1709 делегация шведских офицеров из Риги прибыла в Стокгольм с требованием усилить военную поддержку города, чтобы он мог выстоять против ожидавшегося штурма русскими войсками. Однако правительство сэкономило последние военные ресурсы и лишь незначительное количество людей и запасов было отправлено за Балтику, поскольку осенью 1709 года датчане начали наступление на юге Швеции, это направление военных действий было выбрано шведским правительством приоритетным, а балтийские провинции оставлены без должной поддержки<sup>293</sup>. Оставленные для блокады Риги семь тысяч человек под началом А. Репнина, в течение всей зимы 1709/1710 годов не допускали подвоза припасов в город и бомбардировками производили в нем частые пожары<sup>294</sup>. Рассчитывать на подкрепление, поставки продовольствия и любую другую помощь из заблокированной Риги войскам и жителям Пернова более не приходилось.

После блокады Риги в ноябре 1709 г., коменданту Пернова полковнику Швенгельму оставалось единственное решение – отправить в Стокгольм

<sup>290</sup> Беспалов А.В. Походная жизнь ... С. 72-73.

<sup>291</sup> Оригинал доверенности от 22 апреля 1709 года сохранился в составе личного архива Г. Фика. Eesti Ajaloogarhiiv (Эстонский исторический архив, г. Тарту – далее ЕАА). Ф. 1429. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-2.

<sup>292</sup> Шкваров А. Великая Северная война. М., 2015. С. 126-127.

<sup>293</sup> Ericson Wolke, Lars. Sjöslag och rysshärjningar. S. 155; Larsson, Olle. Stormaktens sista krig. S. 240-242.

<sup>294</sup> Шкваров А. Великая Северная война. С. 128.

доверенного офицера, чтобы доложить о критическом положении крепости и добиться в Оборонной комиссии и Государственном совете помощи для крепости. Для этой опасной поездки был выбран Г. Фик, который в середине декабря 1709 г. отправился в Стокгольм. Сам он так описывал эти события в челобитной Карлу XII: «После Полтавской баталии весь гарнизон Пернова посчитал необходимым отправить в Стокгольм способного офицера, чтобы хлопотать о своих нуждах. Из-за бедности в перновской рентерее не было денег на проезд, поэтому я добровольно вызвался ехать за свой счет и с великой опасностью отправился в путь сухим путем<sup>295</sup> в середине декабря 1709 года. Мое тогдашнее прилежание и тщание еще и поныне памятно многим господам королевским советникам. Пробыл я в Стокгольме пять месяцев и увидел, что из-за наступления датчан в Сконе и других больших препон можно было достать весьма мало денег и продовольствия для Лифляндии, а для освобождения Риги транспорта и вовсе никакого, а значит герцогства Эстляндское и Лифляндское окажутся в руках врага из-за свирепствовавшей чумы. К тому же, будучи в Стокгольме, получил я прискорбное известие, что дитя мое, и ныне живущее на свете, по недосмотру от оспы глазами весьма повреждено и вовсе ослепло. Уже умолчу, что должен был я ехать в Германию добиваться наследства, оставшего от покойных моих родителей и вынужден был тако просить об отставке и военную службу вовсе оставить. И хотя я в мае 1710 года оную отставку всенижайше получил, все же отправился я паки в Лифляндию, дабы должным образом доложить об исполнении возложенного на меня поручения, доставить все необходимое и получить достойные моей честной службы рекомендации»<sup>296</sup>. После

<sup>295</sup> Зимой из Ревеля в Стокгольм можно было добраться по льду Финского залива до Аландских островов, затем далее по льду Ботнического залива до Стокгольма.

<sup>296</sup> ...alß nach der Pultawischen Action die gantze Pernausche Garnison vor nöthig fandt, einen tüchtigen Officier nach Stockholm zu senden, umb alle Nothwendigkeiten zu sollicitiren, und da wegen Armuth der Pernauschen Renterey keine Reyse Gelder erfolgen könten, so habe solche Reyse medio Decembris 1709. auf eigene Kosten und mit vieler Gefahr, zu Lande, willigst auf mir genommen, und ist mein damahliger neuermüdeter Fleiß bey vieler Königl<sup>n</sup>: Rätthe Excellences annoch in frischen Andencken; Wie, aber, Allernädigster König! ich in 5. Monathen da gelegen und gesehen, daß wegen des dänischen Einfals in Schonen und anderer wichtigen Hindernüßen wenige Hülfe in Gelde und Lebens-Mitteln, und zu Entsetzung der Stadt Riga gar kein transport nach Liefland geschaffet werden könte, und also, zumahlen bey der hefftig eingedrungenen Pest, die Hertzogthümer Est- und

возвращения Г. Фика из Стокгольма комендант Швенгельм просил его снова поехать в столицу, поскольку положение крепости было критическим. Г. Фик с женой и детьми поехал в Стокгольм в июне 1710 года, чтобы вновь просить там помощи, однако, все было напрасно: «вскоре после этого пришло печальное известие о потере Риги и затем о сдаче Пернова и Ревеля, а затем и всей провинции»<sup>297</sup>. Перед отъездом из Стокгольма в Германию Г. Фик получил рекомендации к готторпскому двору от бабушки Карла XII<sup>298</sup>, графа Арвида Горна<sup>299</sup>, графа Мейерфельда<sup>300</sup> и генерала барона Спарре, и рекомендации от «всего королевского Сената» к правительствам Померании и Бремена для получения гражданской должности<sup>301</sup>.

В своем прошении 1715 года Г. Фик старался подчеркнуть при описании событий 1709-1710 гг., что покинул шведскую военную службу в такое тяжелое время вынужденно, тем не менее бедствия в Лифляндии и Эстляндии описаны им без преувеличения. Гарнизоны и жители прибалтийских провинций страдали от голода, недостатка воды, эпидемий натуральной оспы и бубонной чумы. В 1707 г. чума распространилась в Кракове, в 1708 г. – в Варшаве, Данциге и Курляндии, а в 1710 году достигла Эстляндии и Лифляндии<sup>302</sup>. В мае 1710 года эпидемия обрушилась на русскую армию Б.П. Шереметева, осадившую Ригу. Несмотря на принятые меры по изоляции

---

Liefland vors erste in feindtlichen Händen gerathen wurden, ich auch in Stockholm die unglückliche Zeitung erhielte, daß eines meiner noch lebenden Kinder durch Verwahrlosung in den Kinder-Blättern bey solcher meiner Abwesenheit, an beyden Augen blind geworden, geschweige, daß ich auch meines eigenen Zustandes halber nach Teutschland muste, umb meiner verstorbenen Eltern Nachlaß durch rechtliche Wege zu suchen, so fandt ich mich bey dergleichen durchdringenden Umständen genöthiget, umb meine Dimission zu sollicitiren und das Militair-Leben gäntzlich zu verlassen; und obzwar ich im May 1710. die untherthänigst-gesuchte Dimission erhielte, so reisete ich dennoch wieder hin nach Liefland, umb so woll der Garnison von meiner Verrichtung gebührende Relation abzustatten, alß auch beym Regimente alles richtig abzuliefern und zugleich wegen meines redlichen und Getreuen Verhaltnus ein geziemendes Attestatum erlangen. RA. Vorstellung. (Здесь и далее пер. с нем. яз. мой – Я.Л.)

<sup>297</sup> „... alleine es war alles umsonst, indem leyder kurtz darauf die betrübte Zeitung von dem Übergabe der Satdt Riga und gleich darnach von Übergabe der Stadt Pernau, Revall und des gantzen Landes erfolgte“. RA. Vorstellung.

<sup>298</sup> Гедвига Элеонора Шлезвиг-Гольштейн-Готторпская, жена шведского короля Карла X, мать короля Карла XI, бабушка и опекун Карла XII.

<sup>299</sup> Арвид Горн – шведский политический деятель, в 1710 году член Государственного совета Швеции и Оборонной комиссии. О нем см.: Wetterberg, Gunar. Arvid Horn. Från tolv till ett. – Atlantis. Malmö. 2011.

<sup>300</sup> Йохан Август Мейерфельдт – генерал, член Государственного совета, генерал-губернатор Померании. Villius, Hans. Johan August Meyerfeldt // Svenskt biografiskt lexikon // <http://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/9329>, 2016-10-03.

<sup>301</sup> RA. Vorstellung.

<sup>302</sup> Wetterberg, Gunar. Arvid Horn. S. 144-145.

больных (целые полки выводили из блокадной линии и ставили биваком в открытом поле и лесах, рота от роты на расстоянии в версту, а на всех дорогах, ведущих к Риге из Киева, Пскова, Нарвы, границ Пруссии и Курляндии, были выставлены карантинные заставы), чума свирепствовала до конца декабря 1710 года как в русской армии, так и в осажденной Риге и повсюду в Лифляндии<sup>303</sup>. В большинстве прибалтийских гарнизонов некому было обороняться – в Ревеле из 1252 человек гарнизона осталось менее 300 человек<sup>304</sup>. Беженцы, спасавшиеся от войны, голода и чумы переправлялись через Балтийское море в Стокгольм. Несмотря на карантинные меры, страшная эпидемия чумы, опустошившая в 1710 году Стокгольм, распространилась в городе с прибытием в июне больных беженцев на корабле из Пернова, в котором «зело было тесно и в хлебе недостаток, паче же поветрием жестоко были заражены»<sup>305</sup>. После взятия Риги генерал-поручик Боур выдвинулся с шестью драгунскими полками к Пернову, расположенному в 150 верстах от Риги, и взял крепость в плотное кольцо. Несмотря на то, что в Пернове было достаточно «воинских припасов», 12 августа комендант крепости полковник Швенгельм, отправлявший Г. Фика в Стокгольм за подкреплением, подписал капитуляцию «о сдаче города Пернова российскому оружию», причем из тысячи человек в гарнизоне осталось в живых к тому времени лишь 120 человек<sup>306</sup>. Благодаря своевременному решению об уходе со шведской военной службы Г. Фику удалось избежать участи своих сослуживцев, многие из которых погибли от чумы или попали в плен.

### 1.3. На голштинской службе (1711-1714)

<sup>303</sup> Шкваров А. Великая Северная война. С. 129.

<sup>304</sup> Västerbro, Magnus. Pestens År: Döden i Stockholm 1710. – Historiska media, 2016. S. 12.

<sup>305</sup> Журнал или Поденная записка, блаженные и вечнодостойные памяти Государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира. СПб., 1770. Ч. 1. С. 313; Västerbro, Magnus. Pestens År. S. 11.

<sup>306</sup> ПСЗ-1. Т. 4. №2286; Согласно справочнику Левенгаупта, полковник Швенгельм вскоре скончался от чумы: Lewenhaupt, Adam. Karl XII:s officerare. S. 616.

В 1710 году Г. Фик был отпущен со шведской военной службы и поступил на гражданскую службу в Гольштейн-Готторпском герцогстве. В 1869 году Д.В. Поленов процитировал справку Камер-коллегии, согласно которой «камер-советник Фик, уроженец вольного города Гамбурга, призван по имянному его царского величества указу из Голштинии, где находился в герцогской службе комисаром, и в городе Экенферде исправлял юстиция, экономическия и полицейския дела»<sup>307</sup>. После публикации Д.В. Поленова отечественные исследователи не обращались к вопросу о деятельности Г. Фика в Голштинии. Этот пробел был восполнен немецкими краеведами, которые изучили материалы городского и церковного архивов Эккернфёрде, однако, обнаруженные ими сведения долгое время оставались вне поля зрения отечественных специалистов.

Для оценки опыта и знаний Г. Фика, приобретенных им ко времени поступления на русскую службу, необходимо подробнее рассказать о городском управлении и положении в Эккернферде в начале XVIII века. Этот город принадлежал голштинским герцогам, в 1702 году герцог погиб, его малолетний сын и наследник Карл-Фридрих воспитывался в Стокгольме, поэтому герцогством временно управлял его дядя Христиан-Август, епископ Любека. Эккернфёрде был значительным центром судостроения в балтийском регионе, большая часть населения была занята в сфере морских перевозок. Во время Северной войны спрос на перевозки под голштинским флагом был очень высок, поскольку он оставался единственным нейтральным флагом в Северной Европе<sup>308</sup>. Городом управлял выборный городской совет, который состоял из двух бургомистров и пяти членов городского совета (как правило из купеческой среды). Они также рассматривали гражданские и уголовные дела в качестве суда первой инстанции. Деятельность городского совета были

<sup>307</sup> Поленов Д.В. О присяге иноземцев ... Стлб. 1744-1745.

<sup>308</sup> Размер местной флотилии достиг своего максимума в 1712 году и составлял 38 судов. Slevogt, Horst. Eckernförde. S. 163.

призваны контролировать выборные депутаты от горожан, однако, на практике совет не позволял депутатам вмешиваться в свои дела.

Ко времени поступления Г. Фика на голштинскую службу городская казна Эккернафферде была пуста из-за многолетних налоговых недоимок и злоупотреблений бургомистра Рениуса, управление городом фактически было парализовано – не было средств на жалование пастору, ремонт городских стен, церкви, мостов. Более того, в городе не хватало питьевой воды, из-за некачественной соли повсюду гнила, источая зловоние, солонина. В марте 1711 года бургомистр Рениус был отстранен голштинским правительством, а на его место назначен Г. Фик, которому было поручено провести проверку деятельности прежнего городского совета и санацию городских финансов. 30 марта 1711 г. Г. Фик впервые провел заседание городского совета<sup>309</sup>. Навести порядок в финансовых делах оказалось непросто: в городе не было регистра должников, многие документы отсутствовали, например, пропал вексель на две тысячи талеров.

4 августа 1711 года Г. Фик созвал специальную конференцию для решения проблемы налоговых недоимок. Должники были разделены на три категории в соответствии с причинами невыплат: не платившие из бедности; просрочившие платежи при попустительстве старого бургомистра; «злостные неплательщики», к которым можно было применить силу. Ко всем трем группам было решено применить различные способы воздействия. С конца XVII века в городе не производилось перераспределение налогов и сборов по домохозяйствам в зависимости от их дохода – этим также пришлось заниматься Г. Фику. Впервые по его предложению для определения величины налогов с судовладельцев вводился сбор на основе размера водоизмещения судов. Важно, что уплачивать их надлежало лишь после окончания сезона навигации – в День Св. Мартина (11 ноября) или на Рождество, чтобы владельцы разбившихся кораблей не платили за них лишние деньги.

---

<sup>309</sup> StAE: I Ah1. Stadtprotokoll 1706-1712. S. 19.

Особую роль в рассматриваемый период играла роль кредита, репутации как отдельных людей, так и городов как платежеспособных. При предшественнике Г. Фика купцы отказывались поставлять городу кирпич и черепицу для ремонта церкви Св. Николая. Для укрепления городского кредита и оживления торговли Г. Фик учредил в дополнение к трем ежегодным ярмаркам еще и еженедельные, а также разрешил крестьянам самим привозить на рынок мясо. С 1709 года в близлежащих с Голштинией землях свирепствовала чума. Были приняты все известные к тому времени меры по борьбе с болезнью: установлены «чумные караулы» на городских воротах, устроен карантинный дом за пределами города, проводилось инспектирование домов. Также был построен склад для хранения зерна, отремонтирована городская стена и устранены последствия наводнения. Все эти меры проводились в условиях острой нехватки денег в городской казне<sup>310</sup>.

В 1712 году к городским проблемам прибавились и тяготы военного времени. Продолжалась Северная война, после завоевания Прибалтики русскими войсками в 1710 году, театром военных действий стали северогерманские земли: шведская Померания, Мекленбургское герцогство, Шлезвиг-Гольштейн, Бремен и Верден, принадлежавшие Швеции. В 1712-1713 году в этом регионе произошло несколько крупных сражений Северной войны между датскими, саксонскими и русскими войсками с одной стороны, и шведскими войсками с другой стороны. На содержание войск требовалось огромное количества пищи, а также фураж и транспорт. При проходах армий через населенные местное население обременяли денежными контрибуциями, силой изымали скот, зерно, сено и многое другое, необходимое армии. В 1712 году датский король со свитой дважды проезжал через Эккернферде, город при этом был обязан предоставлять датчанам подводы.

В августе 1712 года шведские войска под командованием генерала Стенбока высадились на острове Рюген для проведения военной операции в

---

<sup>310</sup> Jessen, Willers. Heinrich Fick, ein Eckernförder Bürgermeister, Ratgeber Peters des Großen. S. 20; Slevogt, Horst. Eckernförde. S. 171.

Северной Германии, однако, датский флот уничтожил шведские транспортные корабли в тот момент, когда только началась их разгрузка. Большая часть зимних припасов была уничтожена огнем: палатки, сапоги, еда, медикаменты, амуниция. Также было прервано сообщение со Швецией. Это определило решение шведского командования идти в сторону Мекленбурга и Голштинии, где было достаточно продуктов питания и других припасов для 16 тысяч войска, а также лошадей. 20 декабря 1712 года состоялась битва при Гадебуше, в которой шведская армия разгромила объединенные силы датчан и саксонцев. После битвы сразу же начали распространять новость о шведской победе через почтовых курьеров и информационные листки<sup>311</sup>. Вскоре о сражении стало известно и в Эккернафёрде, Г. Фик так писал об этом: «известие о сражении при Гадебуше обрадовало меня и придало мне бодрости духа, я устроил публичный праздничный обед, чтобы досадить датчанам и их сторонникам»<sup>312</sup>. Однако вскоре положение изменилось – шведские войска были вынуждены отступить и укрыться в Тённингене – главной, новой и современной, крепости Голштинии, куда их 13 февраля 1713 года впустил комендант. Это было расценено датским королем как нарушение голштинского нейтралитета, и герцогство было оккупировано датчанами, что угрожало местному населению постоями и реквизициями<sup>313</sup>. Г. Фик постарался избавить город от разорительных проходов войск через город – 6 февраля 1713 года он с невероятным трудом достал для города охранную грамоту у командующего датскими войсками Йобста ван Шольтена, однако горожане отказались возместить ему расходы, и Г. Фик в гневе уничтожил грамоту, пригрозив сообщить об инциденте герцогу<sup>314</sup>.

---

<sup>311</sup> Marklund, Andreas. Stenbock. S. 227, 238-241.

<sup>312</sup> „...alß die Zeitung von der Gadebusischen Action mir einen neuen Muth, und zugleich die Courage gab, ein öffentliches Freudenmahl, denen Dänen und dänisch-gesinneten zum höchsten Verdruß desfalß anzustellen“. RA. Vorstellung.

<sup>313</sup> Наумов В.П. Россия и Северная Европа. С. 439-440; Slevogt, H. Eckernförde. S. 172; Marklund, Andreas. Stenbock. S. 252-258.

<sup>314</sup> Jessen, W. Hinrich Fick. S. 20; Slevogt, H. Eckernförde. S. 172.

16 мая 1713 года шведские войска, находившиеся в Тённингене, капитулировали. Шведские пленные (около девяти тысяч рядовых и одной тысячи офицеров) из Тённингена были расквартированы датчанами по Голштинии. Датский король потребовал у шведского правительства большой выкуп за пленных, однако, в Швеции не было денег на их содержание, к тому же и Госсовет, и Стенбок считали, что по условиям капитуляции обеспечивать пленных всем необходимым должны датчане. Фактически, шведские пленные были оставлены без средств к существованию. Многие из них погибли от голода за первые месяцы плена, другие сбежали или перешли на датскую службу<sup>315</sup>. В Эккернафёрде также были размещены шведские пленные. Г. Фик описывал в представлении Карлу XII, что устроил их на хороших квартирах, снабжал деньгами, обеспечивал теплой пищей и медицинской помощью, а также служил к пользе шведского короля, но каким способом – того он не мог доверить перу, но утверждал, что это памятно фельдмаршалу Стенбоку<sup>316</sup>. О том, что Г. Фик помогал шведам в Эккернафёрде известно не только с его слов. К представлению Г. Фик приложил свидетельство, подписанное шведским лейтенантом А.А. Норманом 5 июля 1713 года, согласно которому Г. Фик «оказывал драгунам полка Мардефельда во время их пребывания в плену всю возможную любовь и доброту. Он 1) постоянно устраивал их на хороших квартирах; 2) тайно склонял жителей чем-нибудь делиться с квартировавшими у них шведами и как можно лучше заботиться о них; 3) многих снабжал деньгами, чтобы они от нужды не пали духом и не пошли бы на [датскую] службу или не дезертировали; 4) на свои средства призвал в наш полк хирурга и велел приносить все необходимое из аптеки; 5) всех без исключения больных исправно снабжал теплой пищей; 6) несмотря на угрозы и действительные

<sup>315</sup> Marklund, Andreas. Stenbock. S. 260.

<sup>316</sup> „ja alß endtlich nach der Tönningenschen Capitulation Eror: Königl: May<sup>tt</sup> Trouppen ziemliche Noth litten und das Mardefeldtsche Regiment in dieser Stadt einquartieret wurde, habe ich selbiges nach meinen besten Vermögen zu conserviren gesucht, und, ungeachtet ich denen Nothleydenden Officirern, vermöge schrifftl: bewaises schon biß auf 800 Reichstaler in Vorschuß gewesen, dennoch hiezu über denen annoch für 300 Reichstaler Silber versetzt und willigt angewandt; Daß ich sonsten bey solchen Gelegenheiten vor getreue Dienste gethan, solches darff ich bey ietzigen [Leuffen] der Feder nicht vertrauen, hoffe aber festiglich, daß Ihr Excellence der Herr Feldtmarschall Steinbock Sich deßen künftig gnädig erinnern werden“. RA. Vorstellung.

преследования со стороны датского короля, продолжал тайно помогать нашим больным и еженедельно снабжал деньгами; 7) когда полк отправился на марш из города в Ютландию, выделил деньги на помощь больным и еду на 4 недели»<sup>317</sup>. Под рекомендацией лейтенанта Нормана в документе помещено свидетельство, подписанное шефом драгунского полка полковником А. Мардефельдом от 16 июля 1713 года: «Господин комиссар просит меня удостоверить вышеизложенное, исполняю его просьбу без лишних размышлений, поскольку при опросе унтер-офицеров и рядовых многие это подтверждают, а также охотно свидетельствуют, что господин комиссар оказывал им всевозможную помощь»<sup>318</sup>.

В июне 1713 г. на выкуп пленных в Гамбург из Швеции были переведены 100 тысяч риксдалеров, вскоре небольшой шведский транспортный флот прибыл в Апенраде<sup>319</sup>, чтобы начать эвакуацию шведских войск, но эта операция потерпела фиаско. Количество собранных денег уменьшилось из-за плохого обменного курса в Гамбурге, оставшейся суммы не хватило на выкуп пленных, многие из которых остались в датском плену, их обмен состоялся только после заключения мира между Данией и Швецией<sup>320</sup>. Г. Фик писал в промемории: «Когда в Апенраде прибыли шведские транспортные корабли для доставки провианта и эвакуации королевских шведских войск, и выяснилось, что кораблей недостаточно, я

<sup>317</sup> „Demnach der Hochfürst: Hollsteinisch Gottorpfische Satdt Commissarius H. Hinrich Fick zu Eckernförde, den Marderfeltschen Dragounern während der Gefangenschafft daselbst, alle ersinnliche Liebe und Güte bezeiget, in dem er (1.) ihnen durchgehends gute Quartieren angewiesen (2.) die Bürgerschaft unter der Handt ermahnet, ihren Einquartierten Schweden etwas mit zu theilen und bestmöglichst zu pflegen (3.) unterschiedliche Lezte mit baar Geldt assistiret umb zu verhüten, daß solche in der ersten Dürfftigkeit nicht kleinmüthig werden und Dienste nehmen oder desertiren sollten (4.) unsere Regiment aus eigenen Mitteln einen Chirurgum und die Nothwendigkeit aus der Apothecken angeordnet, auch (5.) denen sämptlichen Kräncken täglich ihre ordentlichen warme Speisenourniret und endlich (6.) wie desfalls von Königlicher dänischer Seithen hart gedrohet, und würcklich verfolgt worden, unsern Kräncken die Pflege dennoch heimlich continuiret, daß er wochentlich baare Gelder dazu hingegeben, und wie endlich (7.) das Regiment von hier marchiret umb nach Jüdlandt zu gehen mir zu Verpflegung und Erquickung der Krancken und Matten auf 4 Wochen zum March baar Geldt mitgegeben“. RA. Vorstellung.

<sup>318</sup> „Als der Herr Commissarius von mir begehret Obiges zu attestiren, so habe darumb destoweniger bedencken tragen ihm darinne zu willfahren, in dem, auf Nachfragen bey Unter Officier und Gemeine, ein solches nicht allein bekräftiget, sondern auch die von dem Herrn Commissario ihnen allerseits erwiesener Gut that höchstens gerühmet worden. Flensburg d. 16. July. 1713. AP Mardefelt Obrister von dem Dragoner Regiment.“ RA. Vorstellung.

<sup>319</sup> Нем. Апенраде (Apenrade), датск. Обенро (Aabenraa) – населенный пункт, в настоящее время расположен в южной части Дании.

<sup>320</sup> Marklund, Andreas. Stenbock. S. 261-262; Larsson, Olle. Stormaktens sista krig. S. 255.

тайно нанял в Любеке и других городах корабли для вывоза пленных, однако, это не удалось осуществить, потому что датчане противно капитуляции всячески старались удержать пленных шведов у себя».<sup>321</sup>

7 февраля 1714 года Фик был смещен датчанами с должности бургомистра как человек поступавший «противно интересу» датского короля, на его место вновь был назначен Рениус, чьи многолетние злоупотребления вскрылись в результате финансовой проверки, проведенной Г. Фиком в 1711 году<sup>322</sup>. Таким образом Г. Фик был лишен средств к существованию, у него было четверо детей, которых нужно было содержать<sup>323</sup>. Однако Г. Фик продолжал состоять на голштинской службе, с которой мог получить абшид только от голштинского герцога. В июне 1714 г. он отправился в Стокгольм, чтобы доложить обо всех обстоятельствах, заручиться поддержкой голштинского герцога, найти новую службу и источник дохода. Г. Фик не смог попасть в Стокгольм через Зундский пролив и Копенгаген, ему пришлось ехать на восток через Голштинию и Мекленбург, вдоль побережья Балтийского моря, затем морем в Швецию: «В конце концов я решился для улучшения своей фортуны и поиска средств к существованию отправиться в Стокгольм, и притом через Копенгаген, чтобы лично тщательно осведомиться о положении датчан, а заодно узнать у его светлости генерал-фельдмаршала Стенбока, не могу ли я ему чем-либо услужить. Через Зунд меня не пропустили, поскольку тогда приезд господина пастора Люткемана<sup>324</sup> наделал

<sup>321</sup> „Wie die schwedische Proviant- und Transportschiffe zu Apenrade angelanget, und zu Abholung der königlichen schwedischen Troupen nicht zureichlich gewesen, da habe ich unter der Hand in Lübeck und anderen Städten gleichfalls einige Schiffe zum Transport derselben eingeschaffet, so aber ohne Effect gewesen, weñ die Dähnen alles dahin disponieren, die gefangene Schweden wieder die Capitulation bey sich zu behalten.“. Promemoria. Riksarkivet (RA), Stockholm. Biographica F7. (Далее – RA. Promemoria).

<sup>322</sup> StAE: I Ah1. Stadtprotokoll 1712-1719. S. 73.

<sup>323</sup> Deutsches Geschlechterbuch. S. 87. Ff.

<sup>324</sup> Г. Фик имеет в виду следующий дипломатический скандал. Голштинский министр Герц посадил в тюрьму Теннингена своего предшественника М. Ведеркоппа. После сдачи крепости датчанам, Ведеркопп был освобожден, и весной 1714 года прибыл в Копенгаген к датскому двору. Шведы захотели использовать Ведеркоппа в своих политических интересах. В Стокгольме у Ведеркоппа был родственник – пастор немецкой общины Тимофей Люткеман. Для того, чтобы уговорить Ведеркоппа действовать в интересах Швеции, Государственный совет отправил Люткемана в Копенгаген с конфиденциальными письмами от совета и герцога Карла-Фридриха и письмом от совета Стенбоку с инструкцией о заключении перемирия между Данией и Голштинией, чтобы заложить таким образом основу для датско-шведских мирных переговоров. По указанию совета Люткеман должен был сначала обратиться к Стенбоку, и только Стенбок мог решить, когда

много шума, и я вынужден был ехать обратно через Голштинию и Штральзунд. В каком состоянии я нашел датчан и датский флот, о том я наилучшим образом доложил в Штральзунде и Карлскроне в надлежащих местах; его светлости помянутому господину фельдмаршалу я сослужил в Копенгагене верную службу, как я могу сейчас выразиться, о чем его светлость в свое время милостиво соизволят припомнить»<sup>325</sup>.

В это время обороной Штральзунда командовал генерал Дюкер, ближайший военный советник и соратник Стенбока. По прибытии в Штральзунд Г. Фик представил Дюкеру и генерал-губернатору шведской Померании Мейерфельдту рекомендательные письма от лейтенанта Нормана и полковника Мардефельда, донес о положении пленных шведов в Голштинии, о деятельности датчан, состоянии датского войска, флота и другую информацию разведывательного характера: «Об учиненном датчанами зле и поступках, противных капитуляции, я сделал в Штральзунде особое представление высокоблагородному господину генералу барону Дюкеру, а также господину обер-аудитору фон Эккарду. Не говоря о прочих малостях»<sup>326</sup>.

По прибытии в Стокгольм Г. Фик подал промеморию, составленную 30 июня 1714 года. Помимо ранее приведенных нами сведений о службе Г. Фика

---

подойдет время склонять Ведеркоппа на шведскую сторону. Однако Люткеман обратился напрямую к Ведеркоппу и передал ему привезенные письма, а тот (из страха, по принуждению или из стратегических соображений) передал их датскому королю Фредрику IV. Люткеман был немедленно арестован, а за Стенбоком ужесточен надзор. Marklund, Andreas. Stenbock. S. 291.

<sup>325</sup> „Endlich habe ich mich resolviret zu Verbesterung meiner künfftigen Fortune in Hollstein und zu Erlangung einiger Subsistence eine Reyse nach Stockholm zu thun, und zwar über Copenhagen, damit ich mich daselbst des dänischen Zustandes woll erkundigen und zugleich des General Feldtmarschalen Steinbocks Excellence vernehmen möchte, ob ich nicht in einem oder anderen dienen könnte. Über den Sund wurde ich nicht gelaßen, zumahlen da des Herrn Pastor Lütkemans Ankunfft so vielen Bruit machte, und mußte zurück über Hollstein und Stralsund gehen. Wie ich den dänischen Zustand und die Flotte gefunden, solches habe in Stralsund und Carlsrona an behörigen Örtern nach besten Wißen eröffnet; Hochgedachten Herrn Feltmarschallen Excellence aber habe in Copenhagen treuere Dienste gethan alß ich vor ietzo mich außern darf, welches indessen Seiner Excellence zu seiner Zeit sich dennoch gnädig erinnern werden“. RA. Promemoria.

<sup>326</sup> „könnte ich alles, so ich allerunterthänigst angebracht, mit authentiquen Documenten bekräftigen wann es nicht zu weitleuffig fiel, und ohne dem, theils in Stockholm, theils in Stralsund zur Gnüge bekandt wäre, die einzige Copeylichen beylage von dem Herrn Obristen Mardefelt, sub Sign: O, weßen original S' Excellence der Herr Graf Meyerfeldt und der Herr General Dücker bey meiner Durchreise nach Stockholm gelesen, kan zur Noth von dem gantzen Rest mitzeugen“. RA. Vorstellung. „Dem hochwohlgebohrenen Herrn Generalen Baron Dücker, sowoll alß dem Herrn Ober Auditeur von Eccard habe in Stralsund speciale Nachrichten wegen des dänischen Übels und wieder der Capitulation lauffenden Betragens zur Hand gegeben; anderer Petitessen zu geschweigen“. RA. Promemoria.

в шведской армии и Эккернферде, этот документ содержит его предложения по надзору в сфере морских перевозок и просьбу позволить ему осуществлять этот надзор за определенное жалование. После формальной утраты нейтралитета Голштинией и оккупации этого герцогства датчанами, как шведская, так и датская сторона обвиняли голштинцев в помощи противнику, провозе контрабанды, несмотря на то, что голштинским судам выдавались «пасы» с указанием судовладельца, пункте назначения и грузе<sup>327</sup>. На Балтийском море действовали каперы, которые захватывали суда. Несколько голштинских судов были захвачены шведами и приведены в Гетеборг. По словам Г. Фика, его предложения могли «принести пользу шведскому престолу и герцогскому дому Готторп, [а так же] нанести вред датской коммерции». : «поскольку шведскую королевскую сторону беспокоит, что датчане используют в своих целях голштинское судоходство, но тем не менее будет слишком жестоко, из-за некоторых обманщиков разрушить все голштинское судоходство и смешать виновных с невиновными; таким образом, я вызываюсь верно следить за голштинским судоходством, чтобы ни один датчанин впредь не смог извлечь из него выгоду; в таком случае мне необходимо не в пример дать с собой любое количество печатных охранных грамот или пасов; и повелеть шведским арматорам захватывать голштинцев, у которых таких охранных писем не окажется»<sup>328</sup>.

Г. Фик просил назначить его ответственным за выдачу особых пасов-разрешений на совершение морских перевозок каждым голштинским кораблем. Он предлагал принести особую письменную клятву верно служить и честно поступать в этом деле и лично узнать все о кораблях во всех герцогских городах. Он обещал, что ни один человек не получит пас из его рук, пока не покажет письменное доказательство того, что он подданный герцога. Также он выразил готовность нести всю ответственность, если пасы

---

<sup>327</sup> Прокопенко Я.И. «Политический инженер» Генрих фон Фик ... С. 333; Slevogt, H. Eckernförde. S. 163-164.

<sup>328</sup> RA. Promemoria.

будут найдены в ненадлежащем месте. Для контроля за использованием пасов он предполагал вести регистр с указанием, когда и как они были использованы и следить, чтобы каждый шкипер по возвращении отдавал ему выданные пасы, так чтобы Г. Фик мог отчитаться за каждый экземпляр. За свои труды Г. Фик просил вознаграждение от 4 до 6 штюверов за ласт<sup>329</sup> «по препорции» корабля и в зависимости от поездки. До вынесения окончательного решения он просил выдать ему 15-20 таких пасов, чтобы он мог раздать их честным людям, которых он знал как истинных подданных голштинского герцога, и которые показали особую доброту к пленным шведам, чтобы эти моряки могли предстоящей осенью 1714 года до окончания навигации без опасения отправиться во Францию и иные отдаленные места. Эта поездка прошла благополучно, в 1715 году Г. Фик писал в прошении шведскому королю: «в Стокгольме у меня появилась возможность добиться у Ее королевского высочества и королевского Сената возвращения несправедливо конфискованных голштинских кораблей, приведенных в Гетеборг»<sup>330</sup>. Однако получить под свой надзор голштинское судоходство Г. Фик, очевидно, не смог: «Его светлость герцог Карл-Фридрих всемилостивейше пообещали предоставить мне в будущем подобающую должность, чтобы я со своей семьей мог достойно жить»<sup>331</sup>.

Примечательно, что в доказательство своих верноподданныхческих устремлений и ценных служебных качеств Г. Фик предлагал выполнить на обратном пути из Стокгольма в Голштинию специальное разведывательное задание: «я буду даже и до гроба тщание иметь со всем прилежанием

---

<sup>329</sup> Штювер (стювер, штюбер) – мелкая монета, чеканившаяся в государствах Священной римской империи до начала XIX века, составляла ок. 1/60 рейхсталера: Штюбер // Словарь нумизмата /-пер. с нем. Х. Фенглер, Г. Гироу, В. Унгер/ - М., 1993; Ласт – старая мера зерновой грузоместимости судов, применявшаяся до конца XIX века. 1 ласт соответствовал 120 пудам (около двух тонн) зернового хлеба: Морской энциклопедический справочник в 2 тт. / под. ред. акад. Н.Н. Исанина. Т. 1 (А-Н). Л., 1986. С. 381.

<sup>330</sup> „aß ich in Stockholm Gelegenheit hatte, mich einiger zu Gottenburg aufgebrachten, und zur Ungebühr confisquirten fürstlichen Hollsteinischen Schiffe anzunehmen, und dehren Restitution bey Ihre Königlichen Hoheit und dem Königlichen Senat unterthänigst zu bewircken“. RA. Vorstellung.

<sup>331</sup> „...ich auch von Höchstgedachten Hertzogs Carl Friedrichs Durchlaucht die gnädigste Zusage erhalten, künftig dargestellt employret zu werden, daß ich dabey mit denen Meinigen ehrlich auskommen könne“. RA. Vorstellung.

защищать шведские интересы; в доказательство сего я всеподданнейше вызываюсь на возвратном пути передать его светлости господину фельдмаршалу графу Стенбоку все, что ныне или в будущем письменно или словесно ему тайно доставить надлежит, а также я через особые средства и пути готов еженедельно сообщать высокоблагородному выше помянутому господину генералу барону Дюкеру все возможные ведомости о состоянии и движении датчан на море и на суше, чтобы он сам мог предпринимать необходимые меры, а также сообщать обо все в надлежащие места; однако я вынужден при сем всеподданнейше просить все это держать в тайне, чтобы мне от датчан никакого несчастья не приключилось»<sup>332</sup>.

По свидетельству Г. Фика, в ноябре 1714 года после возвращения из Стокгольма Г. Фик был арестован датчанами в своем доме в Эккернафере, а затем по указу из Копенгагена под крепким караулом доставлен в крепость Рендсбург. В крепостной тюрьме он провел восемь недель. Ему вменялось в вину, что он без разрешения ездил в Стокгольм, был в Копенгагене и разговаривал со Стенбоком, а также обвинил в шпионаже датского почтмейстера в Стокгольме: «Как ни опасны были эти обвинения, мне удалось с Божьей помощью, да и под хороший залог, выйти на свободу и добиться того, чтобы это дело рассматривалось в таком суде, где я могу надеяться на хороший исход в течение двух месяцев; Удручает меня лишь то, что я вынужден оставаться здесь до решения этого дела и не могу ничего предпринять против интересу датского короля и его союзников»<sup>333</sup>. Г. Фику пришлось истратить

---

<sup>332</sup> „...werde ich auch lebenslang mich ferner befließen, nach äußersten Vermögen des Schwedische Interesse zu befördern; Und umb davon zugleich sofort unterthänigste Proben zu geben, so erbiere mich nicht alleine bey meiner Zurückreyse an des Herrn Feltmarschallen Grafen Steinbocks Excellence treulich zu bestellen, was man etwas schriftlich oder mündtlich nach Copenhagen nun oder künfftig an denselben insgeheim gelangen laßen wollte, sondern ich will auch durch gewisse Mittell und Wege hochwollobgedachten Herrn Generalen Baron Dücker wochentlich alle mögliche Nachrichten melden, von der dänischen Verfaßung und Bewegung zu Waßer und Lande umb sowoll selbstn die nötigen Messures darnach nehmen, alß auch ferner behörigen Ortes davon part geben zu können; Doch muste ich hiebey unterthänigst bitten, ein solches hieselbstn dergestalt geheim zu halten, daß es mich bey den Dänen nicht in Unglück bringen könnte“. RA. Promemoria.

<sup>333</sup> „...ich bey meiner Heimkunft im jungsten Novembar Monath sofort in meinem Hause arretiret und endlich nach eingeholter Ordre von Copenhagen unter einer starcken Escorte, nach der Vestung Rendsburg geschleppt, und also 8 Wochen unter strenger Wache gefänglich gehalten wurde, und zwar desfalß, weile ich (1) alß ein sehr verdächtiger Schwede ohne Permission nach Stockholm gereyset, (2) worher in Copenhagen gewesen und fleissig mit S<sup>r</sup> Excell. Den Herrn Grafen Steinbock conversiret, und (3) in Stockholm einen dänischen Postmeister vor einen

почти все полученное наследство, а также продать своих лошадей, повозку и мебель: в крепостной тюрьме Рендсбурга сидели также шведские офицеры и несколько рядовых, совершенно без средств, которым Г. Фик помог по мере своих возможностей.

В ноябре 1714 года Карл XII прибыл из Турции в Штральзунд, впервые вступив в свои владения после многолетнего отсутствия. Однако он не отправился в Стокгольм для решения насущных проблем, как этого ожидали в Государственном совете. В конце 1714 – начале 1715 годов экономическое и военное положение Швеции было тяжелым: казна пустовала, были потеряны Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Ингерманландия, шведские владения в Германии были заняты датскими, русскими и саксонскими войсками, противостоявшая им в регионе шведская армия под командованием фельдмаршала Магнуса Стенбока была разбита, а сам он находился в датском плену в Копенгагене. Союзное Швеции Гольштейн-Готторпское герцогство (Голштиния) было оккупировано датчанами, враждебно относившимися к местному населению. Г. Фик был смещен датчанами с должности бургомистра Эккернферде и не мог рассчитывать на улучшение своего положения – ни голштинский герцог Карл-Фридрих, живший в Стокгольме, ни его дядя администратор герцогства, укрывшийся в Гамбурге, не могли контролировать ситуацию в Голштинии. Эти обстоятельства создали предпосылки для поступления Г. Фика на русскую службу.

Представление о Г. Фике как «сомнительной личности»<sup>334</sup>, а его ранней биографии как об «извилистой и плохо просматриваемой жизненной дороге»<sup>335</sup> сложилось в отечественной историографии из-за недостатка сведений о нем. Между тем, немецкие историки, работавшие с источниками

---

Espion angegeben etc: So gefährlich diese beschuldigungen auch außgesehen, so habe mich dennoch durch Gottes Hülffe, wiewoll gegen einer wichtigen Caution, die Freyheit wieder geschaffet, und es dahin gebracht daß solche Sache bey einen solchen Gerichte soll außgemacht werden, woselbsten ich binnen 2<sup>en</sup> Monathen einen Guten Außschlag zu hoffen habe; Nur schmerztet mich dieses hefftig, daß ich solchergestalt gezwungen bin, biß zu Außtrag solcher sache zur stelle zu bleiben, auch nichts wieder des königl: dänische und Ihro Aliirten interesse zu tentiren". RA. Biographica F7: Allerunterthänigste Vorstellung (16.02.1715).

<sup>334</sup> Берендтс Э.Н. Барон А.Х. фон Люберас. С. 4.

<sup>335</sup> Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. С. 112.

этого периода (например, с протоколами заседаний городского совета Эккернферде) положительно оценивали его опыт и деятельность<sup>336</sup>. В настоящей работе на основе различных источников, многие из которых впервые были введены в научный оборот, удалось существенно дополнить биографические сведения о Г. Фике и его семье, проследить служебный путь Г. Фика до его поступления на службу в Россию.

Во время службы в шведской армии в качестве офицера Г. Фик занимал ответственные должности полкового писаря и полкового квартирмейстера. Он неоднократно бывал в Стокгольме по заданию начальства – обращался в Государственный совет, Оборонную комиссию, Штатс-контору и другие государственные учреждения. Сообразно характеру своих должностных обязанностей, Г. Фик знал, как работают государственные учреждения, кто в них служит, к кому обратиться за рекомендацией или для решения насущных вопросов. Он был знаком со многими шведскими офицерами, чиновниками различных рангов, представлен влиятельным лицам Швеции. Г. Фик обладал навыками управления сложными системными процессами, получив их на должности полкового квартирмейстера, ответственного за снабжение более чем тысячи человек. Всестороннее знание государственного аппарата Швеции, многочисленные социальные связи и опыт администрирования были впоследствии использованы Г. Фиком во время службы в России. Представляется правомерным говорить и о применении в России его опыта, приобретенного на посту бургомистра Эккернферде, в частности, во время последующей работы над судебной реформой и созданием регламента Главного магистрата. Обращение к периоду, предшествовавшему поступлению Г. Фика на российскую службу, не только существенно дополняет биографические сведения о нем, но и позволяет пролить свет на внутреннюю механику кадровой политики Петра I при выборе иностранных советников<sup>337</sup>.

---

<sup>336</sup> Jessen, W. Hinrich Fick. S. 20; Slevogt, H. Eckernförde. S. 171.

<sup>337</sup> Прокопенко Я.И. «Политический инженер» Генрих фон Фик ... С. 337.

## Глава 2. Служебная биография Г. Фика в России (1715-1750)

### 2.1. Разведывательная деятельность Г. Фика

Появление Г. Фика в России связано с реформой центрального управления, задуманной Петром I. Царь планировал создать в России административно-судебную систему на основе популярной теории западноевропейских философов-рационалистов Гуго Гроция, Самуэля Пуфендорфа, Готфрида Вильгельма Лейбница и Людвига Секендорфа о «регулярном государстве». Согласно этой теории, отлаженная государственная машина должна была обеспечить движение к общему благу с помощью последовательного исполнения «разумных» законов<sup>338</sup>. Политико-правовые взгляды Петра I, в соответствии с которыми он проводил в жизнь задуманные реформы, подробно освещены в историографии<sup>339</sup>. При построении новой государственной системы Петр I решил обратиться к опыту Швеции, поэтому потребовались подробные сведения об экономике и политическом устройстве этой страны. В конце XVII - начале XVIII века попытки сбора информации были непоследовательными, добытые сведения – единичными, создать на их основе *структурированный* государственный аппарат не удалось<sup>340</sup>. Петр I не отказывался от реформы и искал новые информационные каналы. Для быстрого и эффективного сбора необходимых сведений было решено отправить агента в Швецию. Для этой цели был выбран Г. Фик.

---

<sup>338</sup> Анисимов Е.В. Государственные преобразования ... С. 99; Анисимов Е.В. Пётр Великий. Личность и реформы. М., 2009. С. 208-210.

<sup>339</sup> Прокопенко Я.И. «Политический инженер» Генрих фон Фик ... С. 323; Серов Д.О. Судебная реформа Петра I. С. 144-146. Подробный обзор литературы по данному вопросу см.: Там же. С. 144. Сн. 1; С. 145. Сн. 1.

<sup>340</sup> Анисимов Е.В. Государственные преобразования ... С. 101-103, 107-110.

В историографии с XIX века считалось, что Г. Фик попал на русскую службу по рекомендации голштинского дипломата Г.-Ф. Бассевича. Эта версия основана на письме А. Вейде Петру I от 13 ноября 1715 года: «[Бассевич] к тому делу ведает голстинца, который был у владетельного князя тайным секретарем, зело способнаго человека; о свейских коллегиях и правах весьма искусен, и чае в службу поидет»<sup>341</sup>. П.П. Пекарский отождествлял «голстинца» с Г. Фиком. Это представление перешло и в другие работы<sup>342</sup>. В 1945 году Н.А. Воскресенский опубликовал документы, среди которых было письмо Якова Брюса Кабинет-секретарю А.В. Макарову от 3 декабря 1714 года: «Надлежит от лица Его царского величества отписать в Ригу к господину губернатору князю Голицыну о пропуске иноземца Генриха Фика сюды в С. Питербурх или в Ревель. Егда он тамо явитца, чтобы ево, не задержав, пропустили. И я вашей милости прошу, дабы изволили о том Его величеству доложить и оное для подтверждения туда послать»<sup>343</sup>. К. Петерсон обратил внимание на этот документ и показал, что контакт между Г. Фиком и царским правительством был установлен за год до рекомендации Бассевичем «голстинца»<sup>344</sup>. Е.В. Анисимов предполагает, что Г. Фик был нанят Я. Брюсом<sup>345</sup>. Нам представляется важным указать на не упоминавшийся ранее в историографии значимый факт – сестра Г. Фика была замужем за Иоганном Остервальдом, который в 1714-1718 годах служил секретарем у русского резидента в Гамбурге фон Бёттигера<sup>346</sup>. Г. Фик мог быть нанят на русскую службу через Остервальда и фон Бёттигера. Интересно, что сам Остервальд стал в 1718 году по рекомендации Г. Фика секретарем российской Ревизион-

<sup>341</sup> Пекарский П.П. История императорской Академии наук. С. 201. Сн.1.

<sup>342</sup> См. например: Павлов-Сильванский Н.П. Фик. С.73-75; Cederberg A.R. Heinrich Fick. S. 11; Jessen, Willers. Heinrich Fick. S. 2; Spieler, Silke. Heinrich von Fick. S. 86-87; Водарский Я. Е. Генрих Фик и его участие в реформах Петра Великого. С. 5.

<sup>343</sup> Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. С. 42.

<sup>344</sup> Peterson C. Peter the Great's administrative and judicial reforms ... P. 73.

<sup>345</sup> Анисимов Е.В. Государственные преобразования ... С. 112.

<sup>346</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 31. Л. 534; Поленов Д.В. О присяге иноземцев ... Стлб. 1749; Fick // Deutsches Geschlechterbuch. Görlitz. 1933. Bd.79 (Baltischer Sonderband Bd. I). S. 91; Hofmann H. v. Heinrich v. Fick und seine Ahnen. S. 258; №11.

коллегии и на протяжении всей жизни оставался доверенным лицом Г. Фика<sup>347</sup>.

Обстоятельства установления контакта с Г. Фиком не ясны и заслуживают дальнейшего изучения, однако, выбор Г. Фика для отправки в Швецию не был случайным. В первой главе настоящей работы рассмотрены его навыки и опыт. Он знал многих людей в Германии и Швеции, географию и транспортные пути региона, устройство шведских государственных учреждений, имел опыт разведывательной деятельности во время Северной войны и прочную репутацию сторонника шведской власти. Пользуясь специальными терминами, можно говорить об успешно проведенной вербовке Г. Фика российскими властями. Ее осуществлению способствовало отсутствие карьерных перспектив для Г. Фика в условиях Северной войны и обещание высокого вознаграждения и поста в России.

Еще современникам Г. Фика было известно, что он по заданию Петра I тайно собирал в Швеции сведения об устройстве государственного аппарата этой страны. Ф.-В. Берхгольц писал в 1721 году в своем дневнике о Г. Фике: «во время войны он находился в Швеции в качестве тайного полушпиона и оказал царю важные услуги, устроив почти все коллегии по шведскому образцу»<sup>348</sup>. В историографии разведывательная деятельность Г. Фика не получила подробного освещения. В работах по истории российской разведки были рассмотрены способы получения информации через тайных агентов при Петре I, но основное внимание было уделено деятельности царских послов – П.А. Толстого в Турции, А.А. Матвеева в Голландии, А.П. Волынского в Персии. Упоминают также Савву Владиславича-Рагузинского и Флорио Бенедини, выполнявших тайные поручения Петра I в Венеции и Средней

---

<sup>347</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 31. Л. 534 об. См.: Прокопенко Я.И. Генрих Фик и процесс интернационализации ... С. 165.

<sup>348</sup> Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. (1721-1722) // Неистовый реформатор. История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII-XX вв. М., 2000. С. 223.

Азии<sup>349</sup>. Разведывательно-дипломатическая деятельность сотрудников царя в Швеции во время Северной войны традиционно связывается с именами Иоганна Рейнгольда фон Паткуля, русского посла в Стокгольме князя А.Я. Хилкова и его секретаря А.И. Манкиева<sup>350</sup>. Т.А. Соболева ввела в научный оборот документы о деятельности русского резидента в Константинополе И.И. Неплюева. Он создал разветвленную агентурную сеть в России и за границей. Однако эти материалы освещают в основном тайную сторону турецкого вопроса внешней политики России в 1730-е годы<sup>351</sup>. Разведывательная деятельность Г. Фика в Швеции затронута в статье А.А. Рогожина, посвященной деятельности различных агентов российского правительства в этой стране в 1719-1721 годах<sup>352</sup>. Также этот аспект деятельности Г. Фика рассматривали исследователи реформ Петра I, но лишь как подготовительный этап реформы государственного управления. Исследование затрудняет и малочисленность источников, поскольку характер разведывательной деятельности не ориентирован на создание и хранение подробной документации.

А.Р. Цедерберг постарался оценить, в каком качестве Г. Фик находился в Швеции и каким образом добывал сведения. Он первым обратил внимание на челобитную Г. Фика Карлу XII, подписанную им 16 февраля 1715 года. В ней Г. Фик просил принять его на службу в одну из шведских коллегий<sup>353</sup>. По мнению Цедерберга, Г. Фик прибыл в Швецию с этой челобитной под предлогом поиска службы, и его воспринимали в шведских учреждениях как «своего» и могли давать просматривать или даже переписывать важные

---

<sup>349</sup> Гракуль В. С. Тайны галантного века: Шпионаж при Петре I и Екатерине II. М., 2016; Мацуленко С. Разведка Петра // Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век. М., 1999. С. 27-40; История российской внешней разведки: Очерки в 6 т. М., 2014. Т. 1. От древнейших времен до 1917 года. С. 57-93.

<sup>350</sup> Гракуль В. С. Тайны галантного века. М., 2016. С. 68-98; История российской внешней разведки: Очерки в 6 т. М., 2014. Т. 1. От древнейших времен до 1917 года. С. 78-88; Шебалдина Г. В. Заложники Петра I и Карла XII. Повседневный быт плененных во время Северной войны. М., 2014. С. 113-130.

<sup>351</sup> Соболева Т.А. История шифровального дела в России. М., 2002. С. 97-102.

<sup>352</sup> Рогожин А.А. Тайные агенты русского правительства в Швеции в 1719-1721 годах // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции. 18-20 мая 2016 года. Ч. IV. / Науч. ред. С.В. Ефимов. СПб., 2016. С. 405-416.

<sup>353</sup> RA. Biographica F7: Allerunterthänigste Vorstellung (16.02.1715).

документы, поскольку якобы «никто не имел ничего против того, что голштинский чиновник, некогда служивший в шведской армии и претендующий на должность в коллегии, собирает регламенты и указы, касающиеся шведской системы государственного управления»<sup>354</sup>. В то же время Цедерберг задается вопросом: каким образом Г. Фику удалось скопировать внешнеполитические документы, несомненно составлявшие в то время государственную тайну? По его мнению, Г. Фик «пользовался полнейшим доверием как голштинский офицер (так в тексте – Я.Л.), который так долго находился в Швеции и хорошо знал шведские порядки»<sup>355</sup>. Эта точка зрения закрепились в историографии, однако, представляется весьма упрощенной. Она обусловлена отсутствием данных о методах разведывательной деятельности Г. Фика в Швеции. Этот аспект его службы попал в «историографическую яму» – он не был разработан ни историками разведки, ни специалистами по петровским реформам. Даже в новейших работах по-прежнему встречаются необоснованные и неаккуратные оценки разведывательной деятельности Г. Фика, например, Г.В. Шебалдина пишет, что он «тщательно *собирал бумаги из мусорных корзин*» в Швеции<sup>356</sup>.

Предположение Цедерберга, что Г. Фик находился в Швеции под предлогом поиска службы представляется допустимым. Письмо Я. Брюса А.В. Макарову от 3 декабря 1714 года свидетельствует о сотрудничестве Г. Фика с российской стороной к моменту написания челобитной Карлу XII. Однако подчеркнем, что необходимо четко разделять *легенду* Г. Фика, то есть прикрытие, которое обосновывало естественность его приезда в Швецию, и его *деятельность по сбору информации*. Легенда ни в коей мере не подразумевает, что Г. Фику беспрепятственно позволяли делать копии с важнейших документов – многие из них хранились в шведском Королевском архиве, который считался весьма закрытым, и доступ к его материалам имели

<sup>354</sup> Cederberg A.R. Heinrich Fick. S. 11, 13-15.

<sup>355</sup> Cederberg A.R. Heinrich Fick. S. 19.

<sup>356</sup> Шебалдина Г. В. Заложники Петра I и Карла XII. С. 144.

лишь правительственные чиновники<sup>357</sup>. Швеция находилась в состоянии войны, Карл XII сурово наказывал людей, уличенных в помощи русским военнопленным, в связях с противниками Швеции и тем более в шпионаже. В 1707 году Карл XII приказал четвертовать за измену И.-Р. фон Паткуля, его арест и казнь были громким делом, и устроили многих в Европе.

Перед отъездом в Швецию Г. Фик побывал в Санкт-Петербурге под вымышленной фамилией фон Оттерштеде. Он получил от царя инструкции, деньги, документы для проезда. Также Петр I подписал 13 декабря 1715 года своеобразный договор, в котором были закреплены условия сотрудничества с Г. Фиком: «Понеже судебной комисарий Гендрик Фик в нашей службе путь в Германию и иные места на себя принял, того ради мы оному супротив того сие милостивейшее обнадеживание даем; первое, что он на 1716 год за его проезд и труды жалования тысячу червонных золотых по своем возвращении тотчас получить имеет, второе, что он тогда також де в действительные наши камерраты 3 годовым жалованьем в восемьсот червонных золотых пожалован будет, и онои чин и жалованье от 2 генваря 1717 [года] начатися имеет, третье, когда мы в здешней нашей столице в Санктпитебурге мещанство или бургерство и городовои магистрат всемилостивеише впредь учредим, тогда он сверх помянутого чина во оном городе первым бургемеистром будет»<sup>358</sup>. В тот же день Г. Фик получил от царя письмо к российскому послу в Дании В.Л. Долгорукому: «Понеже сей доносител писма послан от нас в Швецию для аншталта экономии оногo государства, и о чем будет вспоможения от вас требоват, а именно, пасы от датского двора и протчее для проезду и возвращения своего, то ему учинить. И держите сие тайно. Также кого он наймет и будет у вас оным человеком пасы требоват для проезду сюды, и ты оным давай пасы»<sup>359</sup>. 16 декабря 1715 года Г. Фик получил для предстоящей поездки в Швецию деньги в Кабинете от А.В. Макарова, о чем свидетельствует

<sup>357</sup> Прокопенко Я.И. «Политический инженер» Генрих фон Фик. С. 335; Карапетянц И.В. Архивы Швеции. М., 2009. С. 40, 48, 50.

<sup>358</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 26. Л. 301-301 об.

<sup>359</sup> Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. №29, С. 46.

сохранившаяся в расходной книге запись: «По приказу господина вице-адмирала выдано иноземцу Гендриху фон Оттерштеде для некоторой посылки в Германию тысяча четыреста червонных». Под этой записью Г. Фик собственноручно написал на немецком языке расписку в получении денег: «Выше означенные четырнадцать сотен червонных специев верно получил, чтобы одну половину употребить на предполагаемую поездку, другую половину – на необходимые нужды. Сим удостоверяю, Санкт Петербург, 16 декабря 1715 года, Генрих Фик фон Оттерштеде. От господина тайного Кабинет-секретаря Макарова получил 1400 червонных»<sup>360</sup>. Г. Фик беспокоился о сохранении секретности вокруг своего пребывания в Швеции. В 1717 году, уже после возвращения из Швеции, он писал: «Прошлаго году Его царское величество по моему прошению старого пастора с четырьмя мужиками всемилостивейше отпустить повелел, и я его светлость князя Меншикова тогда просил онаго пастора повелеть *удержать до моего возвращения домой, дабы он в Швеции мне никакого предосуждения не делал*»<sup>361</sup>. Г. Фик отправился в Швецию через Копенгаген, этот путь был ему хорошо знаком со времен шведской и голштинской службы.

С достаточной степенью уверенности можно предположить, что в Швеции Г. Фик использовал методы разведывательной работы, которые он изложил в «Подданнейшем и не в пример данном представлении, по которому можно надеяться, что его царское величество в каждом месяцы по дважды или по трижды известие получить может о швецком войске на водяном и на сухом путях, о консилиях сенацких и о их намерениях и тайных негоциациях при дургих дворах, о состоянии армии, о склонности черни, о податях и о состоянии государственной казны и о прочих делах»<sup>362</sup>. Г. Фик отправил этот

---

<sup>360</sup> „Obige vierzehnen Ducaten species habe ich richtig empfangen umb die Helffte zu der angenommenen Reyse, und die andere Helffte zu den verlangten Sachen zu employren; So hiemit bescheinige St. Petersburg d. 16 Decemb. 1715. Hinrich Fick von Otterstede. Sage 1400 Ducaten von H. Gh. Cab. Secret. Makarow empfung“. (перевод с нем. яз. мой – Я.Л.) РГАДА. Ф. 396. Кн. 1081. Л. 16. На этот документ нам любезно указала Т.А. Лаптева.

<sup>361</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 31. Л. 473 об.

<sup>362</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 42. Лл. 520-523 об.

документ Кабинет-секретарю А.В. Макарову в 1719 году. В нем обозначены основные качества, которыми должен обладать российский агент, отправленный в Швецию с разведывательными целями, способы пересылки корреспонденции, получения секретных сведений и вербовки местных чиновников, инструкции о том, как «выведывать тайности» и «протчие хитрые штуки».

Г. Фик называл три основных условия успешной работы. 1) Агент, «исправный человек», должен был владеть шведским языком: «онои имеет швецкому языку искусен быть и о тамошнем состоянии известие иметь... А швецкой язык надлежит ему вовсе знать, или ежели природного шведа к тому приобрести, для того, что инакож не может дерзновение иметь, для таких разговоров до канцелярных служителей коснуться»; 2) быть человеком определенного склада, понимающим, где возможен прямой подкуп, а где требуются другие методы: «надлежит же чтоб имел он надлежащую исправность к деликатному такому делу ...надлежащую исправность иметь ему для того, дабы он знал, как в надлежащем месте через прямые дороги действовать»; 3) иметь деньги для подкупа информаторов: «чтоб было у него довольно денег»<sup>363</sup>.

Г. Фик предложил следующие методы сбора и передачи секретной информации. *Получать информацию* можно от подкупленных чиновников: «таких людей к своему намерению склонять, которые либо сребролюбцы суть, и канцеляристами при тайной канцелярии и секретарями у министров служат, а наипаче которые сами у себя зажитку и богатства не имеют и для того тайную прибыль и авантаж исполнения своего пристрастия примут». *Передавать информацию* через корреспондентов в разных городах: «При том надлежит такому человеку верного корешпондента а Амстердаме, в Любеке, во Гданьске и в Кенихсберхе означить; к которому он мог свои репорты при всех случаях на кораблях послать; во все лета отправлять ему свои письма в те города

---

<sup>363</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 42. Л. 522.

которые обретаются при Варяжском море, а зимою чрез Готенбурх в Амстердам, а ежели в вышеписанных 4х городех какого жителя к сему делу за некоторую годовую заплату обрести невозможно, то надлежит в каждое место средняго человека определить»<sup>364</sup>. Для безопасности и соблюдения секретности *корреспонденцию* следовало особым образом запечатывать и *шифровать*: «чюжими именами репорты свои чинить, дабы ево никогда открыть не можно, хотя б когда и все писма сматривать стали; и тако можно на пример в Швецию кузнецом ли часовником, Галандию аптек и прочих подобно именовать; Стокгольм можно писать городом Неркепингом, Карлскрону Карлсгамном, и Готен Гелсингбургом, корабли и фрегаты можно по разнеству их рангу и артиллерии, винными бочками разных рук и величины описаны быть... Трактаты между Швецией и другими областями могли бы а имянно как мировые писма мастером имярек и мастером имярек представлены быть; и можно все такие переменные имена вдвое выдумать дабы он как наипристойнейше мог оныя употреблять»<sup>365</sup>. Для *свободного и быстрого перемещения* требовались незаполненные бланки документов: «Ежели во Швеции какое важнейшее дело случитца, то ему отправить какого верного человека, а имянно во онои город куды прежде всех карабль поидет, и в тех местах можно держать на немецкие пропуски несколько в запасе бланкетов [неписанных листов за которого господина подписанием руки и печатью]»<sup>366</sup>. Также Г. Фик обещал предоставить в дальнейшем инструкции, как агенту «в Стокгольме жить и поступать», как «всякие выведывать тайности, которые многократно либо за денги никто не объявляет, или невозможно человека к тому прямого обрести»<sup>367</sup>.

За год пребывания в Швеции Г. Фик собрал более тысячи документов и тайно вывез их в Германию. А. Вейде писал об этом Петру I 13 декабря 1716 года: «... человек, которой был отправлен из Санкт Питербурха не точию

---

<sup>364</sup> Там же. Л. 523.

<sup>365</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 42. Л. 522 об.-523.

<sup>366</sup> Там же. Л. 523.

<sup>367</sup> Там же. Л. 523 об.

возвратился из Стокголма счастливо, но с собою все, что к коллегиям надобно, всякие порядки вывез тож и иные многие годнеишие вещи о зело полезных порядках с собою присовокупил. Точию то учинено, сказывает, с великим страхом. И не знал, как лучше сделать, брал того ради свою жену с собою, и те писма вшивал той под юпки. А иные роздал для сохранения шиперам. И такими мерами все сохранно зберег»<sup>368</sup>. Нам удалось выяснить, что в январе 1717 года, через месяц после описываемых событий жена Г. Фика родила дочь Аврору<sup>369</sup>, таким образом ее положение в декабре 1716 года позволяло скрыть значительное количество документов, а к свидетельству Г. Фика не следует относиться как к курьезу. Г. Фик привез не только все, что «к коллегиям надобно», но и военные разведданные: «Вместе сказывает [Фик], что в Шонах было регулярных людей 24 тысяч, а которые были в Стокголме 8000, оттуда оных не трогали, точию указ дан был быть в готовности к маршу, а особливо, егда уведают, что русские из Финляндии поворотили, чтоб шли туды в Шоны. У Швинзунта оставлен был генералмаеор Делагардий с 4мя полками. Сказывает же, как король в Шоны прибыл, велел объявить, кто ему первые вести о транспорте нашем принесет, обещал дать мошну 3 золотыми червонными, в Шонах было тогда как в фураже, тако и в провианте всеконечный недостаток и возили к ним с иных мест. В протчем сказывает, что народ ныне зело обеднял и короля не любит. А особливо, что поступает во всем дико. Во всех делех совету нет и советников он не любит, но исполняет все по своему собственному мнению; Ерц министр свейски у короля велик, для того, что он сыскал посредство, какими мерами войско платить, и бутто то ныне справно чинится»<sup>370</sup>.

«Великий страх» Г. Фика был обоснован. В случае обнаружения документов ему и его семье грозила бы самая печальная участь. Многим было памятно дело и казнь сотрудничавшего с Петром I И.Р. фон Паткуля,

<sup>368</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 26. Л. 299.

<sup>369</sup> Jessen, Willers. Heinrich Fick. S. 18.

<sup>370</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 26. Л. 299 об.-300.

прогремевшие в 1707 году на всю Европу<sup>371</sup>. Случаи перехвата людей, выполнявших подобные задания были нередки. Так, на одном из судов, подошедших к норвежским берегам, датчане перехватили нелегального курьера, который перевозил переписку между шведским послом в Англии Гиллемборгом и шведским министром Герцем, вследствие чего была раскрыта подготовка шведами государственного переворота в Англии<sup>372</sup>.

Ощутимой была не только угроза провала, но и кораблекрушения. А. Вейде передавал Петру I рассказ Г. Фика о возвращении из Швеции: «На море сказывает такой великий штюм был, что пред очами потонуло два корабля, и его корабль насилу спасся»<sup>373</sup>. Декабрь на Балтийском море месяц штормов. Так, в декабре 1678 года на пути из Померании в Кальмар во время шторма разбились о рифы и затонули в районе острова Борнхольм 27 шведских транспортных судов. Тысячи шведских солдат, моряков и членов их семей утонули. Эта катастрофа стала одним из самых сильных потрясений для шведского флота<sup>374</sup>. Ф.-В. Берхгольц также едва не погиб в Балтийском море в декабре, его корабль «20 декабря 1717 года, на возвратном пути из Стокгольма, попал на мель недалеко от берега... с 4 часов после обеда до 8 часов утра мы находились в величайшей опасности, потому что до этого времени не могло быть никакой помощи из города по причине темноты и свирепствовавшей бури»<sup>375</sup>.

Принимая во внимание условия военного времени, методы разведывательной работы, которые описывал Г. Фик, его неоднократные указания на необходимость соблюдения секретности, следует отказаться от устоявшегося представления, что он имел возможность открыто добывать сведения, «не вызывая подозрений». Ни его статус бывшего офицера шведской службы, ищущего новой должности, ни его связи не могли служить

<sup>371</sup> Larsson, Olle. Stormaktens sista krig. S. 181-182.

<sup>372</sup> Гражуй В. С. Тайны галантного века. С. 111.

<sup>373</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 26. Л. 299.

<sup>374</sup> Ericson Wolke, Lars. Sjöslag och rysshärjningar. S. 29.

<sup>375</sup> Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. (1721-1722) // Неистовый реформатор. (История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII-XX вв.) М., 2000. Ч.1. С. 111.

залогом беспрепятственной работы по копированию документов в шведских государственных учреждениях. Его деятельность была опасной и секретной.

Шведская миссия Г. Фика традиционно рассматривается как подготовительный этап реформы государственного управления. Подобный подход оправдан при изучении *реформ*. Для того, чтобы высветить новые грани *службы* Г. Фика мы предлагаем поменять угол зрения и рассмотреть шведскую миссию как часть разведывательной деятельности Г. Фика в целом. Этот аспект его службы ранее не рассматривался в историографии, между тем данные источников позволяют говорить о продолжении Г. Фиком разведывательной деятельности по крайней мере до 1720 года. В июне 1727 года Г. Фик перечислял в челобитной Петру II свои основные «службы» при Петре I: «1) в начале, когда Его императорское величество меня, низжайшего, в высокую свою службу принять соизволили, тогда Его ж императорское величество соизволил послать меня для некоторых тайных и важных своих дел, в которых я и обращался, отважа свой живот, и с помощью Божиею счастливо исправил и в Россию паки возвратился; 2) потом, при учреждении и установлении гражданских в Российской империи дел, служил я також со всяким должнейшим усердием и по всей моей возможности; 3) да и после того в некоторых тайных корреспонденциях исполнял я Его императорского величества высокую волю и повеление»<sup>376</sup>. Первые два вида службы (шведская разведывательная миссия и участие Г. Фика в реформах Петра I) были, хотя и не равнозначно, рассмотрены в историографии. Однако в литературе не встречается упоминаний о последующих «некоторых тайных корреспонденциях» Г. Фика. К настоящему времени в источниках удалось обнаружить несколько эпизодов, которые свидетельствуют, что шведская миссия не была единичным или случайным событием в биографии Г. Фика.

В июле 1718 года Г. Фиком были отправлены в Швецию Самуил Бениш (Samuel Benisch) и Степан Кохиус (Stephan Cochius). Особо отметим, что

---

<sup>376</sup> Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 69. С. 243.

капитан Самуил Бениш служил с Г. Фиком в одном шведском полку. Он также был крестным дочери Г. Фика Авроры, которая родилась в январе 1717 года в Эккернафёрде после возвращения Г. Фика из разведывательной поездки в Швецию<sup>377</sup>. П. И. Ягужинский писал Кабинет-секретарю А.В. Макарову: «Камор рат Гендрих Фик требует ныне денег посланным от себя, а имянно в Швецию Самуилу Бенишу двести рублей, в Кенихсберх камор секретарю Кохиюсу сто рублей, которые отправляютца во оные места для прииску служителей в калегии, а в Швецию ж для других дел к здешнему уведомлению в калегии... и о сем подал он ведомость за своею рукою, с которой при сем посылаю к вашей милости копию»<sup>378</sup>. Согласно ведомости, написанной Г. Фиком 8 июля в Кроншлоте, двести рублей требовались «Самуилу Бенишу *в тайную дорогу* для некоторых ведомостей и служителей», а «Камор секретарю Стефану Кохиюсу на дорогу в Кенихсберх для потребных несысканных еще служителей в коллегии»<sup>379</sup>.

По свидетельству Г. Фика, именно он первым сообщил Петру I в Троицкой церкви о кончине шведского короля Карла XII, после чего царь поручил Г. Фику найти подходящего человека и тайно отправить его в Стокгольм, чтобы через него получать сведения о политической обстановке, переменах после смерти короля и положении голштинской партии в Швеции<sup>380</sup>. В письме рижскому бургомистру Бенкендорфу от 23 января 1719 года Г. Фик писал, что «14 дней назад (то есть 9 января – Я.Л.) имел честь принимать и угощать в своем доме Его Величество и весь высший министриум»<sup>381</sup>. В «Повседневных записках делам князя А.Д. Меншикова» под тем же 9 января 1719 года записано: «В 6-м часу отъехал к *господину калегии деректору Фику*, где и его царское величество быть изволил и прочие

<sup>377</sup> Jessen, Willers. Heinrich Fick. S. 18; Lewenhaupt, Adam. Karl XII:s officerare. S. 38.

<sup>378</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 38. Л. 107.

<sup>379</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 37. Л. 712.

<sup>380</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 307.

<sup>381</sup> „... ich vor 14 Tagen schon die Gnade und Ehre gehabt, Ihre Mayt. und das gantze hohe Ministerium im meinem Hause zu bewirthen und aufzuwarten“. Aktenstücke und Urkunden zur Geschichte der Stadt Riga. Riga. 1902. Bd. I. 1710-1725. S. 320.

господа министры. И по довольных разговорах изволил кушать, *между тем получены почта и куранты о смерти короля швейскаго*, потом по забавах в 8-м часу и розъехались»<sup>382</sup>. С достаточной степенью уверенности можно заключить, что Г. Фик удостоился такого высокого посещения именно потому, что первым получил через свои каналы новость о кончине шведского короля и первым сообщил об этом Петру I. Эта новость имела колоссальное значение – полностью менялась политическая ситуация в Швеции и ход Северной войны. Продолжался мирный конгресс на Аландских островах, для быстрого принятия внешнеполитических решений царю требовалась оперативная информация о выборах нового монарха, его намерениях и расстановке политических сил в Швеции. Вероятно, эта новость и дальнейшие действия обсуждались у Г. Фика. Это предположение подтверждается данными источников, которые отразили разведывательную активность в феврале-июле 1719 года.

В феврале 1719 года в Швецию посылали иностранца Бартольда Сауэра «для тайного разведывания о тамошних поведениях»<sup>383</sup>. 16 мая 1719 года Г. Фик отправил А.В. Макарову «Подданнейшее и не в пример данное представление, по которому можно надеяться, что его царское величество в каждом месяцы по дважды или по трижды известие получить может о швецком войске на водяном и на сухом путях, о консилиях сенацких и о их намерениях и тайных негоциациях при других дворех, о состоянии армии, о склонности черни, о податях и о состоянии государственной казны и о прочих делах»<sup>384</sup>. Как рассматривалось ранее, в этом представлении говорилось об отправке тайного агента в Швецию. В мае же Бартольд Сауэр был повторно отправлен в Швецию «для высылки оттуда в Россию лифляндца подполковника Коскуля, ведавшего о шведских тогдашних обращениях»<sup>385</sup>.

<sup>382</sup> Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716-1720, 1726-1727 гг. // Российский архив / Публ. С.Р. Долговой и Т.А. Лаптевой. М., 2000. Том X. С. 284.

<sup>383</sup> Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (до 1800 года). М., 1902. Т. 4. С. 216.

<sup>384</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 42. Л. 520-523 об.

<sup>385</sup> Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (до 1800 года). С. 216.

Очевидно, речь идет о подполковнике Готгарде Уксуле, поскольку летом в Кабинете возникла переписка по поводу его скорейшего пропуска в Россию.

Г. Фик рекомендовал Уксуля и организовал его приезд<sup>386</sup>. 15 июля 1719 года Г. Фик писал царю: «Прибыл в Кенихс берхъ подполковник Готгарт Уксуль лифлянской шляхтичъ, ktoroi жил во Швеции не в службе и по вся годы просил своего отпуску, чтоб выехать оттуду, но оное ему не было позволено. Анне ожидает паспорту, чтоб ехать до вашего царского величества; он ведает акуратно состояние во Швеции для того, что *он з гражданскими служителями в Стекголме великое обхождение имел, которое аз при моей бытности в Стекголме присмотрел* и понеже помянутой подполковник недавно приехал ис Стекголма и болше знает нежели все другие, которые от нас во Швецию посыланы, того ради предается вашего величества милостивейшему соизволению, не изволите ли повелеть тому вышепомянутому подполковнику ехать сюды скорее, чтоб *швецкого государства самыи таинства и нынешнее состояние проведать* ежели ваше величество такое милостивейшее намерение восприть соизволит, якоже аз оно надеюсь и как верный служитель к тому советую, то б потребна послать подорожную и сто червонных в дорогу денег к нему в кенихс берхъ и может тот пас також и денги отослать на почте господин вице губернатор Ливен, а лутчее ежели б по нем отправлен был куриер»<sup>387</sup>. Через неделю Уксуль был уже в Ревеле. 23 июля 1719 года эстляндский вице-губернатор Фридрих фон Левен писал А.В. Макарову: «Объявител сего господин подполковник Готгард Иксиль, ktoroi по всемилостивейшему поизволению и подорожною его великоцарского величества с господином Толстым от Королевца сюды прибыл, и его отправил аз тотчас отсюда, чтоб он в Финляндию ехал и благодарение свое его царскому величеству нашему всемилостивейшему государю за ево высокую милость во всеподданности учинил. При том

<sup>386</sup> Так же в 1714 году Я. Брюс хлопотал о скорейшем пропуске в Россию самого Г. Фика.

<sup>387</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 42. Л. 517-518.

рекомендую я ево во многопомагателную подмогу и старание вашего благородия»<sup>388</sup>.

В 1719-1720 году под эгидой Г. Фика в Швецию были отправлены несколько человек. Информация об этом отражена в доношении Коллегии иностранных дел в Кабинет министров Анны Иоанновны с росписью «секретных дач» – денег, выделенных на подкуп с разведывательными целями – с 1719 по 1732 годы. В 1719 году было выдано: «Камер-советнику Фику на некоторую нужную дачу 500 червонных; ему ж Фику на дачу некоторой персоне, которую велено ему отправить в известное место в другой ряд в определенное число в 500 червонных половину – 250; оному ж Фику на некоторыя секретныя дачи надлежащия 2-м персонам, 300 червонных, да две пары соболей в 51 рубль, да сверх того ему ж Фику на данныя ему напредь того на секретныя ж дачи, на 750 червонных, проценту 18 червонных», а в 1720 году: «Камер-рату Фику на дачу некоторой персоне, которую велено ему отправить в известное место и для той посылки в 1719 году дано ему во определенное число в 500 червонных половина 250, другую половину 250, да для посылки ж вновь той же персоны определенное число 300, итого 550 червонных»<sup>389</sup>.

Изучение разведывательной деятельности Г. Фика ограничено доступностью и информативностью источников. Об этой проблеме писал и директор Службы внешней разведки России Е.М. Примаков в предисловии к истории российской разведки: «В процессе работы иногда возникали трудности восстановления той или иной конкретной картины, эпизода по отдельным сохранившимся, часто разрозненным и противоречивым фрагментам. Ведь секретные архивы создавались не ради написания истории разведки, а для повседневных оперативных нужд»<sup>390</sup>. В источниках

---

<sup>388</sup> Там же. Л. 515.

<sup>389</sup> Журналы Кабинета министров Анны Иоанновны (1735 год) // Сб. РИО. Юрьев, 1901. Т. 111. С. 558.

<sup>390</sup> История российской внешней разведки. М., 2014. Т. 1: От древнейших времен до 1917 года. С. 11.

используются такие неопределенные формулировки, как «некоторая персона», «известное место», «иные места», «тайная дорога». Однако разведывательная деятельность Г. Фика – это яркий эпизод в истории царствования Петра I и разведки России, открывающий новые перспективы для исследователя.

## 2.2. Участие в реформах Петра I

**Официальное поступление Г. Фика на русскую службу и поездка в Европу в 1717 г.** Сбор сведений в Швеции был первым опытом сотрудничества Г. Фика с царем. Для обеих сторон этот этап совместной работы дал положительный результат и высветил перспективы дальнейшего сотрудничества. Царь убедился в квалификации Г. Фика и получил основу для подготовки реформ. Г. Фик получил вознаграждение и удостоверился в своей востребованности. Он получил абшид с голштинской службы, а его служба в России *de jure* началась 23 января 1717 года, когда Петр I подписал в Амстердаме его патент на чин действительного камеррата, то есть советника будущей Камер-коллегии<sup>391</sup>. В письмах А. Вейде стал упоминать его с чином: «камеррат Фик в Слезииу поехал», «к камерату Фику в Слезииу отпишу»<sup>392</sup>.

В патенте были оговорены должность, срок службы, размер жалованья Г. Фика: «Мы намерены для лутчаго управления наших доходов порядочной камер-коллегиум установить и оной искусными людьми снабдить, и между иными особами к тому нам до сего времени в княжей голстинской службе бывшей комисар Генрих Фик представлен. И понеже Мы об его способности, искусстве и годности в том довольно известны, того ради Мы милостиво за благо изобрели помянутого нашего любезноверного благошляхетного Генриха Фика в наши действительные камерраты или казенные советники учредить...со

<sup>391</sup> Текст патента Г. Фика на рус. яз.: Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 56. С. 116-117; Экстракт патента на нем. яз. сохранился в бумагах Г. Фика: Eesti Ajalooarhiiv (Эстонский исторический архив, г. Тарту – далее ЕАА). Ф. 1429. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-2. Г. Фик находился в это время в Эккернафёрде, а не в Амстердаме, как иногда указывают в литературе.

<sup>392</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 31. Л. 475 об., 497 об.

всегодным жалованьем восьмьсот червонных специев...сверх того пристойным свободным жилищем и потребными дровами его жалуюем»<sup>393</sup>. Служебные обязанности Г. Фика были определены следующим образом: «его каммеррата должность в том состоять имеет...наши убыток и вред отвращать... и все к тому приводить трудитца, дабы все финанции или доходы наши в доброе и надлежащее состояние приведены, поправлены и содержаны». Он должен был «во всем себя и везде таким образом вести, как верному и разумному слуге и каммеррату надлежит»<sup>394</sup>.

Два пункта гарантировали особое положение Г. Фика на русской службе. Во-первых, он получал право свободного выезда из России или возможность жить без службы в остзейских провинциях по прошествии срока службы: «когда он нам и нашему престолу двенадцать лет выслужит и потом об отпуске всеподданнейше просить или паки в Германию ехать или в Эстляндии и Лифляндии жить похочет, и тогда ему абшит и пашпорт на всю его фамилию дан и без всякаго удержания он со всеми при нем будущими людьми и вещми, с милостию нашею отпущен будет»<sup>395</sup>. Во-вторых, «он и потомство его всегда против других в государствах наших и службе обретающихся чужеземцев свободное отправление веры и протчие вольности и привилегии иметь и во всяких случаях наша милость и защищение против других ему показана будет. И все вышереченное от нас и наших суксессоров оным милостиво и ненарушимо содержано будет»<sup>396</sup>.

После возвращения из Швеции Г. Фик отправился с женой домой в Эккернфёрде, чтобы разобрать привезенные материалы и подготовить отчет царю. А. Вейде писал Петру I: «он [Фик] поедет вскоре отсюда в дом свой, чтоб ему все вышепомянутые вещи собрать порядочно»<sup>397</sup>. 22 января 1717 года А. Вейде отправил царю краткий перечень документов, добытых Г. Фиком:

<sup>393</sup> Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 56. С. 116.

<sup>394</sup> Там же. С. 117.

<sup>395</sup> Там же. С. 116-117.

<sup>396</sup> Там же. С. 117.

<sup>397</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 26. Л. 299 об.

«все, что Фик с собою привез прилагаю здесь экстракт, каково мне на сих днях от него прислано»<sup>398</sup>. Экстракт был озаглавлен «Краткое описание, что привезено». В нем были перечислены области, о которых Г. Фик привез «короля швейцарского регламенты, плакаты, конституции, учреждения, инструкции». Всего 19 тематических блоков: инструкции служащим и целым коллегиям; о купечестве и торговых делах; об адмиралтействе и морских служителях; о «великих морских пошлинах»; о «малых земляных пошлинах мельничных и прочих»; о горном деле; о монетном деле; о «контрибуции и подрядах»; о банковском и вексельном деле в Стокгольме; о «купных гражданских делах в Стокгольме»; о «земляной экономии»; о «некоторых земляных ратных людей особах»; о мануфактурах, художниках и ремесленниках; о политических делах; о «швейцарских сеймах, сборищах, жалобах и на то от короля происходящего резолюция»; о «королевском владении, чиновании погребений и о наследственном совокуплении»; о «королевских уставах, чрез что видети есть, елико в каждой коллегии и в протчем послуживцев употреблены есть, и что оным платы дается»; о «всяких союзествах, женитбах, посолствах и миротворных делах, трактатов, декларациях, универсалов, манифестов, амнистии, капитуляции, гарантии и тестаменты»<sup>399</sup>. Всего же Г. Фик привез «близ 1000 экзemplяров»<sup>400</sup>.

Помимо законодательного каркаса, запланированным учреждениям требовались служащие. В марте 1717 года Г. Фик приехал из Эккернферде в Гюстров к А. Вейде, а оттуда отправился «склонять к службе» иностранцев: «Ныне я еду в Шлезию, и оттуды в Пруссию, потом паки в Мекленбургю, в Гамбург и протчия места назад. По вся недели Его превосходительству господину генералу Вейду я единова рапортовать буду, что я зделал и каких людей нашел. Насупротив того, я по вся недели от его превосходительства ответу ожидать буду, перво в Бреславле, и потом в других местех, которыя во

<sup>398</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 31. Л. 420.

<sup>399</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 31. Л. 418-419.

<sup>400</sup> Там же. Л. 419 об. Подробный перечень привезенных материалов опубликован в: Cederberg A.R. Heinrich Fick. Beilage 1. S. 1\*-64\*.

время корреспонденции назначены будут»<sup>401</sup>. Он сообщал о ходе поездки А. Вейде, который регулярно информировал царя о ходе дел. 22 марта 1717 года: «камеррат Фик в Слезии поехал»<sup>402</sup>; 2 апреля: «как камеррат Фик в Слезии поехал, тому вчерашняго числа две недели минуло, о чем вашему славнейшему величеству по рабской своей должности пред сим уже доносил. И что оный ко мне писать будет, рабски обстоятельно репортоват не простерегу»<sup>403</sup>; 12 апреля: «От камеррата Фика из Силезии ведомости еще не получил. А что впред писать будет, всеподданнейше обстоятельно репортовать не простерегу»<sup>404</sup>; 13 мая: «На сих днях получил аз от камеррата Фика два письма из Бреславля, в которых упоминает, что асесоров по желанию до днеся приискать не мог, точию нашел одного галанца пожиточного мужа, которому мнит годну быти асессором в комерц коллегии»<sup>405</sup>; 21 мая: «Сего моменту получил я от камерата Фика письмо из Бреславля, в котором пишет, что немного таких находит, которые б по славенски или по полски знали говорить и в коллегиях годны быти могли. Однако сколько оных обрел и впред годных наидет, и в какие чины тож почему станут жалованья требоват, чинить пространная записки не простережет ... ныне поедет он Фик в Тарунь, в Эльбинг и в Кенихзберх»<sup>406</sup>.

Шведская разведывательная миссия и поездка в Европу в 1717 году были «зарубежным» началом большой работы Г. Фика «при учреждении и установлении гражданских в Российской империи дел»<sup>407</sup>. После приезда в Россию летом 1717 года и по крайней мере до 1723 года, он составлял в России проекты, послужившие фундаментом нового государственного аппарата. Этот аспект его деятельности наиболее полно отражен в историографии, что избавляет нас от необходимости заново подробно излагать содержание

---

<sup>401</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 31. Л. 471.

<sup>402</sup> Там же. Л. 475.

<sup>403</sup> Там же. Л. 482.

<sup>404</sup> Там же. Л. 486.

<sup>405</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 31. Л. 502.

<sup>406</sup> Там же. Л. 508.

<sup>407</sup> Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 69. С. 243.

многочисленных проектов Г. Фика, относящихся к этой теме. Однако исследователи рассматривали деятельность Г. Фика в рамках своих задач, применительно к истории создания конкретного учреждения или этапа реформы. В настоящей работе будут обобщены и обозначены основные вехи его деятельности в свете данных новых источников.

**Подготовка реформы государственного управления.** В 1717 году Петр I официально назначил Г. Фика ответственным за подготовку реформы центрального управления: «Для сообщения с немецкого языка на русской и толкования коллегиям вручено генералам Брюсу и Вейду и понеже один в отлучке, а второй мало эдукоф, то еще к ним прибавляетца 1, которому надлежит с ними обще трудитца в том. К тому же еще *приказываетца ему нашим именем побуждат господ президентов коллегии*, дабы конечно так устроит, дабы с будущего году порядочно начало свое восприял действительно могли. Третьей определенной Фик»<sup>408</sup>. В январе 1718 года Петр I указал сенаторам обращаться к Г. Фику: «Господа Сенат, при отъезде своем я писменно вам оставил для коллегей указ, дабы брали ведение у генерала Брюса, как оныя сочинят. А понеже он ныне отъехал в Финляндию, то без него берите ведомости и спрашивайте у Фика, которой оныя вывез из Швеции»<sup>409</sup>.

9 мая 1718 года Г. Фик написал «Всенижайший мемориал, касающийся *разным делам, которым умедленным быть не можно*, но имеют оные быть вскоре решены и в действо произведены, ежели освященному и всемилостивейшему намерению В[ашего] В[еличества] о Государственных коллегиях исполнитца и сему бы настоящему году без ползы не миновать»<sup>410</sup>. В нем Г. Фик перечислил те вопросы, которые, по его мнению, при установлении коллегий имели первостепенное значение. Мемориал состоит из двенадцати пунктов. Первые пять из них (то есть почти половина всех вопросов) посвящены нуждам иностранцев, приглашенных на русскую

<sup>408</sup> Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. № 266. С. 221.

<sup>409</sup> Там же. № 267. С. 221.

<sup>410</sup> Там же. № 269. С. 222-225.

службу<sup>411</sup>. Согласно другим пунктам, для успешной работы будущих коллегий требовалось установить «порядочную верховую почту через все главные города и губернии государства»; соотнести местное управление «правительство губернское» с центральными учреждениями, поскольку «все коллегии касаются до губерней», однако не механически, а так, чтобы «ничего супротив пользы натуры обстоятельства сей земли не учинилось»; создать городские магистраты «чего всем коллегиям, а наипаче Камерц-коллегии желать довлеет, ибо без сего никогда желанный порядок и добрые плоды получить не можно»; выписать «рудокопных заводов мастеров и стейгеров», ускорить выезд пленных шведов для определения их к делам в коллегии, поскольку «они швецкому статусу и языку русскому искусны, и может один из них нам потребнее быть, нежели два человека немцов»; составить «сего лета (1718 года – Я.Л.) внешние порядки и регламенты, також и инструкции коллегиям и служителям здешним и которые в губерниях»<sup>412</sup>. Также Г. Фик просил аудиенции для доклада царю об устройстве «шведских коллегий» и трех мемориалов, составленных им о других делах<sup>413</sup>. Мемориал от 9 мая 1718 года отражает представление Г. Фика о приоритетных вопросах при подготовке коллегиальной реформы и широкий круг задач, стоявших перед ним на русской службе. Примечательно, что 2 мая 1718 года Г. Фик писал рижскому бургомистру Бенкендорфу: «Ваше письмо от 14 апреля я тоже получил, но не мог сразу ответить на него, поскольку у меня было много работы»<sup>414</sup>.

В 1718-1721 годах Г. Фик составлял проект Генерального Регламента (далее ГР) – важнейшего нормативного акта, определившего на весь XVIII век устройство и работу государственного аппарата. Проект ГР прошел двенадцать редакций<sup>415</sup>. В ГР были зафиксированы общие положения о работе

---

<sup>411</sup> Там же. № 269. С. 222-223. Представления Г. Фика о нуждах и положении иностранцев в России будут подробно рассмотрены в 4 главе настоящей работы.

<sup>412</sup> Там же. С. 223-224.

<sup>413</sup> Там же. № 269. С. 224.

<sup>414</sup> Aktenstücke und Urkunden zur Geschichte der Stadt Riga. Riga, 1902. Bd. I. 1710-1725. S. 286.

<sup>415</sup> Анисимов Е.В. Государственные преобразования ... С. 151-154.

государственных учреждений. Каждой коллегии требовался свой регламент, который бы учитывал ее отраслевую специализацию. Г. Фик написал проекты регламентов Камер-<sup>416</sup> и Коммерц-коллегии<sup>417</sup>, регламента Главного Магистрата<sup>418</sup>, на основе обширной записки Г. Фика о шведской Канцелярии-коллегии было определено устройство и функции Коллегии иностранных дел<sup>419</sup>. Помимо регламентов коллегиям требовались штаты – роспись должностей, количества служащих и их жалованья. За 1717-1718 годы Г. Фик составил проекты штатов семи коллегий, весной они были переданы назначенным президентам коллегий<sup>420</sup>. 2 мая 1718 года Г. Фик писал рижскому бургомистру Бенкендорфу: «Позавчера Его величество окончательно учредил Камер-коллегию и подписал ее штат; С прочими [коллегиями] все решится через 14 дней, затем Его Величество уйдет с флотом»<sup>421</sup>.

**Поиск кадров для коллегий.** Однако «написать, отредактировать и утвердить штаты еще не означало создать коллегии, которые состояли из конкретных, реальных людей»<sup>422</sup>. Недостаточно было создать систему учреждений, действовавших по одним и тем же инструкциям, нужно было обеспечить ее необходимым количеством хорошо подготовленных служащих<sup>423</sup>. Коллегии комплектовали из иностранных и русских служащих. Иностранцев нанимали на службу за границей; из пленных шведов; из жителей прибалтийских провинций. В историографии оценивалось количество иностранных служащих в государственных учреждениях, уровень их

<sup>416</sup> См.: Claes Peterson. Peter the Great's administrative and judicial reforms ... P. 140-179.

<sup>417</sup> См.: Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. С. 77-92.

<sup>418</sup> См.: Водарский Я. Е. Из истории создания Главного магистрата. С. 108-112; Водарский Я. Е. Проект регламента Главного магистрата и его редакции (1720 г.). С. 195-207; Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество. С. 112-127.

<sup>419</sup> См. также: Анисимов Е.В. Государственные преобразования ... С. 154-161.

<sup>420</sup> Там же. С. 180. Анализ проектов штатов Г. Фика см.: Там же. С. 180-184, 196-197, 220-221; Claes Peterson. Peter the Great's administrative and judicial reforms: Swedish antecedents and the process of reception. Lund. 1979.

<sup>421</sup> „Das Cammer-Collegium ist vorgestern feste gesetzet und deszen Staat von Ihro Mayt. unterschrieben worden; Mit den andern wird's in 14 Tagen auch richtig seyn, hernach dürfften Ihro Mayt. Sich auf der Flotte verfügen“. (Перевод с нем. яз. мой – Я.Л.). Aktenstücke und Urkunden zur Geschichte der Stadt Riga. Riga, 1902. Bd. I. 1710-1725. S. 286.

<sup>422</sup> Анисимов Е.В. Государственные преобразования ... С. 195.

<sup>423</sup> Писарькова Л.Ф. Российская бюрократия в эпоху Петра I (окончание) // Отечественная история. 2004. №2. С. 17.

жалованья, проводилось сравнение по этим показателям с русскими служащими<sup>424</sup>. Были изучены законодательные основы и условия поступления шведских военнопленных на русскую службу<sup>425</sup>. В настоящей работе предлагается рассмотреть, как формировалась<sup>426</sup> особая среда иностранного чиновничества в России в «человеческом измерении», в сети социальных связей иностранцев, и какую роль играл Г. Фик в этом процессе.

В 1716-1717 годах Г. Фик подбирал кандидатов на службу в коллегиях в Швеции и германских землях. В РГАДА сохранился документ «О иноземцах, которые могут быть годны в коллегиях, како дал знать писменно господин камеррат Фик, которых нашол в Голстинии, и ведает и во иных местах, кроме тех, которых ожидает из Свеи, желает токмо ведать, в службу оных приглашат ли. А куды кто годен писано ниже сего»<sup>427</sup>. В этом документе указаны имена и характеристики потенциальных служащих. Среди них были не только найденные Г. Фиком в Европе кандидаты, но и люди знакомые ему со времен службы в шведской армии и Эккернафтерде. В росписи упомянут зять Г. Фика Иоганн Остервальд: «Еган Остервалт немчин, обретаетца секретарем у резидента нашего в Гамбурхе, разумеет по руски, по цесарски и по французски, годен быть канцелистом у разных коллегиях»<sup>428</sup>. Остервальд стал впоследствии секретарем Ревизион-коллегии, затем служил в Коммерц-коллегии<sup>429</sup>. Ранее мы также упоминали Самуила Бениша, с которым Г. Фик служил в одном полку, а затем отправил его в Швецию для прииска служителей в коллегии и разведывательных целей.

Особо стоит сказать о бывшем начальнике Г. Фика, шефе его полка, бароне и полковнике шведской службы Магнусе Нироте, которого Г. Фик

<sup>424</sup> Поленов Д.В. О присяге иноземцев. Стлб. 1729-1766; Анисимов Е.В. Государственные преобразования. С. 180-184, 195-205; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России. С. 178-197.

<sup>425</sup> О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом // ЖМНП. 1853. №2. С. 124-125; Шебалдина Г.В. Шведские военнопленные в Сибири. М., 2005. С. 126-146.

<sup>426</sup> Отношения внутри сообщества иноземцев, принадлежавших к средней и высшей бюрократии в 1720-1730-е годы будут рассмотрены в 3 и 4 главах.

<sup>427</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 31. Л. 534.

<sup>428</sup> Там же. Л. 534 об.

<sup>429</sup> Поленов Д.В. О присяге иноземцев ... Стлб. 1749; Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество. С. 67.

рекомендовал на русскую службу: «Господин барон и лантрат Магнус Нирот годен быть тайным камератом. Живет в Ревеле». М. Нирот стал впоследствии вице-президентом Камер-коллегии, то есть вновь начальником Г. Фика<sup>430</sup>. Е.В. Анисимов писал об этом так: «Впоследствии *протее* Фика (Нирот – Я.Л.) был принят на русскую службу, стал вице-президентом Камер-коллегии и непосредственным начальником своего *благодетеля*<sup>431</sup>. Подобная постановка вопроса представляется не вполне корректной. При определении иностранцев на должность в России, *учитывались их чины и ранги на предыдущей службе*. В 1732 году во время следствия Г. Фик рассказывал о причинах своих неприязненных отношений с вице-президентом Юстиц-коллегии С.А. Вольфом: «Когда при установлении коллегий вице-президент Вольф захотел стать советником [коллегии], президент Толстой хотел взять его лишь ассессором и переводчиком, и президент Толстой по указу блаженной памяти императора должен был узнать мнение обвиняемого Фика по этому вопросу, и мнение Фика была таково, что Вольф в дерптском ландгерихте как ассессор был лишь в чине фенрика, [поэтому] он мог довольствоваться [и в России] местом ассессора. Вице-президент Вольф пожаловался на Фика своему тогдашнему патрону генералу Вейде. Вейде пригласил к своему столу Фика и Вольфа и попытался склонить Фика принять решение в пользу Вольфа. Однако Фик тогда настаивал на своем, на том, что ни в чем перед Вольфом не виноват; Вольф был очень возмущен этим и проявлял постоянную враждебность по отношению к Фику»<sup>432</sup>. Г. Фик, квартирмейстер и капитан-лейтенант шведской службы не мог получить в России должность выше, чем полковник М. Нирот. Это следует расценивать как свидетельство того, что при составлении штатов и рекомендации иностранных служащих Г. Фик учитывал их квалификацию и ранг, а Петр I не давал им необоснованных повышений и поощрений. Это необходимо учитывать при анализе кадровой политики Петра

<sup>430</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 31. Л. 534.

<sup>431</sup> Анисимов Е.В. Государственные преобразования ... С. 115.

<sup>432</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 259 об.

I и при оценке роли иностранцев в формировании новой российской государственности.

Г. Фик рекомендовал принимать на русскую гражданскую службу шведских военнопленных. В 1717 году он писал: «Его царское величество уже прошлаго году намерен был повелеть между швецкими пленными искать такого человека, которой преж сего в гражданских делах служил, и ежели то по се время не зделалось, то можно еще то учинить, ибо таких людей с великою пользою употребить можно»<sup>433</sup>. Г. Фик служил в шведской армии, его полк был расквартирован в Лифляндии. Многие пленные были по происхождению не шведами, а лифляндцами или выходцами из германских земель. Он знал некоторых пленных лично или сохранил связи с их родственниками. С одной стороны, Г. Фик рекомендовал в коллегии компетентных служащих, а с другой – помогал им выбраться из плена: «У каждого коллегия искусной переводчик потребен будет, которой руской и немецкой или руской и шведской языки... знает, такая между швецкими пленными сыщутца, ибо господин барон Нирот о некотором маёре именем Карл Роткирх, ко мне писал, которой в Лифляндии свои маётности имеет, и в Тоболске в полону сидит»<sup>434</sup>. Другой пример: «Один молодой лифляндец именем Стремфельд, порутчик, сидит на Вологде или в Таболске в полону, он для одной раны к воинской службе негоден, я имею притчину о его освобождении покорно просить, чтоб ему у дяди своего лантрата Тауба в Эстляндии жить повелено было, и может быть, что мы его впредь употребить можем; в одном из вышеписанных городов сидит також де молодой лифляндец именем Эбергарт Густау Пасельберх в полону, он пишет изрядно и знает артиллерию, буде он руского языку знает, то он нам пригодится»<sup>435</sup>. По указу Петра I Стремфельту было позволено приехать в Санкт-Петербург. Однако, как видно из мемориала Г. Фика от 12 августа 1719 года, Стремфельт оставался

<sup>433</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 31. Л. 472.

<sup>434</sup> Там же. Л. 472-472 об.

<sup>435</sup> Там же. Л. 474.

в Вологде: «Между протчими пленными швецкими служителями, которые ваше царское величество указал выслать в Санкт Питербурх, обретаецца и поручик Стремфельт, лифляндской шляхтич, но понеже он тогда от своих трудных ран лежал болен, и с протчими сюды прибыть не мог, хотя он к службе охоты имел, а ныне виц губернатор вологоцкой без подтвердителного указу ево сюда не отпускает; и того ради прошу всепокорнейше, да соизволит ваше царское величество определить указом о высылке ево сюды в Санкт Питербурх, дабы ев ежели он к службе употреблен не будет, свободностью пожаловать и отпустить в Эстляндию яко подданного вашего величества е ево свойственникам»<sup>436</sup>.

16 июня 1718 года Г. Фик составил «Роспись обретающимся в Росии швецким служителям или которые б тому искусны быть могли». В ней перечислены имена и звания/должности шведов, размещенных в Соликамске, Тобольске, Казани, Вологде, Нижнем Новгороде, Переяславле-Залесском. В конце перечня Г. Фик написал, что следовало «при вышеписанном к споможению его царского величества интересу примечать»<sup>437</sup>. Для скорейшего наполнения коллегий требовалось как можно быстрее выяснить у пленных, «у каких дел они напред сего бывали и имеют ли намерение вступить в службу», чтобы «знать могли, каких нам служителей еще в Германиии искать, и в Санкт Питер бурхе б на них кварталы заранее изготовит». Он также просил обеспечить беспрепятственный и быстрый пропуск в Санкт-Петербург всем перешедшим на русскую службу: «достоино, чтоб при указе к губернаторам предложено же б было, дабы тех людей, которые в службу царского величества сюда ехат пожелают, ни в чем бы не задерживат, но со всеми своими принадлежащими без опасения и со удовольствием в подводах и в дороге в пищи сюда отправит, також ежели потребуетца для стужи надлежащее число шуб выдать»<sup>438</sup>.

---

<sup>436</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 521. Л. 124.

<sup>437</sup> Там же. Л. 11-11 об.

<sup>438</sup> Там же. Л. 11 об.-12.

19 февраля 1719 года Г. Фик подал челобитную с просьбой отдать ему в услужение, «на поруки» пленного Ягана Ортмана: «Обретаецца швецкой полоненик меж протчими рядовыми швецкими арестанты именем Яган Ортман, которои желает ко мне во услужение. Всемилостивейший государь прошу вашего величества да повелит державство ваше, чтоб вышепомянутого швецкого арестанта повелено было принять мне во услужение и для того ево испод аресту свободить, я за оного арестанта готов дать поручное письмо»<sup>439</sup>. Было выяснено, что «по справке в городской канцелярии ведомостью мазора князь Григорья Шеховского арестант Ортман у него в ведомстве есть и обретаецца при плотничной работе в Летнем доме царского величества»<sup>440</sup>. Дело было решено довольно быстро. Царь удовлетворил просьбу Г. Фика и уже 13 марта он подписал «поручное письмо»: «Понеже по указу его царского величества отдан мне в услужение ис под аресту шведской полоняник реитар Яган Ортман, того ради за вышепомянутого швецкого полоняника поручаюсь, чтоб ему во время настоящей войны из сего государства не убежать, но поставить мне его Ортмана когда повелено будет»<sup>441</sup>.

Другие иноземцы также ходатайствовали за пленных шведов. М. Нирот просил освободить из плена своего родственника майора Нирота и поручика Стремфельта и других шведов<sup>442</sup>. В 1719 году М. Нирот, Г. Бреверн, Я. Шмиден и Г. Фик подали доношение в Сенат с просьбой освободить из Сибири пленного по фамилии Гегге и определить его переводчиком: «Следуя из высокоправительствующаго Сената июля 7 дня сего года присланному к нам нижеименованным вице президентом и советником указу, призвали мы швецкого арестанта бывшего наперед сего правиянтшрейбера Гегге, и оного допросили [...] понеже оной в швецкой службе два года у некоторого земского писаря служил и после того пол года у правиянт меистера выборского в

<sup>439</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 521. Там же. Л. 45.

<sup>440</sup> Там же. Л. 47.

<sup>441</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 521. Л. 49. Г.В. Шебалдина ошибочно указывает, что Г. Фик просил о зачислении Ортмана в Камер-коллегию: Шебалдина Г.В. Шведские военнопленные в Сибири. М., 2005. С. 137.

<sup>442</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 521. Л. 125, 106-108.

парвиант шрейберах был, такожде и купно с швецким и финляндским языками по свидетелству камер переводчика Квиста российскому языку так искусен, что из оногo на швецкой язык перевесть может, и того ради может он в Камер коллегии в камер шрейберах или в выборской или абовской губерниях определен быть, понеже тамо швецкой и финской також и руской язык употребляетца»<sup>443</sup>. Гегге стал впоследствии переводчиком Сената, он известен исследователям под именем Аврама Хега. Хег переводил многие проекты Г. Фика с немецкого на русский язык вплоть до 1730-х годов.

В мемориале от 12 августа 1719 года<sup>444</sup> Г. Фик сообщал о бедственном положении пленных шведов и ходатайствовал за них: «Понеже по имянному всемилостивейшему указу его царского величества некоторые шведские полоняники отчасти шведы и лифланты и отчасти немцы сюды привезены, чтоб употреблять их в службу, из которых точию малое число принято, а протчие оставлены, чего ради они не имея себе никакого пропитания в бедность такую вступили, что уже камисар Крока, человек бывший великого искусства в бедности своей умер, а капитан Вулф уже захворал; и понеже я *такж их склонял приезду сюды в Санкт Питербурх, и для того от бедности их великое сожаление имею*, того ради прошу вашего царского величества в нижайшей покорности, да соизволите всемилостивейшее указать, чтоб оным людем для их охоты, которую до службы вашего величества имеют, помесечно дано было хоть малое что на пропитание, или на присяжную или другую поруку отпустить к свойственникам их в лифляндию или в другие правинции российского государства, чтоб им тамо жить приватно до заключения миру»<sup>445</sup>.

В целом, решение кадрового вопроса за счет привлечения иностранцев было сопряжено с целым рядом сложностей: надо было найти претендентов и склонить их к службе, определить их действительную квалификацию, обеспечить их приезд с семьями в Россию. Не способствовала быстрому и

<sup>443</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 521. Л. 95.

<sup>444</sup> 12 августа 1719 года Г. Фик подал два мемориала: данный и процитированный нами ранее (с просьбой пропустить из Вологды поручика Стремфельта).

<sup>445</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 521. Л. 123.

эффективному поиску иностранных кадров и продолжавшаяся Северная война. Поэтому на повестке дня стоял вопрос о необходимости и способах обучения «природных подданных»<sup>446</sup>.

**Образовательные проекты Г. Фика.** Интерес Г. Фика к образованию проявился в его проектах с 1718 года и впоследствии не выходил из его поля зрения. В рассмотренном нами ранее мемориале от 9 мая 1718 года Г. Фик просил Петра I об аудиенции для доклада другого мемориала о «нетрудном обучении и воспитании российских младых детей, чтоб оных в малое время в такое совершенство поставить, дабы В.[аше] В.[величество] все гражданские и воинские чины в коллегиях, губерниях, судах, канцеляриях, магистратах и протчая своими *природными подданными* наполнить; також и собственной своей земли из детей искусных купеческих людей, художников, ремесленников, шипаров и матросов получить могли»<sup>447</sup>. Обнаружить этот мемориал не удалось, однако сохранилось несколько документов, в которых Г. Фик затрагивает проблемы образования. Комплексный анализ проектов Г. Фика 1718-1730 годов позволил восстановить предложения Г. Фика по организации системы образования в России. Ход исследования изложен нами в специальной статье<sup>448</sup>. Согласно представлениям Г. Фика, воспитание и обучение молодежи – основа «счастливого состояния» государства. Назначение образовательной системы – закладывание основ добродетельной жизни и обеспечение государства верными и искусными подданными для общего блага. Г. Фик предлагал ввести образовательную систему по примеру Швеции. Она включала обучение на дому, в городских школах и академиях. Важную роль в обучении он отводил иностранцам в качестве домашних и школьных учителей. По мнению Г. Фика, заграничные поездки и изучение языков – неременная составляющая эффективной образовательной системы,

---

<sup>446</sup> Ларина Я.И. Осмысление роли образования в государственном строительстве. Проекты Генриха Фика первой четверти XVIII века // «Регулярная академия учреждена будет...» Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / ред. И. Федюкин, М. Лавринович. М., 2015. С. 73.

<sup>447</sup> Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. № 269. С. 224.

<sup>448</sup> Ларина Я.И. Осмысление роли образования ... С. 70-98.

а прежняя деятельность русского правительства в области создания такой системы не увенчалась успехом именно из-за запрета на заграничные поездки и изучение иностранных языков<sup>449</sup>.

**Подготовка губернской реформы.** Г. Фик составлял проекты для преобразования центрального управления, изменения в этой структуре повлекли за собой реформу местных учреждений и введение нового административно-территориального устройства в России. 26 ноября 1718 года было утверждено постановление Сената о введении в стране губернских учреждений по образцу шведских. С июля 1719 года они должны были начать действовать в Санкт-Петербургской, а затем и в остальных губерниях<sup>450</sup>. В мемориале от 9 мая 1718 года о делах, заслуживающих скорейшего решения, Г. Фик указал установление «губернского правительства» среди первостепенных задач<sup>451</sup>. В ноябре 1718 года он подал «Подданнейшее ведение, которым образом завоеванные от швецкого государства провинции под швецким владением управлялись, и что при нынешнем определении губерней покорнейше припамятовать можно»<sup>452</sup>. В нем Г. Фик подробно изложил общие принципы управления прибалтийскими провинциями, функции и должностные обязанности местных чиновников и свои предложения по организации губерний в Прибалтике. Особо отметим, что Г. Фик предлагал учитывать новые политические реалии, а не механически копировать шведские образцы: «состояние тех правинцей после взятия оных зело переменилос, того ради мы за швецким определением держатца не можем»<sup>453</sup>. Проекты Г. Фика по реорганизации местного управления подробно рассмотрены в литературе<sup>454</sup>. В целом, исследователи высоко оценили его роль

---

<sup>449</sup> Там же. С. 76.

<sup>450</sup> Писарькова Л.Ф. Государственное управление России. С. 157.

<sup>451</sup> Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. № 269. С. 223.

<sup>452</sup> РГАДА, ф. 248, оп. 2, кн. 58. Л. 24-27 об.

<sup>453</sup> Там же. Л. 26.

<sup>454</sup> Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. М., 1902; Милуков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. Peterson, Claes. Peter the Great's administrative and judicial reforms ... P. 244-268.

в проведении губернской реформы, М.М. Богословский называл его «главным автором новых учреждений»<sup>455</sup>.

**Подготовка судебной реформы.** На протяжении 1718 года, параллельно с работой по составлению проектов Генерального регламента, регламентов и штатов коллегий, Г. Фик готовил проект судебной реформы. При ее проведении Петр I ориентировался на шведское судоустройство. Участие Г. Фика прослеживается на всех этапах реформы. Во-первых, он вывез из Швеции более пятисот нормативных правовых актов, касавшихся уголовного и гражданского права и организации суда. Во-вторых, он составлял справки об устройстве судопроизводства в Швеции. В-третьих, подавал проекты о устройстве судов в России с учетом шведских образцов. Д.О. Серов всесторонне рассмотрел этот аспект деятельности Г. Фика, проанализировал его проекты и пришел к выводу, что Г. Фик был основным консультантом Петра I по судебной реформе, именно от него царь получил максимум информации о соответствующем законодательстве Швеции<sup>456</sup>.

**Участие в пересмотре реформ.** В 1722 году царь начал пересмотр реформ: произошли изменения в организации Сената, была введена Табель о рангах, скорректированы регламенты коллегий, судебная система, местное управление<sup>457</sup>. Г. Фик активно участвовал в этом процессе. По оценке С.М. Троицкого при разработке Табели о рангах в Сенате была рассмотрена написанная Г. Фиком «Реляция, каким образом молодая графы, бароны и шляхтичи в Швеции к государственным службам воспитаны и потом употреблены бывають»<sup>458</sup>. В 1722 году он написал «Ведение о ландмесерской

<sup>455</sup> Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. М., 1902. С. 456.

<sup>456</sup> Серов Д.О. Судебная реформа Петра I. С. 162, 164-165, 168-176, 186-188, 197. Публикация проекта Г. Фика о порядке судопроизводства см.: Там же. Приложение I, №1; Также см.: Peterson, Claes. Peter the Great's administrative and judicial reforms ... P. 248-251, 303-380.

<sup>457</sup> Писарькова Л.Ф. Государственное управление России. С. 166-170.

<sup>458</sup> РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 18. Л. 5-13. Этот документ опубликован нами: Реляция, каким образом молодая графы, бароны и шляхтичи в Швеции к государственным службам воспитаны и потом употреблены бывають (подг. к публ. Я.И. Лариной) // «Регулярная академия учреждена будет...». Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / ред. И. Федюкин, М. Лавринович. М., 2015. С. 90-98. Анализ содержания реляции см.: Там же. С. 76-84; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство. С. 98.

канторе в Стокгольме»,<sup>459</sup> обстоятельное «Мнение» о принципах составления штатов, распределения жалования и обеспечения гражданских служащих в Европе и России<sup>460</sup>. В 1723 году Г. Фик изложил принципы, по которым в Швеции составляются штаты учреждений и распределяются расходы на государственный аппарат<sup>461</sup>, подробнейшее «Подданнейшее представление, каким образом чаемо дела сенатские и всего государства, способнее и лехче учреждены и управлены быть могут»<sup>462</sup>, подал новый проект реформы местного управления и «Ведение о службе экономственого штатгалтера в Лифляндии»<sup>463</sup> и другие проекты.

Г. Фик писал на немецком языке, все его доношения, проекты, инструкции, справки переводили на русский язык. От него требовалось не только продумать документ, но и проследить за его переводом – промедление затягивало ход реформы. Г. Фик писал 31 марта 1720 года А.В. Макарову: «Инструкция обер президента магистратов у меня давно изготовлена и с лишком три недели отдал я оную инструкцию перевести, а по се число еще не переведена, то токмо переведена половина. В таких делах впред остановка великая будет, ежели в кабинете или в сенатцкой канцелярии особливой искусной перевотчик определен не будет»<sup>464</sup>.

Г. Фик докладывал царю о ходе реформы, переведенные на русский язык документы передавались президентам коллегий. Затем необходимо было получить резолюции царя и Сената. Утверждение проекта на бумаге не гарантировало быстрой реализации задуманного и начала работы учреждений. Симптоматично, что одной из обязанностей Г. Фика по указу Петра I 1717 года было «нашим именем побуждат господ президентов колегии, дабы конечно

<sup>459</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 58. Л. 319-319 об.

<sup>460</sup> Там же. Л. 339-342.

<sup>461</sup> Там же. Л. 93-98 об. Описание рефлексиям [разсуждениям], которые потентат, а особливо корона швецкая при сочинении штата и расходов имеет.

<sup>462</sup> Там же. Л. 49-63.

<sup>463</sup> Проект подробно рассмотрен: Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. С. 456-458. По оценке Л.Ф. Писарьковой, идеи, высказанные Г. Фиком в этом проекте фактически были реализованы только через пятьдесят лет Екатериной II: Писарькова Л.Ф. Государственное управление России ... С. 170.

<sup>464</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 48. Л. 675 об.

так устроит, дабы с будущего году порядочно начало свое воспринять действительно могли»<sup>465</sup>. 23 мая 1718 года Г. Фик писал Бенкендорфу: «Я могу заверить господина бургомистра, что [даже] наиважнейшие государственные дела решаются здесь очень медленно. Вельможи и фавориты Его Величества не могли в течение четырёх недель решить и малейших вопросов касательно государственных коллегий, по которым непременно требуется личная высочайшая резолюция Его Величества, и озабочены лишь тем, что Его Величество уйдет с флотом, и всё останется лежать без резолюции; поскольку они всё же твёрдо придерживаются решения, что коллегии, *насколько это здесь практично*, должны быть созданы по шведскому образцу, так что только лишь бояться умопомрачительной работы; если, надеюсь с Божьей помощью, эта важная работа однажды будет закончена, то здесь сразу ощутят пользу хорошего порядка для своей страны»<sup>466</sup>.

### 2.3. Деятельность при преемниках Петра I

Петр I скончался 28 января 1725 года, императрицей была провозглашена его вдова – Екатерина Алексеевна. 8 февраля 1726 года «в помощь» Екатерине I был образован Верховный тайный совет (далее – ВТС). С первых дней нового царствования правительство начало пересмотр внутренней политики. Этот процесс инициировал генерал-прокурор Сената П.И. Ягужинский. Уже 2 февраля он подал императрице записку об удручающем положении дел в стране<sup>467</sup>. Фактически, реформы Петра I были приостановлены. Некоторые аспекты системы государственного управления, созданной в 1718-1724 годах при участии Г. Фика были подвергнуты критике, в частности, принципы коллегиальности и твердой оплаты труда канцелярских

<sup>465</sup> Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. №266. С. 221.

<sup>466</sup> Aktenstücke und Urkunden zur Geschichte der Stadt Riga, 1902. Bd. I. 1710-1725. S. 287.

<sup>467</sup> Анисимов Е.В. Куда ж нам плыть? С. 94-95.

служащих согласно штатам, которые сам Г. Фик считал неперменным условием гражданской службы. Правительство сконцентрировалось на «поправлении» экономической ситуации в стране<sup>468</sup>. Вслед за сменой монарха произошла и перестановка фигур у трона. В соответствии с этими переменами, востребованными оказались «проекты» и «мнения» других, нежели при Петре I, людей. Смена политического курса и круга приближенных к монарху нивелировали потребность в новых проектах Г. Фика.

В 1725 году Г. Фик по-прежнему занимал должность советника Камер-коллегии. 29 апреля 1726 года он написал Екатерине I челобитную с просьбой назначить его вице-президентом Камер-коллегии. Этот пост в 1726 году был вакантным: «И понеже прежде бывшей в той коллегии вице-президентом барон Нирот из того чина уже давно уволен, и дан ему апшит, и в тот чин еще поныне никто не учрежден, а в прошлом году ваше императорское величество всемилостивейше благоволили в разных коллегиях, в которых вице-президентов не было ж, в те чины из других определить; тогда ж и Камор-коллегия доношением в Сенат требовала, дабы в тою коллегию... определить кого в тот вице-президентской чин, токмо по тому доношению и поныне резолюции какой не получено»<sup>469</sup>. Г. Фик подчеркивал, что может занимать эту должность, несмотря на статус иностранца: «В ... Камор-коллегии штате, его императорское величество всемилостивейше благоволил повелеть в оной коллегии вице-президентом быть из иностранцев»<sup>470</sup>. Более того, «господин президент (Д.М. Голицын – Я.Л.), також и протчие члены моею персоною и поступками моими до сего времени и ныне зело довольны»<sup>471</sup>.

По словам Г. Фика, еще в 1720 году «господин генерал-лейтенант и кавалер Ягушинской объявил мне, что понеже я первый и старший советник, того ради ... его императорское величество всемилостивейше хочет меня

---

<sup>468</sup> Анисимов Е.В. Куда ж нам плыть? С. 109, 115-116, 120, 121. Несмотря на то, что некоторые начинания петровского времени были приостановлены, основное из наследия царя осталось неизменным, речь не шла о том, чтобы «повернуть время вспять»: Там же. С. 121.

<sup>469</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 19. Кн. 1025. Л. 1094.

<sup>470</sup> Там же.

<sup>471</sup> Там же. Л. 1094. об.

перед другими произвести и приложить мне титул штатского советника», однако, тогда Г. Фик просил оставить его в прежнем чине, «понеже тогда еще служение мое в России было немного»<sup>472</sup>. Теперь же он увидел, что Екатерина I соизволила «разным в службе и в ранге меня моложе стоящим пожаловать возвышением» поэтому просил: «в нынешней празднованный вашего императорского величества высокого коронования день пожаловать меня нижайшего титулом штатского советника и определить быть в Камор коллегии вице-президентом»<sup>473</sup>. Г. Фик служил в Камер-коллегии с самого ее основания (которым фактически занимался), поэтому его стремление стать в ней вице-президентом объяснимо.

Екатерина I удовлетворила прошение Г. Фика и подписала 8 декабря 1726 года именной указ Верховному тайному совету: «Минувшаго ноября 24 числа то есть в день нашего тезоименитства пожаловали мы... Камор-коллегии советника в штатские советники, которого ныне определите вице-президентом в Комерц или другую коллегию, в которую за благо рассуждено будет»<sup>474</sup>. 19 декабря 1726 года в ВТС было «рассуждено Фика по указу определить в Комерц-коллегию»<sup>475</sup>. Сложно сказать, чем было обосновано это решение назначить Г. Фика не в Камер-коллегию, как он просил в челобитной, а в Комерц-коллегию. Возможно, он сам попросил об этом кого-то из членов ВТС в частном порядке. Вероятно, это назначение было неожиданным для чиновников Комерц-коллегии. На эту должность претендовал советник Комерц-коллегии И.-П. Бакон, он подал прошение об отставке, считая себя несправедливо обойденным. По его признанию, он ранее имел с Г. Фиком «великие дифференции» и «процесси» и считал, что Г. Фик не показывал «никакова знания и искусства ни в комерции, ни в товарах»<sup>476</sup>. Причины

---

<sup>472</sup> Там же. Л. 1094. об.

<sup>473</sup> Там же. Л. 1095.

<sup>474</sup> Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 56. С. 428.

<sup>475</sup> Там же. С. 537.

<sup>476</sup> Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 63. С. 622. Впрочем, мнение Бакона никак не повлияло на карьеру Г. Фика. Прощение Бакон об отставке было удовлетворено уже в правление Петра II, причем у него следовало «отобрать без остатку» все документы, касавшиеся его русской службы: «капитуляции», заключенные им с Г.

недовольства Бакона понятны, но его характеристика Г. Фика представляется не вполне обоснованной. Г. Фик написал проект регламента Коммерц-коллегии, утвержденный Сенатом 3 марта 1719 года, а в 1721 году участвовал в выработке нового регламента Коммерц-коллегии<sup>477</sup>.

В ведении Коммерц-коллегии находились вопросы заграничной торговли, таможенных пошлин, строительства кораблей, судебные дела купцов, экспорт казенных товаров (к ним относились поташ, смольчуг, медь, железо, ремень и другие)<sup>478</sup>. Торговля казенными товарами входила в число первоочередных задач Коммерц-коллегии. Коллегия была обязана своевременно заключать договоры о подряде и заготовке казенных товаров для отпуска за море и искать выгодных для казны иностранных покупателей<sup>479</sup>. В источниках отражено реальное наполнение этой обязанности коллегии и отношение царя к ее выполнению.

В 1728 году поташ (составлявший важную статью российского экспорта) был продан купцу Вольфу дешевле, чем в 1727 году, за что на Г. Фика и других членов Коммерц-коллегии по указу Петра II было наложено строгое взыскание: «за непорядочную иноземцу Вольфу в нынешнем в 1728-м году отдачу поташа, уроненные в цене против 1727 года 1125 ефимков велено взять Коммерц-коллегии на членах, с каждого по пропорции их жалованья да им же сверх того не давать на полгода жалованья»<sup>480</sup>. В августе 1728 года члены Коммерц-коллегии Г. Фик, А. Кассис и О. Соловьев подали челобитную, прося сложить с них штраф и выдать жалованье: «Мы все обременены фамилиями, которые, без милостивого Вашего Величества жалованья за нужду требуют погибнуть, а паче всего, с коим лицом можем на свет являться и с коим кредитом дела Вашего Императорского Величества делать, егда замечены

---

Фиком в 1717 году, оригинал патента и «протчие концепты, писма и документы и ведомости, принадлежащая до коммерции... а без того пашпорту ему и апшита не давать». Сб. РИО. 1888. Т. 63. С. 787.

<sup>477</sup> Анисимов Е.В. Государственные преобразования ... С. 155; Анализ замечаний Г. Фика, написанных им в 1721 году при подготовке новой редакции регламента Коммерц-коллегии см.: Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество. С. 84-88.

<sup>478</sup> Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество. С. 92.

<sup>479</sup> Там же. С. 149.

<sup>480</sup> Сб. РИО. СПб., 1893. Т. 84. С. 538.

находимся характером толь жестокого наказания [...] всеподданнейше просим у ВИВ великодушного прощения и указа о невзыскании положенного на нас штрафа и о выдаче нам жалованья, призря на наш горький плач и рыдание наших фамилий, с которыми вкупе будем теплые возсылати молитвы ко Всевышнему всех попечителю»<sup>481</sup>. Петр II указал снять штраф полугодового жалованья, но недоимку в 1125 ефимков все же велел взыскать<sup>482</sup>. Это решение не удовлетворило Г. Фика, А. Кассиса и О. Соловьева, дважды они подавали челобитные с просьбой не взыскивать с них эти деньги. Лишь 11 июля 1729 года Петр II простил их и освободил от выплаты 1125 ефимков. Это дело тянулось девять месяцев, все это время жалованье членам Коммерц-коллегии не выдавали<sup>483</sup>.

В рамках внутривполитического курса, ориентированного на стабилизацию экономики, в марте 1727 года в Санкт-Петербурге была учреждена Комиссия о коммерции под руководством А.И. Остермана. Задача комиссии состояла в поиске мер по развитию российской коммерции – согласно господствовавшей в тот период теории меркантилизма, торговля считалась основным источником обогащения государства<sup>484</sup>. В 1728 году в комиссию на месяц был вызван вице-президент Коммерц-коллегии Г. Фик для обсуждения присланных им проектов<sup>485</sup>.

Вплоть до середины XVIII века в России остро стояла задача обеспечения монетных дворов серебряным сырьем. В серебре вимали пошлины за ввоз иностранных товаров, полученные таким образом деньги шли в передел при чеканке российской серебряной монеты. Развитие внешнеторгового оборота за счет притока иностранных товаров определялось именно потребностью казны в серебряной иностранной монете<sup>486</sup>. В июне 1730 года начала работу Комиссия о монетном деле, призванная улучшить

---

<sup>481</sup> Сб. РИО. СПб., 1893. Т. 84. С. 538-539.

<sup>482</sup> Там же. С. 538.

<sup>483</sup> Сб. РИО. СПб., 1898. Т. 101. С. 84-85.

<sup>484</sup> Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество. С. 92, 95.

<sup>485</sup> Там же. С. 97.

<sup>486</sup> Там же. С. 156.

положение дел в финансовой сфере<sup>487</sup>. 17 декабря Г. Фик написал «Подданнейшее представление о установлении и исправлении манет»<sup>488</sup>. По оценке Н.Н. Петрухинцева, основные идеи этого представления «почти до мелочей совпали с стабилизационной программой, разрабатываемой комиссией о монете»<sup>489</sup>. Несмотря на то, что Г. Фик подал свое представление 19 января 1731 года, а программа стабилизации денежного обращения в России была разработана и принята правительством к 25 января 1731 года, Н.Н. Петрухинцев отрицает влияние проекта Г. Фика на эту программу<sup>490</sup>. Впрочем, он отмечает, что «к концу аннинского царствования (как бы в силу невольного следствия рекомендациям Г. Фика) была достигнута достаточно рациональная и, возможно, почти оптимальная структура производства монеты в России»<sup>491</sup>. Представляется, что «Подданнейшее представление о установлении и исправлении манет» было подготовлено для комиссии. Это предположение основано на следующих данных источников.

1 декабря 1729 года Г. Фик подал доношение, в котором просил разрешения быть зимой 1729-1730 годов в Москве, «понеже я по подданнейшей моей должности, о некоторых к высокому Вашего Императорского Величества интересу и к государственной пользе принадлежащих предложениях, Вашему Императорскому Величеству донести имею, в том числе и особливо, *каким образом в казну Вашего Императорского Величества из чужестранных краёв, первым водяным путём великая прибыль от серебра, полезным и возможным способом принесена быть может*»<sup>492</sup>. Г. Фик получил разрешение подать свои предложения, однако, в январе 1730 года Петр II умер, и дело с докладом о серебре остановилось.

---

<sup>487</sup> Подробно о деятельности комиссии см.: Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н.Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М., 1985. С. 230-231; Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 66-76; Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. М., 1999. С. 107, 156-157; Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740). М., 2014. С. 71-83.

<sup>488</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 529. Л. 28-32 об.

<sup>489</sup> Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны. С. 81.

<sup>490</sup> Там же. С. 82. Очевидно на том основании, что проект Г. Фика о «исправлении манет» отложился в комплексе документов сенатской Комиссии по рассмотрению нерешенных прошлых лет дел.

<sup>491</sup> Там же. С. 729.

<sup>492</sup> Сб. РИО. СПб., 1898. Т. 101. С. 424.

Комиссия о монетном деле была образована в царствование Анны Иоанновны в июне 1730 года. Очевидно, при начале работы комиссии в Сенате вспомнили о намерении Г. Фика подать предложения по привлечению иностранного серебра, поскольку по указу от 16 сентября 1730 года Г. Фик должен был приехать в Москву и изложить их: «В указе вашего императорского величества ис правительствующего Сената 1730 году сентября 16 дня написано, понеже я в доношении моем прошлого 1729 году декабря 1го дня просил, чтоб мне ехать в Москву для учинения некоторых к интересу и к государственной ползе принадлежащих представлений, а особливо коим бы образом ис чужих краев многую прибыль серебра в казну вашего императорского величества достать можно было, того ради чтоб я прислал в Сенат доношение и во оном о вышеписанном все резоны и сущее обстояние объявил»<sup>493</sup>.

Основное предложение Г. Фика, которое он хотел доложить Петру II заключалось в том, что некие голландские друзья его знакомого иноземца готовы были дать в долг России два миллиона гульденов на десять лет под хорошие проценты, то есть фактически Г. Фик предлагал осуществить государственный заем. Иностранцы требовали немедленного решения, поэтому Г. Фик должен был как можно скорее получить одобрение Петра II. Других предложений по привлечению серебра в 1729 году у него не было. Однако, когда Г. Фик получил указ 16 сентября 1730 года с требованием изложить свои предложения, он начал составлять представление о «исправлении манет», что заняло у него некоторое время: «И по силе того указа с того времени стал я в том труд прилагать в надеянии прежде прошествия 1730 году совсем готову бытии, но понеже за протчими моими також и за очевною моею болезнью в сих кратких днях при свечи писать было мне невозможно, того ради ныне наперво [понеже и для переводу время ж потребуетца]» и готов был отправить его только 19 января 1731 года<sup>494</sup>.

---

<sup>493</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 529. Л. 1.

<sup>494</sup> Там же.

История с предложением по заимствованию денег у голландцев заслуживает особого внимания, поскольку она обнажает скрытые механизмы работы Коммерц-коллегии и, говоря современным языком, коррупционные схемы. Подобные сведения редко находят отражение в источниках. Экспорт казенных товаров происходил через Коммерц-коллегию, иностранным откупщикам могла предоставляться монополия на определенный товар, которая приносила им огромную прибыль<sup>495</sup>. Г. Фик договорился с конкретным купцом о передаче ему монополии на определенный товар. Соответствующее определение Коммерц-коллегии Г. Фик мог обеспечить как ее вице-президент. Ему требовалось как можно быстрее получить разрешение Петра II на заем, чтобы успеть (до начала навигации и рассмотрения предложений других откупщиков) обеспечить решение в пользу «своего» иностранного купца. Однако кончина Петра II, а затем высылка Г. Фика из Москвы без допуска на аудиенцию в Сенат перечеркнула все его планы: «Но в бытность мою в Москве в марте месяце прошлого 1730 году за очевною моею болезнию и за скорую моею оттоле в девятый ден по приезде моем высылкою, чего ради аудиенцию в правительствующем Сенате получить не мог, також и за учиненным после того о продаже казенных товаров другим определением, объявленной иностранец от такой предложенной отдачи серебра отказался»<sup>496</sup>. Наши предположения о сговоре Г. Фика с иностранным купцом подтвердились показаниями самого Г. Фика на следствии в 1732 году: «Иностранный купец сообщил мне, что его друзья в Голландии готовы предоставить Его величеству два миллиона на десять лет на приемлемых условиях, я произвел расчеты и выяснил, что по тогдашнему курсу русской монеты можно за десять лет получить прибыл в три миллиона. Я сообщил об этом из Петербурга его светлости графу фон Остерману и в Верховный тайный совет, который затем постановил, что я должен прибыть в Москву, однако его величество блаженной памяти скончался до подписания указа. Купец

<sup>495</sup> Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество. С. 172.

<sup>496</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 529. Л. 2.

настаивал на скорейшем получении резолюции, чтобы его друзья собрали серебро к началу навигации, я сообщил об этом некоторым министрам в Москву и отметил, что если указ не будет подписан в феврале, то ничего из этого дела не выйдет, к тому же я представил, что пока Ваше императорское величество прибудете из Митавы в Москву, затем последует торжественная встреча, коронация и прочее, в этом деле будет большая остановка, а я надеялся не только принести пользу Вашему величеству, но и получить ссуду у этих купцов, чтобы расплатиться с долгами, возникшими у меня после покупки имения»<sup>497</sup>.

Вместе с представлением о «исправлении манет» Г. Фик подал 19 января 1731 года и представление, «коим образом город Санкт Питербурх исправлен и людьми размножен быть может», написанное им 23 ноября 1730 года<sup>498</sup>. Г. Фик так объяснял причины составления этого документа: «чтоб сей с великими коштами построенной и многоубыточною войною защищенной, и ныне ходом ладожского канала счастлив учиненной и по всей Европе уже честию прославленной город Питербурх всякими мерами сохранен и в доброе состояние приведен и содержан быть мог, но понеже оной после высокого императорского отлучения в Москву весма опустел и разорен, что в болших в двух линиях в лутчих каменных полатах по Неве реке едва пять, а на всем васильевском острову едва 10 фамилий знатного достоинства жителство имеют, да и в некоторых первым сего государства фамилиям принадлежащих полатах вывешены вывески или знаки простых волных домов, от чего хозяевам честь невеликая, а иные дома токмо начаты, иные ж в половину построены, а иные и весма готовы, а ныне те дома паки весма развалились и разорены, и понеже меня яко верного подданного присяжная моя должность

<sup>497</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп 1. Д. 171. Ч. I. Л. 206-207. (Перевод с нем. яз. мой – Я.Л.). Возможно, с похожей схемой связано возникновение недоимки при продаже по более низкой цене поташа купцу Вольфу, у которого (как нам удалось установить) Г. Фик занимал деньги.

<sup>498</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 529. Л. 1. Текст представления: Там же. Л. 3-27 об. В 2007 году Т.А. Базарова опубликовала этот документ по копии конца XIX-начала XX, находящейся в архиве Санкт-петербургского отделения Института истории Российской академии наук (Архив СПбИИ РАН): Подданнейшее представление о исправлении города Санкт-Питербурха и размножении во оном жителей // Меншиковские чтения. 2007: Материалы чтений. СПб., 2007. С. 99-117.

обязует всякими мерами Ея императорского величества и государства ползу производить и поспешествовать»<sup>499</sup>. Пространное представление состоит из 17 пунктов, они посвящены проблемам экономического развития города (пункты «О магистрате», «О мещанских промыслах», «О дворах и домах»), улучшения полиции, «а полицейская главная должность состоит в том, что к безопасности и к покою жительства всенародного принадлежит»<sup>500</sup> (пункты «О полиции», «О нищих и пьяницах», «О смирительных и прядильных дворах»), обустройстве городского быта («Об улицах и берегах», «О коммуникации между островами», «О иллюминациях», «О приморских дворах и деревнях»), правовому регулированию («О долговых протоколах и крепостях», «О мещанских правах и платеже 10-й деньги») и положению иностранцев в России и Санкт-Петербурге («О вольности в вере», «О праздниках», «О вольности чужестранным нациям»)<sup>501</sup>. Помимо представлений Г. Фика, этот проект отражает реалии городской жизни в Санкт-Петербурге, сложившиеся после переезда двора в Москву, и значительно дополняет свидетельства немногочисленных для рассматриваемого периода источников личного происхождения.

После 1725 года преобразовательная деятельность в России была приостановлена, что обусловило снижение интереса правительства к проектам Г. Фика. Он получил чин статского советника и вице-президента Коммерц-коллегии, которыми определялось его формальное положение в России. В начале царствования Анны Иоанновны, в ноябре-декабре 1730 года Г. Фиком были составлены обстоятельные проекты по улучшению экономического положения в России и Санкт-Петербурге, однако, они не были реализованы, поскольку в 1731 году Г. Фик был арестован.

<sup>499</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 529. Л. 3.

<sup>500</sup> Там же. Л. 9.

<sup>501</sup> Подробнее см.: Базарова Т.А. Генрих Фик и его проект «об исправлении города Санкт-Петербурга и размножении в оном жителей». С. 24-29; Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны. С. 391-393.

Не оспаривая роль Петра I как основного вдохновителя реформ, необходимо отметить вклад Г. Фика в их подготовку и проведение<sup>502</sup>. В течение 1718-1721 годов Г. Фик *одновременно* работал по нескольким направлениям: обобщал данные шведских источников и составлял аналитические записки о работе шведских учреждений; продумывал проекты штатов и регламентов коллегий, Генерального регламента, регламента Главного магистрата; составлял проекты для судебной и губернской реформ; искал служащих для коллегий, занимался бытовым обустройством служащих из иностранцев и пленных шведов; следил за переводом своих проектов на русский язык, добивался резолюций, обсуждал устройство коллегий с назначенными в них президентами. Примечательно, что в «Повседневных записках делам князя А.Д. Меншикова» 9 января 1719 года Г. Фик назван *«господин калегии деректор Фик»*, что прямо указывает на отношение к нему как к человеку, управлявшему общим устройством коллегий<sup>503</sup>. В 1722-1723 годах Г. Фик участвовал в пересмотре реформ, в корректировке работы введенных учреждений, таким образом, на протяжении пяти лет с 1718 по 1723 год Г. Фик был весьма активно вовлечен в преобразовательный процесс.

Участие в реформах Петра I является значительной, но не единственной частью служебной биографии Г. Фика. Как удалось установить, шведская разведывательная миссия по сбору информации для реформы государственного управления не была единичным эпизодом в службе Г. Фика. Согласно данным источников, он обеспечивал разведывательную активность России в Швеции по крайней мере до 1720 года.

После кончины Петра I в 1725 году произошли изменения в среде приближенных к монарху лиц, а правительством был пересмотрен политический курс. Многие преобразовательные решения, над которыми в 1718-1723 годах работал Г. Фик, были отменены или пересмотрены, а сам он потерял особый статус консультанта и востребованного «прожектера». В 1726

<sup>502</sup> Прокопенко Я.И. «Политический инженер» Генрих фон Фик. С. 325. Сн. 1.

<sup>503</sup> Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. С. 284.

году Г. Фик был назначен вице-президентом Коммерц-коллегии и сосредоточил свое внимание на коллежских делах. Комплексный анализ источников позволил обнажить скрытые механизмы принятия решений в Коммерц-коллегии и дополнить представления о деятельности Г. Фика на посту ее вице-президента. С приходом к власти Петра II Г. Фик попытался поправить свое финансовое и социальное положение, однако неожиданная кончина молодого императора и приход к власти Анны Иоанновны помешали этим планам.

### Глава 3. Социальная адаптация Г. Фика в России

Под социальной адаптацией Г. Фика как служилого иноземца в России подразумевается обустройство им своей жизни в местной системе общественных координат<sup>504</sup>. Обращение к этой теме позволит ответить на следующие вопросы. Как иноземец пытался встроиться в русский жизненный и политический контекст? Менялись ли положение и социальный статус Г. Фика на протяжении его службы в России? Каким образом? От чего зависели эти перемены? Освещение этих вопросов, в свою очередь, существенно дополняет биографические сведения о Г. Фике и путях интеграции иноземцев в российское общество, а также выводит исследование на более широкую проблематику – о характере политической антропологии российского самодержавия, культурных механизмах функционирования власти, представлениях о ней в обществе, о сети патронажно-клиентских отношений и других формах политического поведения<sup>505</sup>. Для ответа на поставленные вопросы необходимо рассмотреть социально-правовой статус, социальные связи и материальное положение Г. Фика *в динамике*, на протяжении всей его службы в России.

#### 3.1. Социально-правовой статус Г. Фика в России

Генрих Фик как уроженец вольного города Гамбурга был подданным императора Священной Римской империи. В 1717 г. император Карл VI даровал ему потомственное дворянство<sup>506</sup>. В России Г. Фик принадлежал к слою служилых иноземцев: «Иноземцы считаются те, которые приехали из иных государств и вступили в службу»<sup>507</sup>. Положение иностранцев,

---

<sup>504</sup> Прокопенко Я.И. Генрих Фик и процесс интернационализации ... С. 149.

<sup>505</sup> Курукин И.В. Бирон. М., 2006. С. 23.

<sup>506</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. II. Л. 203-208.

<sup>507</sup> ПСЗ. Т. 6. №3937. С. 535.

приехавших на службу в Россию при Петре I регулировалось законодательными актами и условиями персональных патентов, на основании которых они поступали на русскую службу (в них оговаривались индивидуальные условия службы: должностные обязанности, размер жалованья, особые права и привилегии). Манифест Петра I от 16 апреля 1702 г., разосланный в страны Европы с целью привлечения иностранцев на русскую службу, провозглашал четыре основных права для иностранцев, желающих приехать в Россию: свободный пропуск в Россию, свобода вероисповедания, сохранение правового статуса и подданства, право на свободный выезд из России<sup>508</sup>. Г. Фик и другие иностранцы, поступившие на русскую службу в государственные учреждения, придавали большое значение соблюдению этих условий. Об этом свидетельствует следующий эпизод.

Согласно сенатскому указу от 22 августа 1719 г., для допуска к сведениям о доходах и расходах страны, а также к другой секретной информации все иностранцы, находившиеся на гражданской службе, должны были принести в Сенате присягу по особой форме. В частности, формуляр содержал следующее выражение: «Аз нижеимянованный обещаюсь и клянусь... что *хочу и должен...* Петру Первому, Царю и Всероссийскому самодержцу ... и его государевой супруге Екатерине Алексеевне и их наследникам, в вечной службе яко природным, истинным, верным, добрым и *послушным рабом и подданным быть*»<sup>509</sup>. Иноземцы, занимавшие высшие посты в коллегиях<sup>510</sup> отказались принести присягу по объявленной форме и представили в Сенат донесения, в которых объясняли причины отказа. Среди них был и Г. Фик, он подал 21 сентября 1719 г. свое доношение, в котором писал: «Требуемого от меня тяжкого обязательства остаться навсегда в России

<sup>508</sup> ПСЗ. Т. 4. СПб., 1830. №1910. С. 192-193; Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и её жители в конце XVII – первой четверти XVIII века. М., 1998. С. 54.

<sup>509</sup> Поленов Д.В. О присяге иноземцев ... Стлб. 1729-1730.

<sup>510</sup> Вице-президент Ревизион-коллегии Иоганн Шмиден, член Военной коллегии генерал-лейтенант Шлиппенбах, вице-президент Камер-коллегии Магнус Нирот, вице-президент Юстиц-коллегии Герман Бреверн, советники Юстиц-коллегии Сигизмунд Адам Вольф и Ганс Стрик. Поленов Д.В. О присяге иноземцев. Стлб. 1731-1736.

я исполнить не могу. Хотя нимало не намерен отступить от заключенных со мною условий, но природную свою вольность за деньги или за какое другое богатство не променяю»<sup>511</sup>. Сенат принял во внимание доводы иностранцев – 30 июля 1720 г. Г. Фик в числе других принес в Сенате при пасторе Шаттнере присягу «на верность», а не на «вечность» службы, сохранив таким образом свой правовой статус иностранного подданного<sup>512</sup>. В 1729 г. в Верховный тайный совет была представлена поименная роспись, в каких коллегиях «имеется членов иноземцев налицо», и среди прочих был упомянут «вице-президент Гиндрик Фик»<sup>513</sup>.

В дальнейшем появились многочисленные указы, затрагивавшие различные аспекты жизни и службы иностранцев в России, однако, при обращении к монарху, Сенату и другим властным институтам, Г. Фик апеллировал в первую очередь к условиям своего патента, подписанного Петром I 23 января 1717 г. В патенте было закреплено обещание царя, что «во всяких случаях наша милость и защищение против других ему показана будет»<sup>514</sup>. Сохранился черновик патента Г. Фика, при его сопоставлении с окончательным вариантом, подписанным царем, удалось выявить, как Петр I оценивал правовой статус Г. Фика, пусть и заслуженного, но – иноземца. В черновике Г. Фик будет «при всяких случаях и процессах и делах *по немецкому обыкновению и правам* трактован»<sup>515</sup>, а в окончательной редакции: «во всяких случаях *наша милость* и защищение против других ему показана будет»<sup>516</sup>. Фактически царь перемещал иноземца в российское правовое поле, лишь *в индивидуальном порядке даруя ему свою милость*. Таким образом, положение Г. Фика в России зависело от того, будут ли наследники Петра I выполнять обозначенные в патенте «капитуляции» так же «нерушимо».

<sup>511</sup> Поленов Д.В. О присяге иноземцев ... Стлб. 1738.

<sup>512</sup> Там же. 1760.

<sup>513</sup> Сб. РИО. СПб., 1894. Т. 94. С. 661.

<sup>514</sup> Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 56. С. 117.

<sup>515</sup> РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. Д. 110. Л. 1 об.

<sup>516</sup> Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 56. С. 117.

Г. Фик был уверен в своем привилегированном положении (закрепленном в патенте) по отношению к другим иностранцам и впоследствии неоднократно подчеркивал свой особый статус: «Данный мне патент и включенные в него капитуляции ставят меня в *исключительное положение* против других иностранцев»<sup>517</sup>. Подобное преимущество, по мнению Г. Фика, ему гарантировали не только условия патента, но и его особые заслуги, в первую очередь, успешная шведская миссия: «О трудах же и усердии, оказанных мною преимущественно перед прочими чужестранцами, Правительствующему Сенату известно более, чем кому-либо другому»<sup>518</sup>. В 1726 г. он писал и в челобитной Екатерине I: «всеподданнейше прошу... по силе оной блаженной и вечно достойной памяти Его императорского величества данной мне капитуляции во всяких случаях со мною поступать и в *случающихся переменах* (законодательства о положении иностранцев – Я.Л.) *меня с другими служителями иноземцами не смешивать*»<sup>519</sup>.

Патент Г. Фика содержал и другой пункт, который был второй опорной точкой его социальной стратегии в России: «когда он нам и нашему престолу двенадцать лет выслужит и ... в Эстляндии и Лифляндии жить похочет, и тогда ему абшид и пашпорт на всю его фамилию дан и без всякого удержания он... с милостию нашею отпущен будет. И к тому ж ему милостиво обещаем, что ежели он по прошествии тех двенадцати лет более в наших землях и области останетца и своих детей во оных поселит, то он и потомство его всегда, против других в государствах наших и службе обретающихся чужеземцев свободное отправление веры и протчие вольности и привилегии иметь, и во всяких случаях наша милость и защищение против других ему показана, будет»<sup>520</sup>. Г. Фик стремился получить земельные владения в Лифляндии и Эстляндии, чтобы реализовать свое право жить там без службы на положении остзейского помещика. Как отмечал М.Ю. Катин-Ярцев, для небалтийских немцев на

<sup>517</sup> Поленов Д.В. О присяге иноземцев ... Стлб. 1737.

<sup>518</sup> Там же.

<sup>519</sup> Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 56. С. 115.

<sup>520</sup> Там же. С. 116-117.

русской службе становилось привлекательным закончить свои дни в лифляндском поместье, а остзейские рыцари, в свою очередь, с готовностью включали влиятельных немцев в свои ряды, чтобы защищать свои интересы при императорском дворе<sup>521</sup>.

Г. Фик, как крупный землевладелец, получил право подтвердить в Лифляндии и Эстляндии свое дворянство Священной Римской империи. 23 февраля 1731 г. по его поручению были уплачены необходимые сборы для получения диплома, подтверждавшего признание его дворянства в Лифляндии: «в рitterschaftскую казну<sup>522</sup> за обещанную ему Фику диплому о братенстве, положенную сумму в рittersкой дом, а именно 100 ефимков також и на канцелярские расходы за отправление оной дипломы 31  $\frac{3}{4}$  ефимок албертовой»<sup>523</sup>. Ассессор Глюк и секретарь Юстиц-коллегии эстляндских и лифляндских дел Гагемейстер подтвердили, что Г. Фик также получил подобный диплом и в Эстляндии, причем Гагемейстер даже держал этот диплом в руках и просматривал его<sup>524</sup>. Таким образом, в 1731 г. социальное положение Г. Фика изменилось – из служилого иностранца он превратился в полноправного остзейского помещика, на которого распространялись права и привилегии остзейского дворянства.

С 1717 по 1726 г. Г. Фик был советником Камер-коллегии, а с 1726 г. – вице-президентом Коммерц-коллегии и статским советником. Согласно Табели о рангах вице-президент коллегии приравнивался к бригадирскому рангу и относился к первым пяти классам, к политической элите общества, так называемому «генералитету». По подсчетам Н.Н. Петрухинцева, через коллежскую систему в русскую политическую элиту могло попасть максимум 20 человек<sup>525</sup>. Таким образом, за время службы в России Г. Фику

<sup>521</sup> Катин-Ярцев М.Ю. Балтийско-немецкое дворянство на русской службе. С. 40.

<sup>522</sup> „an die Ritter-Cassa wegen des dem gedachten Fick conferirten Diplomatis juris Indegenatus“. РГАДА. Ф. 248. Оп. 19. Кн. 1244. Л. 268 об., 269 об.

<sup>523</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 19. Кн. 1244. Л. 269 об.

<sup>524</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 294 об.-295.

<sup>525</sup> Петрухинцев Н.Н. Немцы в политической элите России. С. 66, 84; Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 69. С. 605-606.

удалось добиться высокого социального статуса и фактически высшего чина, доступного иностранцу в России<sup>526</sup>. По именному указу Анны Иоанновны Г. Фик был в 1732 г. лишен всех чинов и сослан в Сибирь<sup>527</sup>. После возвращения из ссылки Г. Фик был восстановлен в чинах.

### 3.2. Социальные связи и патрон-клиентские отношения Г. Фика

Перед тем, как обратиться к социальным связям Г. Фика, кратко обозначим опыт социального поведения, усвоенный им ко времени приезда в Россию. В рассматриваемый период общественные отношения в европейских странах регулировались на основе системы клиентел, пронизывающей весь социум сверху донизу. Вокруг принцев, фаворитов, министров, и влиятельных аристократов группировались разветвленные клиентелы. В их состав входили придворные, чиновники центральной и местной администрации, военные, столичные и провинциальные дворяне, финансисты и негоцанты. У многих из них, в свою очередь, тоже образовывались клиентелы. Влиятельные патроны помогали сделать карьеру, получить титул, орден или иную монаршую милость, решить дело в суде, заключить сделку. Возникающая таким образом сеть социальных связей была основана на принципах личной заинтересованности, верности и выгоды<sup>528</sup>.

Патрон-клиентские отношения были основаны на личных отношениях клиента и патрона. Положение клиента было зависимым и неустойчивым, он мог в любое время впасть в немилость, и должен был постоянно напоминать о себе – если он долго не общался со своим патроном, то мог упустить удобный случай для решения своих дел или вообще утратить эту связь. Клиенты делали патронам небольшие подарки (например, ружье, фрукты), выполняли их

<sup>526</sup> Прокопенко Я.И. Генрих Фик и процесс интернационализации... С. 177.

<sup>527</sup> Сб. РИО. Юрьев, 1898. Т. 104. С. 144.

<sup>528</sup> Пименова Л.А. Социальные иерархии и «цивилизация нравов» // Всемирная история в 6-ти томах. Т. 4. Мир в XVIII веке / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2013. С. 86.

поручения, служили источником информации. Личная верность, лояльность и благодарность были ключевыми понятиями патрон-клиентских отношений. Так, патрон мог рассердиться на своего клиента, если выяснялось, что тот обращался за содействием в своих делах к другому влиятельному человеку<sup>529</sup>.

В 1721 году Г. Фик составил «Реляцию, каким образом молодая графы, бароны и шляхтичи в Швеции к государственным службам воспитаны и потом употреблены бывают», в которой описал устройство шведской системы образования, критерии отбора служащих на государственную службу, пути получения должностей и повышения по службе. В «Реляции» отражен известный Г. Фику, традиционный для Швеции первой половины XVIII века механизм функционирования патрон-клиентских отношений. При выборе военной карьеры «родители сына своего в такой полк отдать могут, где полковник или иной офицер их приятелем или сродником есть, которой молодому шляхтичу стол свой дает, от худой кампании его удерживает и ко всем шляхетным обучениям и воинским делам более приводит, и тогда он чины снизу проходит, однакож по его состоянию и достоинству скорее, нежели подлых людей дети, произведен бывает»<sup>530</sup>. На гражданскую службу «те сыновья, которые от родителей в гражданскую службу определены и воспитаны суть, вступают во оную чрез различные способы, потому как они от какого поколения от знатного или мелкого, богатого или бедного шляхетства происходят, *каких патронов или сильных сродников* они имеют и какой понятности они суть»<sup>531</sup>; «иные от богатых свойственников или патронов, которые в службе обретаются, приняты и к будущим службам в

<sup>529</sup> Persson, Fabian. En hjälpande hand. Principiella aspekter på patronage i förhållande till nepotism och meritokrati under stormaktstiden // Scandia. 1993. Bd. 59. №1. S. 54, 56-58, 60-61. Также см.: Gaunt, David. Utbildning till statens tjänst. En kollektivbiographi av stormaktstidens hovrättsauskultanter. Uppsala. 1975; Klient och patron. Befordringsvägar och ståndscirkulation i det gamla Sverige. (ed. von Platen, Magnus) Borås. 1988; Persson, Fabian. Att leva på hoppet – om den misslyckade klienten // Historisk Tidskrift. 1992. № 3. S. 316-321.

<sup>530</sup> Реляция, каким образом молодая графы, бароны и шляхтичи в Швеции к государственным службам воспитаны и потом употреблены бывают (подг. к публ. Я.И. Лариной) // «Регулярная академия учреждена будет...». Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / ред. И. Федюкин, М. Лавринович. М., 2015. С. 93.

<sup>531</sup> Реляция ... С. 93-94.

делах определены бывают»<sup>532</sup>. Из-за высокой конкуренции молодым дворянам было непросто получить должность: «чины они все чрез домогательство, прошение, рекомендации чрез патронов и чрез подарки ищут и получают»<sup>533</sup>. Впрочем, исследователи предостерегают от смешения понятий непотизма (кумовства) и патроната, поскольку в системе патроната повышение по службе и другое содействие получали способные люди, и становление государства Нового времени способствовало обновлению правящей верхушки в целом на основе меритократических принципов<sup>534</sup>. В «Реляции» Г. Фик также отмечал, что молодые дворяне получали должность, смотря «какой понятности они суть».

Г. Фик первоначально был привлечен к выполнению разведывательного задания государственного значения, за ходом которого пристально следил сам Петр I. Это определило его близость к влиятельным российским вельможам, сенаторам, «министрам». Генерал-фельдцейхмейстер Яков Брюс организовал приезд Г. Фика в Россию, генерал Адам Вейде «курировал» его в Германии, передавал царю его просьбы и сведения о результатах его деятельности, а Г. Фику – приказания царя. В 1717 году дочь Вейде была записана в качестве одной из восприемниц на крестинах дочери Г. Фика<sup>535</sup>. В 1715 году перед отправкой в Швецию Г. Фик общался с А.Д. Меншиковым, А.В. Макаровым, получил рекомендательное письмо к русскому послу в Копенгагене В.Л. Долгорукому, и инструкции от самого царя.

Последующая работа над подготовкой коллегиальной реформы предусматривала тесное сотрудничество Г. Фика с президентами коллегий, которые должны были обращаться к нему за разъяснениями при создании своих учреждений. Таким образом Г. Фик получил доступ к П.П. Шафирову, П.А. Толстому, Д.М. Голицыну. Он использовал эту возможность для обсуждения и решения вопросов, не связанных с деятельностью коллегий. В

---

<sup>532</sup> Реляция ... С. 94.

<sup>533</sup> Там же. С. 96.

<sup>534</sup> Persson, Fabian. En hjälpande hand. S. 50-51; Пименова Л.А. Социальные иерархии ... С. 83.

<sup>535</sup> Прокопенко Я.И. Генрих Фик и процесс интернационализации ... С. 160-161.

его служебной биографии есть эпизод, который показывает, как работали скрытые пружины внутренней политики.

После присоединения прибалтийских провинций к России, их жители стремились сохранить свои правовые и торговые привилегии, обойти ограничения, введенные в России в условиях монополизации государством торговли определенными видами товаров. В 1718 году магистрат Риги обратился к П.П. Шафирову с просьбой лоббировать интересы города. П.П. Шафиров согласился оказывать общее содействие, но предложил рижанам для более активных действий отправить в Петербург своего представителя. В магистрате сочли это неудобным и дорогостоящим и решили справиться у Г. Фика, не согласится ли он за вознаграждение в двести рейхсталеров быть уполномоченным Риги и решать дела города в Петербурге. Практика защиты интересов, решения дел по поручению была обычной частью системы клиентел в Европе. De facto эта деятельность представляла собой лоббирование интересов определенной заинтересованной стороны, ей придавалось большое значение<sup>536</sup>. По мнению Г. Фика, в России эта практика не была распространена, поэтому могла быть превратно истолкована: *«здешнему двору неизвестно, как производятся такие дела, и подобная деятельность может быть принята за злое намерение»*. Он отказался исполнять роль официального агента или поверенного в делах города также из-за недостатка свободного времени<sup>537</sup>. По совету П. Шафирова Г. Фик предпочёл остаться в тени, направляя действия доверенного лица: *«Я <...> страстно желаю помочь моим господам бургомистру и [городскому] совету по мере сил и возможностей, и говорил о том с господином бароном фон Ш. (Шафировым – Я. Л.), который посоветовал мне принять предложение, но заниматься этими вопросами не лично, но направлять под чужим именем действия способного человека; мне кажется подходящей кандидатура нынешнего секретаря Ревизион-коллегии (Иоганна Остервальда – Я.Л.),*

<sup>536</sup> Persson, Fabian. En hjälpande hand. S. 56.

<sup>537</sup> Aktenstücke und Urkunden zur Geschichte der Stadt Riga. Riga, 1902. Bd. I. 1710-1725. S. 285.

который через 2 месяца будет здесь (в Санкт-Петербурге – Я.Л.), поскольку он деятелен, русскому, немецкому, французскому и шведскому языку искусен. К тому же знатные люди к нему хорошо относятся, так как он был секретарём одного из наших министров, так что влиятельным персонам он уже известен», - писал Г. Фик 2 мая 1718 года<sup>538</sup>.

Помощь Риге требовалась по следующим причинам. В 1717 году был издан указ, требовавший «чтоб вновь никакого золота и серебра пряденного и волоченнаго не носили, и ни где не употребляли, а донашивали б старые, а вновь отнюдь не делали, под великим штрафом». Речь шла не только о ткани, материях, но и о мелочном товаре – позументах, лентах и шнурах с золотом, обо всех товарах, созданных с использованием золота или серебра. Позволялось носить материи только китайского, персидского и российского производства. Ткани иного производства запрещались к ввозу и продаже на территории Российской империи. Имевшиеся у купцов импортные ткани требовалось продать<sup>539</sup>. Эта мера должна была способствовать развитию российских мануфактур – в том же 1717 году Апраксин, Шафиров и Толстой получили исключительное право на создание фабрики «всяких материй и парчей» с правом продавать их по всей России беспошлинно в течение 50 лет<sup>540</sup>. Российское производство планировали наладить в течение двух лет, то есть с 1719 года, на это время иностранными «парчами» позволили торговать голландским купцам Тамесу и Борсту – прямым конкурентам рижских купцов<sup>541</sup>. Перед Г. Фиком стояла непростая задача обойти голландцев, с помощью П.П. Шафирова и П.А. Толстого добиться у царя разрешения для Риги торговать соответствующим мелочным товаром, и добиться чёткой резолюции по этому вопросу. Дело осложнялось тем, что «оба вышеупомянутых министра (П.А. Толстой и П.П. Шафиров – Я.Л.) являются

<sup>538</sup> Прокопенко Я.И. Генрих Фик и процесс интернационализации ... С. 165; *Aktenstücke und Urkunden zur Geschichte der Stadt Riga*. Bd. I. S. 285-286.

<sup>539</sup> ПСЗ-1. Т. 5. № 3127. С. 525.

<sup>540</sup> ПСЗ-1. Т. 5. №. 3357. С. 692; Прокопенко Я.И. Генрих Фик и процесс интернационализации ... С. 165-166.

<sup>541</sup> *Aktenstücke und Urkunden zur Geschichte der Stadt Riga*. Bd. I. S. 289., ПСЗ-1. Т. 5. №. 3357. С. 692.

также владельцами новых мануфактур и, следовательно, теми, кто инициировал запрет»<sup>542</sup>.

23 мая 1718 г. Г. Фик писал рижскому бургомистру Бенкендорфу, что «встретился с его светлостью господином тайным советником фон Шафировым и к большому удовольствию нашел там же его светлость господина тайного советника ф[он] Толстого, назначенного президентом государственной Коммерц-коллегии, затем им обоим я представил довольно вразумительные доводы и в итоге получил от них разъяснение, что городу Риге будет позволено, как и прежде, торговать запрещённым в России мелочным товаром, но под великим штрафом ничего нельзя продавать сюда или в другие провинции, находящиеся под русским скипетром»<sup>543</sup>. Более того, «его светлость господин тайный советник Толстой взял на себя обязанность уладить это дело с его Величеством» и предложил Г. Фику озаботиться переводом соответствующего всеподданнейшего мемориала от Риги на русский язык<sup>544</sup>.

Г. Фику удалось добиться решения этого дела в пользу Риги. По указу от 30 апреля 1719 года Риге была разрешена торговля импортными «парчами», но, как и писал в 1718 году Г. Фик, не «внутри Российского Государства»<sup>545</sup>. По указу от 3 сентября 1720 года «О неприводе в Россию, кроме Риги и Ревеля, золотых, серебряных и шёлковых материй» было определено, что «в Риге и в Ревеле штофов и парчей как вывозу, так и продаже по прежним указам быть свободно, только в тех городах и уездах тамошним жителям, и Российскому народу для вывоза в Российские города и уезды ... не вывозить»<sup>546</sup>. По тому же указу конкуренты Риги голландцы вовсе лишались права торговли

<sup>542</sup> Aktenstücke und Urkunden zur Geschichte der Stadt Riga. Bd. I. 1710-1725. S. 287.

<sup>543</sup> Ibid. S. 287.

<sup>544</sup> Ibid; Прокопенко Я.И. Генрих Фик и процесс интернационализации ... С. 166-167.

<sup>545</sup> ПСЗ-1. Т. 5. № 3359. С. 696.

<sup>546</sup> ПСЗ-1. Т. 5. №3 639. С. 237.

«парчами» в России, а купцы из Ревеля и Риги фактически могли торговать во всех прибалтийских провинциях и перепродавать их иностранным купцам<sup>547</sup>.

Большое значение для Г. Фика имел Кабинет-секретарь царя А.В. Макаров. Г. Фик называл его в своих письмах «высокосклонным благодетелем» и «высокопочтенным патроном»<sup>548</sup>. Обращение к А.В. Макарову со своими проблемами было широко распространённой практикой среди самых высокопоставленных особ государства. Его корреспонденты просили предстательствовать за них перед царём, ускорить решение их дел, доложить о них «во благополучное время». Эта формула стала стереотипной в письмах, адресованных Кабинет-секретарю<sup>549</sup>. Её использовал и Г. Фик: «...прошу вашего благородия да соизволите, получа благовремениаго часу, Ево величеству донести, что имею я некоторые важные дела для предложения»<sup>550</sup>. Г. Фик обращался к А.В. Макарову для решения различных вопросов. В 1719 году он просил устроить ему аудиенцию у царя; добиться у А.М. Черкасского разрешения «некоторые малые вещи из Китайской земли вывезть»<sup>551</sup>, в 1720 году – разрешения на строительство деревянных изб в условиях запрета на деревянное строительство в Петербурге<sup>552</sup>. В 1720 году он также писал: «прошу вашего благородия да соизволите его царскому величеству доложить, что многие разные и важные как коллежские, так и протчие государственные дела имею его величеству показать»<sup>553</sup>.

А.В. Макаров сыграл ключевую роль в деле пожалования Г. Фику земельных владений. Царь выразил желание пожаловать Г. Фика, однако, окончательное решение этого вопроса постоянно откладывалось. В марте 1720 года Г. Фик писал А.В. Макарову: «Мой склонный и высокопочтенный патрон,

<sup>547</sup> ПСЗ-1. Т. 5. № 3639. С. 235-237. Прокопенко Я.И. Генрих Фик и процесс интернационализации ... С. 167.

<sup>548</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 48. Л. 670, 671, 675.

<sup>549</sup> Павленко Н.И. Сора́тники Петра. С. 266; 264-268.

<sup>550</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 42. Л. 519.

<sup>551</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 48. Л. 670; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 42. Л. 519.

<sup>552</sup> В Санкт-Петербурге было запрещено деревянное строительство без особого разрешения. РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 48. Л. 673.

<sup>553</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 48. Л. 675 об.

понеже ныне за реку ездить опасно, того ради всеусердно прошу, чтоб ваше благородие изволил в сих днях случай сыскать доложить его царскому величеству о посуленных мне мызах и о закреплении оногo дела прежде, нежели лед вскроетца и море чисто будет, для того, что я опасаяся, ежели ныне не зделаетца, то после оное дело паки до будущей зимы останетца, в чем мне немалое беспокойство учинитца, и уповаю я, что ваше благородие в совершении оногo дела попечение иметь будете, как и о зачинании имели, за что обещаю оказать вам мою надлежащую должность»<sup>554</sup>. В сентябре 1720 года Г. Фику пришлось вновь напоминать А.В. Макарову об этом деле: «Вашему благородию еще паметно да будет, что его величество в то воскресение, когда на Олониц шли, соизволили обещать меня маестностями в Лифляндии пожаловать; ваше благородие и *господин генерал Ягушински* сами мне тогда о сей доброй ведомости изволили известить сим предложением, чтоб я оные приискал. <...> видел я, что другие маестностями пожалованы, а я один в забвение поставлен; того ради вашего благородия всеусердно прошу, да соизволите по достоинству чина своего сие дело у его величества произвести ко окончанию, и известитца, позволено ль мне будет мемориал его величеству особе подать или вашему благородию вручить, и о сем малом деле с вами окончание возиметь»<sup>555</sup>. Представления о решении подобных дел дополняет любопытная деталь: «Воскресенье поутру буду у церкви ожидать, дабы мне известну быть о соизволении его величества»<sup>556</sup>. В декабре 1720 года дело было решено, Г. Фик получил земельные владения в Лифляндии<sup>557</sup>.

Г. Фик обращался и к П.И. Ягужинскому – это видно из текста письма, приведенного выше, и из его письма Бенкендорфу от 27 июня 1718 года: «Поскольку сегодня празднуется годовщина Полтавской баталии, кратко сообщая, что я говорил с его светлостью господином тайным советником Толстым и господином генерал-майором Ягужинским, которые заверили

<sup>554</sup> Там же. Л. 675-675 об.

<sup>555</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 48. Л. 671-671 об.

<sup>556</sup> Там же. Л. 672.

<sup>557</sup> Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 69. С. 244.

меня, что будут следить за тем, чтобы не предпринималось ничего против интересов города Риги»<sup>558</sup>. В июле 1718 года П.И. Ягужинский передавал А.В. Макарову просьбу Г. Фика выделить деньги посланным от него в Швецию агентам: «всего пятьсот рублей и о сем подал он (Фик – Я.Л.) ведомость за своею рукою, с которой при сем посылаю к вашей милости копию и притом доношу, дабы вы изволили свой труд и о выдаче оных денег [буде довлеет] прислать сюды указ. Есмь и остаюсь послушный слуга ваш моего государя П. Егушинской»<sup>559</sup>.

К 1718 году относятся первые контакты Г. Фика с князем Д.М. Голицыным<sup>560</sup>. В 1718-1722 годах князь Д.М. Голицын был президентом Камер-коллегии, в которой Г. Фик состоял советником. По словам самого Г. Фика, зафиксированным в его «розыском деле», он «был вхож к этому господину по следующей причине: сразу по введении государственных коллегий Его императорское величество блаженной памяти в 1718 году назначил помянутого князя президентом Камер-коллегии, в которой обвиняемый (здесь и далее имеется в виду Г. Фик – Я.Л.) был советником, и многие тогда говорили обвиняемому, что князь Голицын не особенно любил иностранцев <...> поэтому обвиняемый счел в высшей степени необходимым снискать его милость и настолько в этом преуспел, что князь занял его сторону в конфликте с Меншиковым, который произошел в 1719 или 1720 году<sup>561</sup>. Впоследствии во время заседаний в Камер-коллегии обвиняемый заметил, что князь [Голицын] вовсе не был другом лифляндцев и эстляндцев и стремился всеми способами лишить их всех привилегий, подтвержденных Его императорским величеством блаженной памяти [Петром I]»<sup>562</sup>. Г. Фик

<sup>558</sup> Aktenstücke und Urkunden zur Geschichte der Stadt Riga. Bd. I. S. 291.

<sup>559</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 38. Л. 107.

<sup>560</sup> Традиционно в историографии Г. Фик представляется консультантом Д.М. Голицына в деле составления «кондиций» в 1730 году. См. например: Пекарский П.П. Указ. Соч. С. 203-204; Милуков П.Н. Верховники и шляхетство // Из истории русской интеллигенции. СПб., 1903. С. 26. Протасов Г.А. «Кондиции» 1730 г. и их продолжение // Учёные записки Тамбовского педагогического института. 1957. Вып. 15. С. 218-219. Характер отношений Г. Фика с Д.М. Голицыным в 1730 году и гипотеза об их предполагаемом сотрудничестве будут подробнее рассмотрены в 4 главе.

<sup>561</sup> Подробнее об этом конфликте см. далее.

<sup>562</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 280.

отмечал, что у него бывали разногласия с Д.М. Голицыным при обсуждении различных дел в коллегии. Однако со временем, Г. Фик стал замечать, что князь улучшил свое отношение к правам и привилегиям лифляндцев. Г. Фик, как иностранец, счел необходимым добиваться у него протекции и поддерживать приобретенное расположение князя, поскольку князь еще при жизни Петра I время от времени заседал в Правительствующем Сенате<sup>563</sup>. По словам Г. Фика, Д.М. Голицын с удовольствием проводил вечерние часы в его обществе, обсуждал с ним древнюю и новую историю и разность их вер, эти беседы затягивались до ночи, а князь, по своему обыкновению, велел набивать и подавать Г. Фику и другим трубку за трубкой, так что Г. Фик часто желал раскланяться и отправиться домой, но это было противно заведенному в доме князя обычаю, согласно которому гость ранга Г. Фика не мог уйти от такого знатного господина, до тех пор, пока он сам не поднимается и не попрощается со своими гостями<sup>564</sup>.

Примерно в 1719-1721 годах во время одного из таких визитов Г. Фик обсуждал с князем сочинение Адама Олеария о России: «Князь спросил меня, читал ли я историка Адама Олеария, который описал путешествие через Россию в Персию. А я ему ответил, что читал, и что он подробно описал царский двор и канцелярии тех времен и бывшего тогда премьер-министра весьма защищал. На что князь заметил, что упомянутый историк во многом ошибался, тем не менее, было верно, что в те времена двор и канцелярии были хорошо устроены и наполнены, дворянство пользовалось прекрасными привилегиями, а Боярская дума – уважением и авторитетом. <...> Затем я спросил князя, не потребовали ли себе бояре привилегий после пресечения старого царского рода, изгнания Лжедмитрия и при избрании нового царя, поскольку Олеарий пишет, что новый царь при коронации пообещал дворянству многие милости, которые, однако, дворянство отклонило и просило оставить все по-прежнему. На что князь мне ответил, что у бояр и

---

<sup>563</sup> Там же. Л. 280 об.-281.

<sup>564</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 279 об.

дворянства тогда были хорошие привилегии»<sup>565</sup>. Затем собеседники перешли к обсуждению современных им событий, Г. Фик отметил, что «у России не было бы такой прекрасной армии, флота и побед, если бы великие замыслы не сопровождались великими делами, и вся Россия должна благодарить Господа за новые прекрасные успехи и за своего великого императора. Князь был того же мнения, но тогда и затем часто бранил Меншикова»<sup>566</sup>. Этот разговор Г. Фик и Д.М. Голицын вели наедине, однако, обычно вместе с Г. Фиком у князя за трубкой табака сидели многие русские, которых Г. Фик не знал, а среди тех, кто «прилежно посещал дом князя», также были: «президент Бутурлин, статский советник Потемкин и русский советник Юстиц-коллегии, который ныне должно быть вице-президент русской Юстиц-коллегии»<sup>567</sup>, время от времени присутствовали также члены семьи князя»<sup>568</sup>.

Еще в 1715 или 1716 году Г. Фик познакомился с А.Д. Меншиковым<sup>569</sup>. 9 января 1719 года Меншиков был вместе с другими «министрами» и самим царем в доме Г. Фика, однако, летом 1719 года у них произошел конфликт: «Всем известно, что 12 лет назад у меня произошла большая размолвка с Меншиковым, и я отправил ему домой письмо с выражением своей досады, а копию этого письма я отправил Его величеству блаженной памяти на Аланды (Аландские острова – Я.Л.), Его величество после своего возвращения решил дело в мою пользу, за что Меншиков меня возненавидел»<sup>570</sup>. Об этом конфликте было известно в обществе, например, в 1731 году о нем припоминали контр-адмирал Мартин Госслер и вице-президент Юстиц-коллегии Сигизмунд Адам Вольф. Вольф «слышал от покойного секретаря Веселовского, что причиной немилости послужило то, что Фик отправил князю Меншикову весьма дерзкое письмо»<sup>571</sup>. Берхгольц упоминает в

---

<sup>565</sup> Там же. Л. 191 об.-192.

<sup>566</sup> Там же. Л. 192-192 об.

<sup>567</sup> Его имя Г. Фик забыл.

<sup>568</sup> Там же. Л. 281 об.

<sup>569</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 31. Л. 473 об.

<sup>570</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 208.

<sup>571</sup> Там же. Л. 133-133 об.

дневнике под 23 августа 1722 года, что «князь и княгиня Меншиковы» были среди восприемников на крестинах дочери Г. Фика<sup>572</sup>, возможно, к этому времени острая фаза конфликта Г. Фика с Меншиковым миновала, однако, согласно данным источников, полное восстановление их отношений, «примирение» произошло не ранее 1726 года.

Г. Фик следил за политической ситуацией, положением влиятельных людей и их отношениями друг с другом. Например, в письме от 23 мая 1718 года Бенкендорфу он сетовал на то, что «оба господина канцлера живут в несогласии», имея в виду П.П. Шафирова и Г.И. Головкина<sup>573</sup>. Г. Фик наблюдал и за ходом дела царевича Алексея и довольно подробно передавал увиденное и услышанное Бенкендорфу. Его наблюдения современника представляются чрезвычайно ценными. 16 июня 1718 года он писал: «Кратко сообщаю в этот раз только, что Его Царское Величество позавчера присутствовал в Сенате, и царевичу Алексею, которого также туда доставили, в присутствии собравшегося народа, перед знатнейшими духовными и светскими [лицами] в надлежащем порядке предъявил обвинение в том, что он покушался на жизнь его Величества и через письма призывал духовенство и других [людей] поднять чернь на бунт, черновики этих опасных писем и посягательства царевича были открыты его бывшей любовницей, посему она была удостоена высокой милости Его Величества. Его Величество повелели всё это прочесть публично, в очень сдержанных, но всё же очень трогательных и убедительных выражениях, царевичу был вменен в вину его злой поступок и дурное поведение, и знатным духовным и светским [лицам] было велено, чтобы они, хотя и со всевозможной мягкостью, вынесли ему [царевичу] приговор, с дополнением, что они могут простить его побег, но не жестокое предательство (которое лишь сейчас открылось, хотя продолжалось и после его заточения), но могут из лучших побуждений не прощать тех поступков,

<sup>572</sup> Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. (1721-1722) // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 444.

<sup>573</sup> Aktenstücke und Urkunden zur Geschichte der Stadt Riga. Riga, 1902. Bd. I. 1710-1725. S. 288. О вражде П.П. Шафирова и Г.И. Головкина см.: Серов Д.О. Фрагменты жизнеописания сенатора Петра Шафирова // Администрация Петра I. М., 2008. С. 98.

которые бы подвергли Его Величество и всё государство опасности полной гибели и т.д. и т.д. Царевич, который всё подтвердил и признал себя достойным смертной казни, затем отправился, ещё при шпаге, в свою квартиру, но ещё позавчера был переведён в крепость; каким образом разрешится это дело, вскоре станет известно, и надеюсь на такой исход дела, чтобы Его Величество, его высочайшее семейство и все верноподданные оказались в полном спокойствии и безопасности»<sup>574</sup>. 20 июня 1718 года он писал, имея в виду, очевидно, предполагаемую казнь царевича Алексея: «По всей видимости, вскоре мы услышим о большой трагедии»<sup>575</sup>. 27 июня 1718 года: «Его высочество царевич Алексей вчера днем неожиданно слег [от болезни] и вечером скончался, получив прежде благословление и прощение Его величества, своего отца»<sup>576</sup>.

Стоит отметить, что согласно источникам, Г. Фик был хорошо осведомлен о выработке правительственных внутри- и внешнеполитических решений в период с 1718 по начало 1720-х годов. Например, 20 февраля 1719 года он писал Бенкендорфу о введении в России запрета на ввоз соли иностранного производства, сообщал о местонахождении царя и других событиях: «Его Величество, благодарение Господу, на олонецких марциальных водах весьма помолодел и через 10 дней будет здесь (в Петербурге – Я.Л.)»<sup>577</sup>. На Аландах ожидают назначения другого человека на место Герца. Господин советник Штамке, который принял здешнюю протекцию<sup>578</sup>, живет тут приятнее, нежели Герц в Стокгольме»<sup>579</sup>.

<sup>574</sup> Aktenstücke und Urkunden zur Geschichte der Stadt Riga. S. 289.

<sup>575</sup> Ibid. S. 291.

<sup>576</sup> Ibid.

<sup>577</sup> В «Поденной записке» отмечено: «Марта в 3 день Государь возвратился от Олонецких марциальных вод в Санктпетербург». Журнал или Поденная записка, блаженные и вечнодостойныя памяти Государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира. Части второй отдел I. СПб., 1772. С. 74.

<sup>578</sup> Штамке выступил в роли неофициального информатора русских послов на Аландском конгрессе в обмен на протекцию царя. Об этом подробнее см.: Журнал или Поденная записка, блаженные и вечнодостойныя памяти Государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира. Части второй отдел I. СПб., 1772. С. 69.

<sup>579</sup> Aktenstücke und Urkunden zur Geschichte der Stadt Riga. Bd. I. S. 323.

Г. Фик мог получать сведения и обсуждать насущные вопросы на ассамблеях. Так, 18 января 1719 года перед отъездом на олонечские марциальные воды Петр I был на ассамблее в доме генерала А. Вейде. Именно на этой ассамблее П.И. Ягужинский и А.В. Макаров сообщили Г. Фику, что царь готов пожаловать ему поместья в Лифляндии<sup>580</sup>. 22 января 1719 года вечером на ассамблее в доме «господина Камер-президента» (президента Камер-коллегии Д.М. Голицына – Я.Л.) Г. Фик обсуждал с П.П. Шафировым рижские дела и просил его способствовать скорейшему получению резолюций по челобитным города<sup>581</sup>. В «Повседневных записках делам князя Меншикова» также отмечено, что 22 января 1719 года «то есть в четверток... его светлость в 6-м часу отъехал на ассамблею к его сиятельству князю Дмитрию Михайловичу Голицыну. И по довольных разговорах в 9-м часу отъехал... день был с мразом, при солнечном сиянии и был ветер от норда»<sup>582</sup>. Более того, 9 января 1719 года сам Г. Фик «имел честь принимать и угощать в своем доме Его Величество и весь высший министриум»<sup>583</sup>. В «Повседневных записках делам князя А.Д. Меншикова» под тем же 9 января 1719 года записано: «В 6-м часу отъехал к господину коллегии директору Фику, где и его царское величество быть изволил и прочие господа министры»<sup>584</sup>.

Г. Фик обращался к влиятельным лицам не только для решения насущных вопросов и задач, но и для поддержания патрон-клиентской связи, укрепления собственного социального статуса. Для этих целей влиятельных людей просили стать восприемниками на крестинах детей. 23 августа 1722 года в Москве состоялись крестины дочери Г. Фика: «герцог [Голштинский] <...> после обеда крестил у камеррата Фика. Восприемниками вместе с ним

<sup>580</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 48. Л. 671-671 об.; Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. С. 287; Журнал или Поденная записка, блаженныя и вечнодостойныя памяти Государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатскаго мира. Части второй отдел I. СПб., 1772. С. 72.

<sup>581</sup> Aktenstücke und Urkunden zur Geschichte der Stadt Riga. Bd. I. S. 320.

<sup>582</sup> Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. С. 288.

<sup>583</sup> „... ich vor 14 Tagen schon die Gnade und Ehre gehabt, Ihre Mayt. und das gantze hohe Ministerium im meinem Hause zu bewirthen und aufzuwarten“. Aktenstücke und Urkunden zur Geschichte der Stadt Riga. Bd. I. S. 320.

<sup>584</sup> Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. С. 284.

были князь и княгиня Меншиковы, генеральша Брюс, Ягужинский и г-жа Лефорт»<sup>585</sup>.

Г. Фик старался наладить отношения с влиятельными российскими вельможами, однако, при всей значимости этого вектора его социальных связей, он не был единственным. Г. Фик принадлежал к среде иноземцев, служивших в России. В его круг общения входили служащие коллегий (вице-президенты И. Шмиден, М. Нирот, Г. Бреверн, советники, ассессоры, канцеляристы, переводчики), иностранные дипломаты, купцы, пасторы, бывшие шведские военнопленные. В 1721 году в Россию приехал в качестве жениха одной из дочерей Петра I герцог Карл-Фридрих Голштинский. Он был племянником шведского короля Карла XII, имел притязания на шведский престол и стремился заручиться в России поддержкой будущего тестя Петра I. Его двор стал естественным центром притяжения для иноземцев, которых объединяли язык, религия, культура, многие из них были знакомы еще до приезда в Россию или имели общих друзей и родственников. Герцог стремился с одной стороны, заручиться поддержкой царя и российских вельмож, а с другой стороны, создать в России свой круг клиентов – он помогал шведским пленным, которые по возвращении в Швецию должны были усилить его позиции в обществе. Повседневная жизнь герцогского двора отражена в дневнике камер-юнкера голштинского двора Ф.-В. Берхгольца<sup>586</sup>.

Г. Фик впервые появляется в дневнике Берхгольца в записи от 14 октября 1721 года: «Некоторые из нас обедали у камеррата Фика, который был прежде комиссаром, а потом полковым квартирмейстером в голштинской службе (так в тексте – Я.Л.); во время войны он находился в Швеции в качестве тайного полушпиона и оказал царю важные услуги, устроив почти все коллегии по шведскому образцу, за что получил прекрасные поместья в Лифляндии. Угостил он нас превосходно. В числе многих очень хороших детей у него есть почти взрослая дочь, которая с младенчества совершенно

<sup>585</sup> Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. (1721-1722) // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 444.

<sup>586</sup> Прокопенко Я.И. Генрих Фик и процесс интернационализации ... С. 168.

слепа, но несмотря на то отлично играет на клавесине и ходит как зрячая по всему дому, где знает каждый уголок»<sup>587</sup>. Впоследствии Г. Фик стал, по выражению Берхгольца, «обыкновенным гостем» герцога<sup>588</sup>. Действительно, в одном только 1722 году он посещал герцога 22 раза, иногда по два раза в неделю<sup>589</sup>. 1 января 1722 года при дворе герцога было богослужение и Г. Фик в числе прочих имел «счастье целовать его высочеству руку и приносить ему поздравление с новым годом»<sup>590</sup>. Вечером 13 января 1722 года герцог Голштинский «пошел к тайному советнику Бассевичу, где застал посланника Штамке, императорского камеррата Фика и нашего Негелейна, которые скромно сидели за добрым стаканом шампанского и рассказывали друг другу разные веселые историйки»<sup>591</sup>. На протяжении 1722 года Г. Фик со своим зятем секретарем Сената Вильгельмом Шульцем<sup>592</sup> неоднократно бывал у проповеди при дворе герцога и оставался затем обедать, приезжал к герцогу (кавалеру ордена Св. Андрея Первозванного), чтобы поздравить его с Днем Св. Андрея и с другими праздниками<sup>593</sup>. В 1721-1723 годах Г. Фик неоднократно появлялся на страницах дневника Берхгольца, причем вне какого-либо негативного контекста.

После смерти Петра I в январе 1725 года и восшествия на престол Екатерины I изменился внутривластный курс и круг людей, приближенных к трону, о чем упоминалось во второй главе настоящей работы. Смена монарха не сводилась для Г. Фика, к механическим заменам имен в челобитных, каждый раз она сигнализировала о необходимости поиска своего места в изменившейся системе политических координат<sup>594</sup>. В правление Екатерины I влияние герцога Голштинского значительно возросло. Он был в

<sup>587</sup> Берхголец Ф.-В. Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. (1721-1722). С. 223.

<sup>588</sup> Там же. С. 393.

<sup>589</sup> Прокопенко Я.И. Генрих Фик и процесс интернационализации ... С. 168.

<sup>590</sup> Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. (1721-1722). С. 277.

<sup>591</sup> Там же. С. 296.

<sup>592</sup> В нашей предыдущей работе он ошибочно назван Иоахимом: Прокопенко Я.И. Процесс интернационализации. С. 168.

<sup>593</sup> См., например: Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. (1721-1722). С. 450, 452, 489.

<sup>594</sup> Ларина Я.И. "Превратность счастья вельмож". Власть и личность в России первой половины XVIII в. // Родина. 2015. №9. С. 98.

числе весьма узкого круга лиц, которые получили право прямого доступа к ней. Екатерина I ввела герцога в состав Верховного тайного совета и указала «Голштинскому герцуку отдовать честь всем фрунтом и знамя распускать»<sup>595</sup>. Несмотря на близость Г. Фика к голштинскому двору в 1721-1723 годах, возвышение герцога Голштинского оказало существенное и весьма негативное влияние на положение Г. Фика.

Карл-Фридрих Голштинский претендовал на шведский престол, в правительственных кругах Швеции существовала «голштинская партия» его сторонников, которую возглавлял влиятельный шведский фельдмаршал и президент Военной коллегии Карл Густав Дюкер. Он предъявил весьма смутные наследственные претензии на лифляндские поместья Г. Фика. Чтобы заручиться поддержкой и расположением влиятельного Дюкера, герцог Голштинский попросил свою тещу Екатерину I, отнять у Г. Фика три четверти его земель и передать их Дюкеру: «После стола его королевское высочество пошёл к императрице, чтобы поговорить с нею о графе Дюкере, который предъявил довольно основательное притязание на возвращение ему некоторых значительных поместий в Лифляндии, и между прочим амта Обер-Палена, подаренного императором за много лет перед тем статскому советнику Фику в награду за некоторые оказанные им важные услуги и особенно за собранные в Швеции (с большою для него опасностью) подробные сведения о тамошнем земском и судебном устройстве. <...> Получив от императрицы удовлетворительный ответ на ходатайство своё в пользу фельдмаршала графа Дюкера, его королевское высочество был чрезвычайно обрадован, потому что от души желал помочь графу, как одному из своих лучших шведских друзей и как человеку, пользующемуся в Швеции огромным значением и могущему оказать ему важные услуги»<sup>596</sup>. Любопытно, как изменилась тональность записей Берхгольца. В 1721 году он писал, что Г. Фик «оказал царю важные услуги, устроив почти все коллегии по шведскому

<sup>595</sup> Анисимов Е.В. Куда ж нам плыть? С. 74-77.

<sup>596</sup> Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. (1723-1725) // Юность державы. М., 2000. С. 278-279.

образцу, за что получил прекрасные поместья в Лифляндии», а в 1725 году полагал, что Г. Фик «такого значительного подарка, конечно, не заслуживал», поскольку якобы обманул царя и «представил это имение далеко не таким большим и значительным, как оказалось потом в действительности»<sup>597</sup>. Это обвинение совершенно беспочвенно и отражает попытку оправдать поступок герцога Голштинского. Согласно источникам, прежде чем пожаловать поместья Г. Фику Петр I дважды учинял «справку о гаках и о доходах с тех мыз»<sup>598</sup>. Именно эти события стали тем *поводом* для охлаждения отношений между Г. Фиком и «голштинцами», который не могли определить немецкие историки. *Причиной* изменения отношения к Г. Фику следует считать политический расчет герцога, который сделал ставку на более полезного ему в тот момент Дюкера. Завершая этот сюжет, отметим, что Дюкер был именно тем генералом Дюкером, ближайшим советником Карла XII и руководителем обороны Штральзунда, которому в 1714 году Г. Фик, отставной капитан-лейтенант шведской службы, докладывал о положении датских войск – а через 11 лет Дюкеру пришлось оспаривать право Г. Фика на обширные лифляндские имения у российской императрицы!

В правление Екатерины I герцог Голштинский стал серьезным политическим соперником А.Д. Меншикова, их борьба не переросла в явную конфронтацию, однако, светлейший князь всеми силами старался выжить герцога из России<sup>599</sup>. Если в 1719 году Г. Фик мог рассчитывать на защиту самого царя и решился на открытый конфликт с Меншиковым, то в 1725-1726 годах ситуация изменилась – царя не было в живых, с голштинцами произошел разрыв, поэтому в соответствии с политической конъюнктурой, Г. Фик, по его собственному признанию «из великой нужды принужден был изыскивать средство, как ему примириться с князем Меншиковым»<sup>600</sup>. Действительно,

---

<sup>597</sup> Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. (1721-1722). С. 223; Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. (1723-1725). С. 278-279; Подробно этот сюжет изложен в нашей работе: Прокопенко Я.И. Генрих Фик и процесс интернационализации. С. 168-170.

<sup>598</sup> Сб. РИО. СПб., 1894. Т. 94. С. 284; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 51. Л. 578-581.

<sup>599</sup> Анисимов Е.В. Куда ж нам плыть?. С. 74, 76-78.

<sup>600</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 305 об.

данные источников позволяют говорить о «примирении». Согласно «Повседневным запискам делам князя А.Д. Меншикова», Г. Фик посещал князя 12 раз в 1726 году и 4 раза в 1727<sup>601</sup>. В мае 1727 года по сфабрикованному А.Д. Меншиковым политическому делу были сосланы П.А. Толстой, А. Девиер и Г.Г. Скорняков-Писарев. Конфискованные у них деревни и дворы получили известные креатуры А.Д. Меншикова – А.В. Волков и Ю. Фаминцын. Одновременно с ними Г. Фику, по его челобитной, был пожалован конфискованный двор Г.Г. Скорнякова-Писарева на Васильевском острове<sup>602</sup>.

В 1731-1732 годах в ходе следствия над Г. Фиком, его самого и многих свидетелей спрашивали о том, каким образом ему удалось вернуть расположение Меншикова. С.А. Вольф показал, что «как-то раз во время правления Петра II Фик хвалился Вольфу, будто это он надоумил князя Меншикова способствовать восхождению на трон Петра II, таким образом Меншиков оказал бы большую услугу Римскому императору и император бы за это, по меньшей мере, подарил Меншикову княжество»<sup>603</sup>. Генрих Гребенер показывал, что «от кого-то слышал, что вице-президент Фик помог князю Меншикову получить княжество от римского императора и Фик сам говорил Гребенеру, что граф Рабутин (австрийский посланник при русском дворе – Я.Л.) был большим патроном вице-президента Фика и вице-президент Фик много раз ездил к графу Рабутину»<sup>604</sup>. На этом сюжете стоит остановиться подробнее, поскольку он позволяет взглянуть за кулисы политической жизни послепетровской России.

В 1732 году в ходе судебного процесса Г. Фик изложил эти события следующим образом. После смерти Петра I стало известно, что Венский двор вступил в союз с Российским двором, а за несколько месяцев до смерти императора тогдашнему молодому Великому князю (будущему Петру II –

<sup>601</sup> Причем последний раз 26 августа 1727 года – отметим, что уже 8 сентября Меншикову было запрещено выезжать из своего дворца, а вскоре он был отправлен в ссылку. Павленко Н.И. Меншиков. М., 2016. С. 270.

<sup>602</sup> Подробно об этом см.: Ларина Я.И. Двор на набережной ... С. 105-106.

<sup>603</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 133 об.-134.

<sup>604</sup> Там же. Л. 152-152 об.

Я.Л.) было позволено часто ездить к князю Меншикову, из-за чего пошли слухи, будто князь собирается выдать одну из своих дочерей замуж за Великого князя. Г. Фик опасался в таком случае еще больших преследований со стороны Меншикова, поскольку Фик *в то время был предан всеми своими покровителями и друзьями*<sup>605</sup>. Г. Фик был вынужден изыскивать средства и пути, чтобы примириться с Меншиковым. Г. Фик сказал Меншикову, что, несмотря на многие знаки его немилости к себе, он был готов доказать ему свою преданность, и предложил следующее: хотя Меншиков и был уже возведен в княжеское достоинство Священной Римской империи<sup>606</sup>, ему до сих пор не было пожаловано княжество, а между тем, император мог бы пожаловать Меншикову княжество в Силезии. Г. Фик предоставил Меншикову описание пожалованных и еще не пожалованных княжеств с указанием их городов и замков. Меншиков милостиво воспринял идею Г. Фика, заверил его в своей благосклонности и пообещал свое покровительство. К тому же, сказал Меншиков, он уже получил письма из Вены от принца Евгения и графа Шенборна, в которых они именем Его императорского величества объявляли, что император готов показать князю Меншикову свою милость. Однако Меншиков никак не мог решить, что бы попросить – принять деньги казалось ему предосудительным и позорным. Меншиков решил сначала обсудить предложение Г. Фика с Екатериной I. Если она одобрит это дело, то затем поговорить с графом Рабутином. Некоторое время спустя Рабутин сам рассказал Г. Фику, что Меншиков уже говорил с ним об этом деле, при этом Рабутин заметил, что Г. Фик очень разумный человек, раз нашел способ добиться расположения такого опасного человека как Меншиков. Впрочем, Рабутин сказал, что Меншиков зря надеется, будто император пожалует ему большое герцогство или княжество – скорее всего он получит лишь маленький клочок земли, на котором стоит город или замок, прежде

---

<sup>605</sup> Очевидно, Г. Фик имел в виду голштинского герцога и его приближенных.

<sup>606</sup> Об этом см.: Беспятых Ю.Н. Александр Данилович Меншиков: мифы и реальность. СПб., 2005. С. 123-130.

имевший статус княжества. Но Г. Фик уговорился с Рабутином, что он не будет преуменьшать размеры будущих владений Меншикова, и когда получит ответ из Вены, сообщит его не сам, а через Г. Фика, чтобы он таким образом добился как можно большего расположения Меншикова<sup>607</sup>.

Затем это дело было устроено в Вене, и Меншикова известили о получении княжества. Однако гофмейстер сына Меншикова и другие его придворные из немцев не могли найти сведения об этом княжестве, князь тут же велел послать за Г. Фиком и выказал ему свое неудовольствие. Г. Фик его успокоил и сказал, что нужно быть довольным милостью столь могущественного монарха как император Священной Римской империи. Более Г. Фик не опасался преследований со стороны Меншикова<sup>608</sup>. 17 июля 1727 года Санкт-Петербургские Ведомости сообщали читателям, что «Его цесарского величества Римского здесь обретающийся полномочный министр и посол граф Рабутин <...> князю Александру Даниловичу Меншикову объявил: получил де он от Цесарского величества Римского, своего Государя указ, чтоб его светлости донести, что Его цесарское величество Римской его светлейшего князя пожаловал в Силезии лежащее герцогство Косель с принадлежащим, и на оное герцогство потребной диплом пришетца в скорости»<sup>609</sup>.

После смерти Екатерины I А.Д. Меншиков поселил Петра II в своем дворце, а затем устроил его обручение со своей дочерью, однако, его планам стать тестем императора не суждено было сбыться, в сентябре 1727 года он попал в опалу и был отправлен в ссылку в Березов, где скончался в 1729 году. Г. Фик неоднократно подчеркивал, что не одобрял многих действий А.Д. Меншикова, не любил его и был вынужден с ним «примириться»: «Некоторые господа из бывшего Верховного тайного совета знают, что я открыто ругал Меншикова за его поведение в Курляндском деле, в вопросах монетного дела

<sup>607</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 289-291.

<sup>608</sup> Там же. Л. 291.

<sup>609</sup> Санкт-Петербургские ведомости от 17 июля 1727 года.

и других [делах] и во время помолвки его дочери [с Петром II] я говорил различным людям в зале, из которых ныне здравствует господин посланник фон Вестфален, что этот день станет началом его [Меншикова] падения»<sup>610</sup>. По словам Г. Фика, он «ни в каких его (Меншикова – Я.Л.) демаршах не принимал ни малейшего участия, а Меншиков никогда не просил его совета в государственных делах. (Обвиняемому также всегда было трудно ждать аудиенции у Меншикова под видом [обсуждения] ожидавшегося пожалования имений в Силезии), что очень хорошо известно генерал-майору князю Шаховскому, тогдашнему генерал-лейтенанту Алексею Волкову, секретарю Францу Вюсту и тогдашнему русскому секретарю Меншикова, чье имя обвиняемый забыл, а также всем приближенным Меншикова»<sup>611</sup>. Впрочем, по его словам, и другие более могущественные люди были вынуждены искать благосклонности Меншикова<sup>612</sup>. Стоит принять во внимание, что эти свидетельства относятся к 1731-1732 годам, когда Меншикова уже не было в живых, впрочем, «падение» светлейшего действительно не повлияло на положение Г. Фика.

После ссылки Меншикова на первый план выдвинулось семейство Долгоруких. Князь Иван Долгорукий был фаворитом Петра II, а его сестра княжна Екатерина Долгорукая стала новой невестой императора. В семье Долгоруких сохранилось предание, будто Г. Фик был воспитателем Ивана Долгорукого: «Воспитатель Ивана, некто Фик, человек очень образованный, не сумел передать своему воспитаннику ни своих знаний, ни культурных привычек»<sup>613</sup>. Впрочем, документальных подтверждений этому пока не обнаружено. Сам Г. Фик отрицал свою близость к семье Долгоруких: «ни одна живая душа не сможет сказать, что я бывал у князей Долгоруких, отца или сына, такое великое отвращение я испытывал к их поведению»<sup>614</sup>.

<sup>610</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 208-208 об.

<sup>611</sup> Там же. Л. 305 об.-306.

<sup>612</sup> Там же Л. 208.

<sup>613</sup> Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны. Из записок князя П.В. Долгорукова. М., 1997. С. 32.

<sup>614</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 208. об.

Петра II поддерживала также семья Голицыных, самым влиятельным представителем которой был Д.М. Голицын, член Верховного тайного совета, бывший президент Камер-коллегии. В 1727-1730 годах Г. Фик считал Д.М. Голицына своим патроном<sup>615</sup>. По свидетельству Г. Фика, он состоял в переписке с князем Сергеем Дмитриевичем Голицыным в бытность того посланником в Берлине, получал и оплачивал его посылки в Петербург для разных лиц, а также вел переписку с семьей Голицыных о закупке для них провизии в Петербурге и отправке ее в Москву<sup>616</sup>.

Петр I был расположен к Г. Фику, поддержал и защитил его во время конфликта с Меншиковым. После кончины царя Г. Фик лишился этой безусловной протекции, а отношения с Меншиковым были испорчены, поэтому Г. Фик стал искать поддержки и защиты от нападков Меншикова у Остермана<sup>617</sup>. В 1727-1730 годах Г. Фик относил его к числу своих покровителей наряду с Д.М. Голицыным и Г.И. Головкиным<sup>618</sup>. С 1726 года Г. Фик стал вице-президентом Коммерц-коллегии, а Остерман был ее президентом. Шведский посланник при русском дворе Седеркрейц писал, что А. И. Остерман «занимает пост президента Коммерц-коллегии, но редко или почти никогда не присутствует там и оставляет управление ею на вице-президента Фика, гамбургца, который раньше состоял на шведской службе полковым квартирмейстером»<sup>619</sup>. После переезда двора в Москву Остерман также находился там, а Г. Фик пока оставался в Петербурге и регулярно извещал его о делах и непорядках в коллегии – о взяточничестве советника Кассиса и пьянстве асессора Рудаковского, об остановке в делах из-за того, что в коллегии их осталось только трое, поскольку все способные сотрудники стремились под любым предлогом поскорее уехать в Москву поближе ко

---

<sup>615</sup> Там же. Л. 242 об.

<sup>616</sup> Там же. Л. 195 об.

<sup>617</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 206 об.

<sup>618</sup> Там же. Л. 242 об.

<sup>619</sup> Цит. по: Peterson, Claes. Peter the Great's administrative and judicial reforms ... P. 76; См. также Осмнадцатый век. М., 1869. Т. 3. С. 170.

двору и не возвращались в Петербург<sup>620</sup>. Г. Фик также советовался с А.И. Остерманом прежде чем предложить Петру II осуществить государственный заем у голландских купцов<sup>621</sup>. Во время следствия Г. Фик написал в оправдательном мемориале Анне Иоанновне: «Мое восхищение достоинствами графа фон Остермана так велико, что я не способен вести о нем предосудительные разговоры, и князь Дмитрий Михайлович [Голицын] может припомнить, что я однажды говорил ему, как государству повезло иметь такого бескорыстного и одаренного министра. С чем он [Голицын] и согласился»<sup>622</sup>. Возможно, Г. Фик рассчитывал, что эти слова помогут ему.

До 1727 года местом общения высшего слоя служилых иноземцев (вице-президентов, советников коллегий, иностранных посланников, офицеров) оставался двор герцога Голштинского. Когда герцог вместе с женой принцессой Анной Петровной выехал из Петербурга в Германию, его придворное общество распалось. Впрочем, этот центр притяжения иноземцев не был единственным и общедоступным.

Существенную консолидирующую роль в социальных отношениях выходцев из германских земель играла церковная община. Г. Фик и большинство немцев были протестантами. Протестантов Петербурга объединяло совместное участие в церковной и общественной жизни своего прихода. Более того, на Васильевский остров, административный центр Петербурга были переведены коллегии и другие государственные учреждения. В 1728 году протестанты Васильевского острова, к которым принадлежал и Г. Фик, решили организовать свой приход, независимый от общины протестантов Адмиралтейской стороны, патроном которой был Б.Х. Миних)<sup>623</sup>. Члены новой общины купили частный дом за 600 рублей на 2-й линии Васильевского острова на имя вице-президента Юстиц-коллегии эстляндских и лифляндских дел Сигизмунда Вольфа, где были оборудованы

<sup>620</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 263 об.-264.

<sup>621</sup> Там же. Л. 206 об.

<sup>622</sup> Там же. Л. 196 об.

<sup>623</sup> Алакшин А.Э. Протестантские общины в Петербурге XVIII века. СПб., 2012. С. 104.

большой зал для богослужений и квартира для проживания пастора. А. Э. Алакшин приводит сведения, что блюдо для причастий и серебряную чашу общине подарил статский советник *Тик*<sup>624</sup>, однако, в рассматриваемый период на русской службе не было статского советника с таким именем, который к тому же жил бы на Васильевском острове – представляется, что это ошибка или опечатка, а имеется в виду статский советник Фик, который жил на Васильевском острове и активно участвовал в создании нового прихода.

Известно, что деятельность Б.-Х. Миниха на посту патрона большой протестантской общины Петербурга, ее главного прихода на Адмиралтейской стороне, порождала серьезные организационные противоречия этой в среде. Много лет руководство этого прихода под управлением Миниха пыталось сдерживать процессы автономизации других лютеранских немецких общин<sup>625</sup>. Патроном в лютеранской общине избирается наиболее авторитетный и состоятельный человек, на чьи деньги строилась кирха или арендовано место для ее постройки. Он занимает, как правило, высокую должность на государственной службе и является самым влиятельным членом общины и ее представителем перед властями<sup>626</sup>. На Адмиралтейской стороне, на Невском проспекте 29 июня 1728 года в день св. Петра и Павла был заложен первый камень нового лютеранского храма – кирхи Св. Петра – причем план здания кирхи разработал сам Миних<sup>627</sup>. В биографическом очерке, посвященном Миниху, Е.В. Анисимов показал, что «храбрость и решительность, обаяние и любезность сочетались в нем с невероятным апломбом, самолюбованием, высокомерием, спесью и хамством»<sup>628</sup>. К 1728 году Г. Фик был вице-президентом и статским советником, обладателем большого каменного дома на Васильевском острове, одним из самых высокопоставленных членов нового прихода и, таким образом, претендовал на самостоятельную роль в его

<sup>624</sup> Алакшин А.Э. Протестантские общины в Петербурге XVIII века. С. 104-105.

<sup>625</sup> Там же. С. 105.

<sup>626</sup> Там же. С. 172.

<sup>627</sup> Там же. С. 89.

<sup>628</sup> Анисимов Е.В. Толпа героев XVIII века. С. 97.

руководстве. Миних же «рвался доказать всем свое превосходство», что проявилось и в его нежелании признавать отделение прихода на Васильевском острове.

К этому времени между Г. Фиком и Минихом тлел конфликт – с тех пор, как произошло примирение Г. Фика с Меншиковым – главным недругом Миниха. А отделение прихода на Васильевском острове лишь усугубило положение. Внешне конфликт не проявлялся: Фик и Миних, а также их жены общались, встречались в обществе, 1 марта 1730 года Миних присутствовал в числе прочих гостей в доме Г. Фика на празднике по случаю помолвки дочери Г. Фика с графом Ойенхаузен<sup>629</sup>. Однако впоследствии Фик вспоминал, что он «сделал некоторые вещи вопреки [воле] его светлости (здесь и далее имеется в виду Миних – Я.Л.), например, 1) против воли и совета его светлости я расторг помолвку моей дочери с молодым графом фон Ойенхузен<sup>630</sup>, которого рекомендовал его светлость; 2) отказал его светлости [в выдаче] затребованного им из коллегии репорта о публикации сенатских указов, поскольку такие репорты надлежит отправлять только в Сенат; 3) я отправил в Сенат свое представление о том, как привести Санкт-Петербург в цветущее состояние, не сообщив о нем предварительно его светлости, затем я заметил недовольство его светлости и здесь в Москве незадолго до моего ареста предоставил его светлости копию этого представления; 4) также досаду его светлости на мою семью могло вызвать то, что при замещении вакантной должности регирунгсрата в Риге мой зять получил преимущество перед его зятем в докладе тогдашнего Сената в бывший Верховный тайный совет»<sup>630</sup>. Представляется, что наибольшее раздражение Миниха вызвало именно составление Г. Фиком проекта об «исправлении» Санкт-Петербурга<sup>631</sup> - ведь при переезде двора в Москву Миних был оставлен начальником, фактически губернатором, Петербурга и всей Ингерманландии<sup>632</sup>. А проект Г. Фика

<sup>629</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 203.

<sup>630</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 204 об.-205.

<sup>631</sup> Об этом проекте см. 2 главу настоящей работы.

<sup>632</sup> Анисимов Е.В. Толпа героев XVIII века. С. 96.

рисовал отнюдь не цветущее состояние вверенного Миниху города. Более того, в проекте существовал пункт «О генерал-губернаторе или обер-штатгалтере», в котором Г. Фик предлагал «в городе Санктпитебурхе доброго и искусного особливого генерал-губернатора или обер-штатгалтера определить, а имянно такого, которой в свете в разных местех уже побывал и примечал, как управление иметь» – фактически, из текста следовало, что нынешний начальник, Миних, был недостаточно «искусным»<sup>633</sup>..? После вступления Анны Иоанновны на престол как самодержавной государыни, Миних отправился в Москву, и Фик просил рекомендовать его при дворе<sup>634</sup>. В 1731 году по «рекомендации» Миниха Г. Фика арестовали, а Миних возглавил следствие.

Неприятными были и отношения Г. Фика с другим влиятельным иностранцем вице-президентом Сигизмундом Адамом Вольфом. По свидетельству Г. Фика, при организации коллегий Вольф хотел получить должность советника, но президент П.А. Толстой хотел взять его лишь ассессором и переводчиком, и решил по указу Петра I узнать мнение Г. Фика по этому вопросу. Фик считал, что Вольф согласно его чину на прежней службе в дерптском ландгерихте, мог стать в России лишь ассессором. Вольф пожаловался на Фика своему тогдашнему патрону генералу Адаму Вейде. Вейде пригласил к своему столу Фика и Вольфа и попытался склонить Фика принять решение в пользу Вольфа. Однако, Фик тогда настаивал на своем, Вольф был очень возмущен этим и проявлял затем постоянную враждебность по отношению к Фику<sup>635</sup>. Их отношения ухудшились после того, как у Г. Фика в 1725-1726 годах были отобраны имения – основную часть отдали фельдмаршалу Дюкеру, но и Вольф получил 15 гаков<sup>636</sup>. Впрочем, оба вице-президента общались по долгу службы на совместных заседаниях своих коллегий, жили на Васильевском острове и решали вопросы организации

<sup>633</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 529. Л. 26 об.

<sup>634</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 205 об.

<sup>635</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 259 об.-260.

<sup>636</sup> Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 69. С. 243.

нового церковного прихода. Более того, под началом Вольфа в Юстиц-коллегии эстляндских и лифляндских дел служил зять Г. Фика ассессор Э.Й. Фитингоф. Вольф в качестве свидетеля поставил свою подпись на брачном контракте Фитингофа и дочери Фика Беаты<sup>637</sup>.

В 1730 году в доме Г. Фика каждый день собирались «компании», часто бывали ассамблеи<sup>638</sup>. «Прилежно» посещал дом Г. Фика лифляндец капитан Якоб Рихтер. Он познакомился с Г. Фиком в 1725 году после смерти Петра I, когда приехал на похороны императора как представитель Лифляндии<sup>639</sup>. Рихтер был частым гостем Г. Фика, поскольку намеревался вступить в брак с одной из его дочерей<sup>640</sup>. Он встречался в доме Фика с Э. Фитингофом и подписал, наряду с Вольфом, в качестве свидетеля его брачный контракт, заключенный с дочерью Г. Фика<sup>641</sup>. К тому же Рихтер жил в одном доме с секретарем Юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел, коллегой Фитингофа, Гагемейстером<sup>642</sup>. Гагемейстер также бывал у Фика дома за чашкой чая<sup>643</sup>. Эти контакты примечательным потому, что у Рихтера в это время шел «процесс», судебное разбирательство в этой коллегии<sup>644</sup>.

Гостями Г. Фика были также майор Ингерманландского полка Самуэль Каркеттель, подполковник Г.Й. фон Шлиппенбах, почт-директор Фридрих Аш, гоф-интендант Антон Кормейдон<sup>645</sup>. Они общались не только в доме Г. Фика, но и в других «компаниях» - в доме адмирала Сиверса, камер-шрейбера Слотермана, секретаря шведского посольства Мориана, на почте, в коллегиях. Заходили друг к другу домой: Г. Фик навещал больного генерал-майора Гохмута и приходил к Вольфу. Э. Фитингоф также навещал своего начальника Вольфа, ездил к шведскому секретарю Мориану, у которого приценивался к

<sup>637</sup> ЕАА. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 20. Л. 5.

<sup>638</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 165.

<sup>639</sup> Там же. Л. 171.

<sup>640</sup> Там же. Л. 172, 262 об.

<sup>641</sup> ЕАА. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 20. Л. 5.

<sup>642</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 110.

<sup>643</sup> Там же. Л. 112.

<sup>644</sup> Там же. Л. 170 об.

<sup>645</sup> Там же. Л. 103 об.-104, 59, 68 об.-69.

дорогим шелковым штофам (вероятно, они предназначались его невесте, дочери Г. Фика).

Несмотря на обширные социальные связи Г. Фика, к близкому кругу доверенных лиц можно отнести только членов его семьи – зятя Вильгельма Шульца (секретаря Сената, который жил в Москве) и Иоганн Остервальда (мужа сестры Фика). После ареста Фика в 1731 году Рихтер и Каркеттель отказались от своего намерения жениться на его дочерях и отрицали свое близкое знакомство с ним. Зять Фика Фитингоф утверждал, что его отношения с тестем не были доверительными<sup>646</sup>. Ревельский губернатор Фридрих Левен состоял в переписке с Фиком и в своих письмах называл его дорогим другом<sup>647</sup>, но по долгу службы должен был в рамках следствия по делу Фика допрашивать подполковника Шлиппенбаха.

Значимым видом поддержания социальных связей и основным средством коммуникации была переписка. Писали не только о «приватных делах» (семейных, хозяйственных) но сообщали новости, передавали слухи, предостерегали. Часто под одним конвертом пересылали несколько писем, предназначенных разным адресатам. На всем протяжении службы в России Фик поддерживал связь со своими иностранными знакомыми. Одним из них был видный шведский политик Даниэль Никлас фон Гепкен. Французский посланник в Петербурге Кампредон, который ранее был резидентом в Стокгольме, писал в 1722 году посланнику гессенского ландграфа в Стокгольме Димару: «Дайте знать, кто помимо Гепкена может быть причислен к друзьям [Фика] или его корреспондентам». В другом письме Кампредон сообщал, что Фик просил его узнать, получил ли Гепкен подарок от царя за свои старания при заключении Ништадского трактата, и если нет – Фик обещал устроить так, что Гепкен получит заслуженное вознаграждение. Также по сообщению Кампредона, Фик сам состоял в переписке с Гепкеном и

<sup>646</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 79-79 об.

<sup>647</sup> Там же. Л. 31-31 об.

называл его «сердечным другом»<sup>648</sup>. Достоверно известно, что в 1730 году Г. Фик сам вел переписку с Гепкеном, тогда президентом шведской Камер-коллегии. Он выступил в качестве свидетеля, заверил и подписал расписку Дюкера в получении денег от Фика при продаже имения<sup>649</sup>. Корреспондентом Фика был также секретарь дворцовой канцелярии в Стокгольме и другие влиятельные в Швеции люди. Любопытно, что в это время Фик стал не только просителем, но и покровителем. Для брата жены – Лоренца Крузе, некогда служившего с ним в одном шведском полку, он был уже не только «дорогим братом», но и влиятельным «господином статским советником и вице-президентом»<sup>650</sup>. Крузе просил Фика дать ему рекомендательные письма к «некоторым господам из шведского Сената», которые были покровителями Фика во время его шведской службы. Фик написал рекомендательные письма к «семи или восьми господам», которые были записаны у него в календаре<sup>651</sup>.

Общение по долгу службы и принадлежность к одной церковной общине формировали лишь внешние рамки и иерархический каркас социальных отношений иноземцев. Внутри этих рамок существовала система личных отношений, построенных на взаимной симпатии или неприязни, родственных связях и интересах, интригах и сплетнях. Анализ материалов следственного дела Г. Фика позволил выявить эту систему социальных связей – нити отдельных упоминаний о встречах, личных отношениях, сплетаются в многоцветное полотно и позволяют увидеть иерархию и любопытные черты быта этого общества.

Арест в 1731 году и десять лет жизни в сибирской ссылке выбили Г. Фика и его семью из привычного образа жизни и круга общения. Однако есть свидетельства, что после возвращения из ссылки в феврале 1743 года, он обращался к влиятельным людям из окружения Елизаветы Петровны и даже был на аудиенции у самой императрицы. Сохранился черновик письма Фика,

<sup>648</sup> Helander, Abel. Daniel Niklas v. Höpken 1669-1727. Stockholm. 1927. S. 141.

<sup>649</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. II. Л. 107 об.

<sup>650</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 41.

<sup>651</sup> Там же. Л. 277.

собственноручно написанный им на русском языке 28 марта 1743 года, адресованный советнику Василию Ивановичу, очевидно, действительному статскому советнику Василию Ивановичу Демидову: «высокоблагородный и высокопочтенный господин советник, милостивый г[осу]д[а]рь мой Василей Иванович за все ваши ко мне оказанные по приезде моем в Москву милости и благосклонности не знаю чем вашему высокоблагородию також и вашей супруге отслужить. Однако толь чувствую, что ничего иного к благодарению н[ы]не принести не могу, кроме того, как завсегда повсюду долженствую имя ваше прославлять ижеко известию вашему высокоблагородию приношу по приезде моем в Санктпетербург во всяком благополучии Б[о]г привел у Ея Им[ператорско]го В[еличеств]а быть на поклоне и також и у всех господ министров и сенаторов был и приниман весма хорошо»<sup>652</sup>. Он также просил приложить «старание во отыскании моих домашних писем яко патент диплом и протчие мои дела домовые вовемя моего несчастья оныя из дому моего взяты были господином капитаном Володимером Семеновичем Салтыковым (что ныне московский вицегубернатор: и тако где оныя ныне находятца понеже об оных от кабинета и от сената приказание имеется точию за незнанием где оныя хранятся отыскать не знаю пожалуй милостивый государь мой хотя ваше высокоблагородие сим и утруждаю однако кроме вас ко отысканию помянутых писем положится на друга не знаю»<sup>653</sup>. А также просил «пожаловать приказать сыскать бывшего унтердолмера Андрея Дурнейдера, которой ныне находится на большом каменном суконном дворе <...> понеже ему в прежних годах, а имянно в прошлом 1730м году, было отдано от меня семени и лифлянского солоду для продажи в Кронштате с лишком на семьсот рублей, и тако ваше высокоблагородие прошу ево призвать к себе и об оном попространнее ево Дурнейдера спросить, куды оной хлеб он отдал или кому из моей фамилии заплатил денгами и имеет ли в том платеже квитанцию то прошу чтоб оную при писме под вящим ковертом ко мне

---

<sup>652</sup> ЕАА. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

<sup>653</sup> Там же. Л. 1 об.

прислал»<sup>654</sup>. В 1747 году Г. Фик писал также к канцлеру Бестужеву-Рюмину с просьбой ускорить дело о возвращении конфискованных лифляндских имений<sup>655</sup>.

### 3.3 Материальное положение

Согласно патенту, подписанному Петром I 23 января 1717 года, жалованье Г. Фика как советника Камер-коллегии составляло 800 рублей в год<sup>656</sup>. Ему полагался двойной иноземческий оклад, и после утверждения штата Камер-коллегии он стал получать 1600 рублей в год, размер жалованья оставался неизменным на протяжении всей его службы в России<sup>657</sup>. В 1719 году царь позволил ему «некоторые малые вещи из китайской земли вывезть» и Г. Фик «свои денги 600 рублей в сибирскую канцелярию заплатил»<sup>658</sup>. 600 рублей были весьма крупной суммой. Летом 1721 года Фик собирался выдать замуж свою старшую дочь, в связи с этим предстояли большие расходы, поэтому 17 мая 1721 года он подал прошение о внеочередной выдаче жалования<sup>659</sup>. В июле прошение было удовлетворено: «По указу великого государя правительствующий сенат слушав сего челобитья приговорили согласно; камар коллегии советнику Фику для объявленной ево нужды, на сей 721 год на последние две трети майскую и сентябрьскую его великого государя жалованья по окладу из штатс кантор коллегии выдать без удержания»<sup>660</sup>. В патенте было особо оговорено, что царь пожаловал Фика «пристойным свободным жилищем и потребными дровами», однако, положенные дрова ему не выдавали до октября 1720 года – чтобы получить их или «дровяные» деньги, Фику пришлось подать особое доношение в Сенат. 3 октября 1720 года

<sup>654</sup> ЕАА. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 26. Л. 2 об.

<sup>655</sup> РГАДА. Ф. 161. Д. 15.

<sup>656</sup> Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 56. С. 116.

<sup>657</sup> РГАДА. Ф. 248. Кн. 606. Л. 200; Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 55. С. 288.

<sup>658</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 42. Л. 519; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 48. Л. 670.

<sup>659</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 377. Л. 297.

<sup>660</sup> Там же. Л. 298.

по «великого государя указу и по сенатскому приказу велено камор коллегии советнику Фику по капитуляции ево о даче ему на прошлые и на нынешней годы дров или за те дрова денги сверх жалованья рассмотрение и указ учинить в камор коллегии, а по определению той коллегии те дрова или за них денги выдать и впредь давать из штатс кантор коллегии»<sup>661</sup>.

До 1727 года Г. Фик жил в Петербурге на Городовом острове недалеко от главной городской площади – Троицкой – где располагались Троицкая церковь, первое мазанковое здание коллегий, Посольский двор. Дом, в котором проживал Г. Фик, был деревянным и принадлежал казне. В 1720 году он хотел сделать на своем дворе некоторые хозяйственные постройки, однако, в Петербурге действовал запрет на деревянное строительство и ему пришлось обратиться за помощью к Кабинет-секретарю А.В. Макарову: «Понеже я от господина обор камисара Синявина требовал, дабы во дворе моем некоторые маленькие людские избы построит повелел, дабы мои служители во оных пребывать могли, которое так потребно есть, что мне архиву швецких документов и маленькую канцелярию и караул во дворе держать, и хотя оной такое дело усмотря и потребное изобрел, но однакож тем отрицался, что без повеления на здешнем острове строить не надлежит <...> ваше благородие сами изволите за потребно разсудить, что нынешнее мое отбывание таким образом учреждено быть имеет, чтоб я с моими многими детьми и служители требуемое место получить, а не помешателну быть чин мой отправлять; того ради вашего благородия зело прошу да благоизволите так скоро, как возможно вышепомянутому господину обор камисару того ради потребной указ послат»<sup>662</sup>. В феврале 1721 г. именным указом Петр I приказал к его «брусным хоромам» пристроить «три каморы, сени да баню». 14 ноября этого же года Г. Фик подал меморию в Городовую канцелярию с просьбой возместить 136 руб. 24 коп., израсходованных на ремонт квартиры, «понеже

---

<sup>661</sup> Там же. Л. 296 об.

<sup>662</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 48. Л. 673-674.

моя квартира один дом, которой его императорскому величеству принадлежит»<sup>663</sup>.

К 1720 году у Г. Фика и его жены было шестеро дочерей, которых нужно было не только кормить и одевать, но и обеспечить приданым. Необходимый и устойчивый уровень доходов могло принести помещичье хозяйство, поэтому Г. Фик почти два года добивался пожалования имений в Прибалтике, обещанных ему Петром I в январе 1719 года. Посредником и «высокосклонным благодетелем» в решении этого дела выступил Кабинет-секретарь А.В. Макаров, который по просьбе Г. Фика напоминал царю о «посуленных мызах»<sup>664</sup>. В декабре 1720 года царь пожаловал Г. Фику целый приход с замком в Лифляндии – «в Дерптском дистрикте Оберпаленский кирхшпиль с принадлежащими десятью мызами», который насчитывал по ревизии 1718 года 76  $\frac{3}{4}$  гака<sup>665</sup>, «с которых в то время было доходу помещику по тысяче по пятисот по тридцати по пяти рублей на год [1535 рублей в год]»<sup>666</sup>. Однако эта сумма не учитывает доходов помещика от продажи зерна, солода и других продуктов. Оценка доходности помещичьего хозяйства Г. Фика требует самостоятельного трудоемкого исследования. При оценке материального положения Г. Фика следует учитывать также и его расходы за пристройки, проведенные в имении и выплаченные им семнадцать тысяч рублей, «шведских закладных капиталов и прочих убытков»<sup>667</sup>. Впрочем, земельные владения Г. Фика были обширными и вызывали зависть современников. В 1722 году французский посланник в Петербурге Кампредон

<sup>663</sup> Базарова Т.А. Генрих Фик и его проект «...об исправлении» ... С. 25-26.

<sup>664</sup> Прокопенко Я.И. Генрих Фик и процесс интернационализации. С. 162-163.

<sup>665</sup> Гак – кадастровая мера в Прибалтике, по которой рассчитывались налоги и барщина. В разное время сам гак определялся по-разному. В 1712 году гак исчислялся по количеству работоспособных крепостных (18 человек обоего пола на один гак): Зутис Я.Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига., 1946. С. 97. Впоследствии способ исчисления гаков менялся, А.В. Беспалов приводит сведения, что эстляндский гак составлял 0,48 га, а лифляндский – 0,5 га: Беспалов А.В. Основные формы и методы комплектования шведской армии в 1700-1709 годах // Северная Европа: проблемы истории. 2003. Вып. 4. С. 228. Сн. 32.

<sup>666</sup> Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 69. С. 243.

<sup>667</sup> Там же. С. 245.

писал, что имение Г. Фика «дает шесть тысяч экую ежегодного дохода», а Я.Я. Зутис называл Г. Фика крупнейшим землевладельцем Лифляндии<sup>668</sup>.

В правление Екатерины I материальное положение Г. Фика ухудшилось. В 1725 году основная часть земельных владений была у него отнята и передана шведскому графу Дюкеру, вице-президенту Юстиц-коллегии С.А. Вольфу и генерал-майору И.И. Бибикову. Самому Г. Фику было оставлено только 20 гаков из прежних 76  $\frac{3}{4}$ , а его доход с этих гаков составил 882 рубля в год, не учитывая его убытков от потери других доходов помещичьего хозяйства<sup>669</sup>. В июне 1726 года в Верховном тайном совете «разсуждали о прошениях советника Фика, что он бьет челом о прибавке ему в Лифляндии еще мыз к тем, которыя даны в вечное ему и потомком его владение двадцать гаков; и повелели в том ему отказать, объявля, чтоб он был доволен тем, что ему пожаловано прежде, и о том ему Фику тогож числа от действительнаго статскаго советника Василья Степанова объявлено»<sup>670</sup>.

В июле 1726 года Фик подал другую челобитную, в которой сообщал о задержке жалованья. Проблема состояла в том, что он был приравнен к другим иностранным служащим коллегий, которые были «мызами пожалованы» и пока при составлении новых штатов не было определено, какое им давать жалование, в Штатс-конторе отказывались его выдавать. Фик напоминал в челобитной, что размер его жалованья был закреплён в патенте, подписанном Петром I: «Его Императорское Величество за четыре года до своей весьма сожалеимой кончины пожаловал меня некоторыми знатными маетностями, однако ж Его Величество, даже до блаженной своей кончины, в жалованье и в капитуляции моей никакие перемены не учинил, но при разных случаях тако ж при сочинении штата оное все милостивейше соизволил утвердить и меня при том защитить; а ис помянутых пожалованных маетностей ныне за мною только пятая доля оставлена, а достальные от меня отняты и другим во

<sup>668</sup> Цит. по: Helander, Abel. Daniel Niklas v. Hörken. S. 141; Зутис Я.Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. С. 121.

<sup>669</sup> Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 69. С. 243.

<sup>670</sup> Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 55. С. 364.

владение отданы»<sup>671</sup>. Он просил соблюдать закрепленные в патенте условия и выдать ему жалованье: «И понеже в штатс-конторе в выдаче договоренного моего в помянутой капитуляции и полученного до сего времени жалованья ныне ещё впервые мне спор чинят, и тем оная данная мне капитуляция весьма уничтожаетца, того ради принужден я прибежище своё у Вашего Императорского Величества всеподданейше искать и предложить кой ради причины блаженныя и вечно достойныя памяти с Его Императорским Величеством капитулировал, дабы как накрепчайше всякия внесённые в том кондиции содержаны не были и чтоб я многим случающимся переменам в сочинении нового какого штата не подвержен был <...> Того ради Вашего Императорского Величества всеподданнейше прошу, чтоб всемилостивейше повелеть по силе оной блаженныя и вечно достойныя памяти от Его Императорского Величества данной мне капитуляции во всяких случаях со мною поступать и в случающихся переменах меня з другими служителями иноземцами не смешивать»<sup>672</sup>. В сентябре Екатерина I удовлетворила прошение Фика и велела давать ему жалованье «по капитуляции»<sup>673</sup>. В декабре 1726 года Фик был пожалован в статские советники и вице-президенты Коммерц-коллегии, но без повышения жалованья<sup>674</sup>. Таким образом, к концу правления Екатерины I жалованье Фика оставалось прежним – 1600 рублей, количество земельных владений сократилось в четыре раза, доходы с мыз уменьшились как минимум вдвое. Также у Г. Фика по-прежнему не было в Петербурге собственного жилья, выделенный ему на время службы дом принадлежал государству, а срок службы, согласно патенту, истекал в 1729 году.

При Петре II материальное положение Г. Фика оставалось непростым, однако наметилась положительная динамика. 12 мая 1727 года он подал челобитную, в которой просил пожаловать ему «бывшаго генерала-маэора

<sup>671</sup> Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 56. С. 114.

<sup>672</sup> Там же. С. 115.

<sup>673</sup> Там же. С. 113.

<sup>674</sup> Там же. С. 428, 537, 542, 569.

Григорья Скорнякова-Писарева дом на Васильевском острове с каменными палаты <...> помянутого Скорнякова-Писарева дом отдат в вечное владение мне, как и помянутому Писареву дан был, для того, что по Вашему Императорского Величества указу велено как коллегиям, так и всем быт на Васильевском острове, а я на острове дому своего, так же и чем построить капиталу толикого не имею»<sup>675</sup>. Двор с каменным строением был пожалован Г. Фику, однако, «в том дворе было много недостроенного и розваленного», он потратил на ремонт более трех тысяч рублей, например, пристроил «люцкие и прочие покои и конюшни каменные»<sup>676</sup>. В 1728 году вышел указ Петра II о возврате конфискованного в 1718 году (по делу его отца царевича Алексея) имущества прежним владельцам и в 1729 году на двор Г. Фика предъявили претензии наследники первого владельца сибирского царевича Василия. Однако было решено двора у Г. Фика не отнимать, а детям сибирского царевича выдать денежную компенсацию<sup>677</sup>.

Летом Фик получил позволение Петра II выкупить лифляндские владения, которые принадлежали ему до 1725 года, но затем были отданы Дюкеру<sup>678</sup>. Был составлен контракт, согласно которому Фик выкупал у Дюкера имения Оберпален, Аддафер и Немменгоф со всеми крестьянами, деревнями и угодьями за восемнадцать тысяч альбертовых ефимков, которые обязывался выплатить в Стокгольме в течение трех месяцев с даты подписания контракта наличными или голландским векселем<sup>679</sup>. Карл Густав Дюкер подписал контракт в Стокгольме 1 сентября, а Г. Фик – в Санкт-Петербурге 28 сентября 1727 года<sup>680</sup>. 8 декабря 1727 года Дюкер письменно подтвердил получение денег и передачу недвижимости во владение Фику<sup>681</sup>. В 1729 году Петр II пожаловал Г. Фику также некоторые эстляндские деревни Меншикова<sup>682</sup>.

<sup>675</sup> Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 63. С. 509.

<sup>676</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 691. Л. 799, 808.

<sup>677</sup> Подробнее см.: Ларина Я.И. Двор на набережной ... С. 107-108.

<sup>678</sup> Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 69. С. 242-243.

<sup>679</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. II. Л. 104 об.

<sup>680</sup> Там же. Л. 106.

<sup>681</sup> Там же. Л. 107 об.

<sup>682</sup> Сб. РИО. СПб., 1894. Т. 94. С. 282-283.

Восемнадцать тысяч ефимков были огромной суммой, Г. Фику пришлось занимать деньги под проценты у иностранных купцов. Согласно облигациям, 21 октября 1727 года он взял у купцов Шифнера и Вольфа «3 тысячи ефимков галанских курант» на три года под 10% «и в том верном платеже заложил нам все свое движимое и недвижимое имение и маестности как здесь, так и в Лифляндии», а 2 января 1728 года – у купцов прусской торговой компании «на покупку в Лифляндии графских дукерских Оберпалских вотчин» 5 тысяч рублей на три года под 6% годовых и «положил в заклад все свое движимое и недвижимое имение как в Санктпитебурхе, так и в Лифляндии <...> а ежели вышепоказанные денги во означенный срок заплачены не будут <...> Гендлер и Рейх в ево фиковых пожитках свое удовольствие взять могут»<sup>683</sup>. Также сохранились счета, согласно которым Фик в 1730 году должен был выплатить 212 рублей за «выписанную ему из Берлина одну карету», 66 рублей за «один оксофт мозелвеина», 28 рублей 95 копеек за «две половинки мундирного сукна василкового» и 459 рублей 40 копеек за «выписанные ему из Англии вещи»<sup>684</sup>. Г. Фик исправно выплачивал долг и проценты, до своего ареста в 1731 году он успел заплатить кредиторам 2300 и 1540 рублей соответственно<sup>685</sup>. Однако после его ареста значительная часть долга осталась невыплаченной, дом в Петербурге и имение в Лифляндии были отобраны в казну и розданы по указам Анны Иоанновны новым владельцам, а купцы более десяти лет пытались получить из казны компенсацию. В 1733 году в Сибирь, где Фик отбывал ссылку, были отправлены специальные вопросные пункты, чтобы выяснить, справедливы ли требования купцов. «Арестант Фик по ниже предложенным пунктам допрашиван» и подтвердил обоснованность притязаний кредиторов, однако им так и не удалось вернуть свои деньги, несмотря на вмешательство прусского посланника в России Мардефельда<sup>686</sup>.

<sup>683</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 19. Кн. 1244. Л. 251, 252 об.-253.

<sup>684</sup> Там же. Л. 254, 258.

<sup>685</sup> Там же.

<sup>686</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 19. Кн. 1244. Л. 283-284 об.

Помимо этих долговых обязательств, 30 июня 1728 года Петр II наложил на Фика и других членов Коммерц-коллегии штраф: «за непорядочную иноземцу Вольфу в нынешнем в 1728-м году отдачу поташа, уроненные в цене против 1727 года 1125 ефимков велено взять Коммерц-коллегии на членах, с каждого по пропорции их жалованья да им же сверх того не давать на полгода жалованья»<sup>687</sup>. В конце концов благодаря слезным челобитным Петр II снял с них и штраф полугодового жалованья, и недоимку, однако, пока в течение девяти месяцев тянулось это разбирательство, жалованья членам Коммерц-коллегии не выдавали<sup>688</sup>. Ко времени ареста у Г. Фика были крупные долги – благодаря ссудам голландских и прусских купцов он смог выкупить у Дюкера земельные владения. Однако он исправно выплачивал долги и проценты.

Социальное и материальное положение Г. Фика менялось на протяжении его службы в России. Оно зависело от того, кто был на троне и около него. Он старался заручиться покровительством влиятельных сановников в зависимости от политической конъюнктуры, но будет неверно говорить о его близости к «партии голштинцев» на основании его национальной принадлежности, в равной степени некорректно относить Г. Фика к сторонникам Д.М. Голицына и других «бояр» на основании некой общности их политико-философских взглядов.

В то же время Г. Фик принадлежал к среде служилых иноземцев и сохранял связи с иностранными знакомыми. Тем не менее, принадлежность к одной социальной среде и протестантской общине формировала лишь внешние рамки социальных связей иноземцев. Внутри этого каркаса существовали личные отношения, обусловленные интересами, неприязнью и другими субъективными факторами. В этой связи подчеркнем неправомерность представления о существовании единого идеологически сплоченного лагеря иностранцев на русской службе.

<sup>687</sup> Сб. РИО. СПб., 1893. Т. 84. 538.

<sup>688</sup> Там же. 538-539; Сб. РИО. СПб., 1898. Т. 101. С. 84-85.

Ко времени ареста в 1731 году Г. Фик как статский советник и вице-президент Коммерц-коллегии принадлежал к чиновной элите российского общества, включавшей лиц первых пяти классов Табели о рангах. Он имел собственный каменный дом на Васильевском острове и обширные имения в Лифляндии, исправно выплачивал долги. Высокое социальное положение позволило ему выдвинуться на видное место и в протестантской общине Петербурга, участвовать в организации нового независимого прихода протестантов Васильевского острова. В это время Г. Фик выступал не только как проситель, но и как покровитель, в том числе своих заграничных родственников. В 1729 году истек срок его службы, оговоренный патентом, поэтому Г. Фик приложил все усилия, чтобы вернуть обширные земельные владения в Лифляндии. Статус крупного землевладельца позволил ему войти в состав остзейского дворянства, получить соответствующие подтверждающие дипломы и приблизиться к стремлению жить в Лифляндии без службы, что допускалось условиями патента.

## Глава 4. Власть и личность в России первой половины XVIII века сквозь призму службы иноземца.

### 4.1. Представления Г. Фика о государственной службе (анализ проектов 1718-1730 гг.)

Комплексный анализ проектов Г. Фика 1718-1730 годов позволит выявить его представления о государственной службе и поставить следующие вопросы. Каким образом Г. Фик предлагал создать эффективный государственный аппарат, который преумножит благосостояние и доходы государства? Какими были его представления об отношениях власти и служащих? В какой степени они коррелировали с российской действительностью? Как в зеркале его проектов отразилась российская система государственной службы? Для ответа на поставленные вопросы предлагается рассмотреть замечания Г. Фика о таких условиях службы как жалованье, возможность выбора места службы, отпуска служащего на время в свои имения и других.

Многочисленные проекты Г. Фика содержат отдельные замечания о **жалованье**. Два документа полностью посвящены жалованью, принципам определения его величины, распределения, формы – «Мнение» от 4 июня 1722 года, поданное в Сенат и «Описание рефлексиям [разсуждениям], которые потентат, а особливо корона швецкая при сочинении штата и расходов имеет» от 5 декабря 1723 года. Очевидно оба документа были составлены Г. Фиком в рамках работы по выработке принципов распределения жалованья, которая велась в Сенате в течение 1723 года<sup>689</sup>.

В России существовали казенные службы, которые осуществлялись *без жалованья*. В частности, внешние и внутренние таможи комплектовались на основе ежегодного набора посадских людей во исполнение возложенной на них казенной повинности. Они не только не получали вознаграждения, но и

---

<sup>689</sup> Анисимов Е.В. Государственные преобразования ... С. 227.

сами несли немалые издержки, что отражалось на качестве службы и вызывало подозрения в утайке ими части пошлин. Кроме того, кратковременность службы и незаинтересованность в ней посадских людей препятствовали созданию обученных кадров в такой области государственного хозяйства, которой правительство отводило все большую роль в денежных накоплениях<sup>690</sup>. В 1721 году разрабатывался новый регламент Коммерц-коллегии. Н.В. Козлова сравнила пересмотренный Коммерц-коллегией текст, предложения Г. Фика и окончательный текст новой редакции и выявила характер внесенных изменений<sup>691</sup>. В замечаниях на представленный Коммерц-коллегией проект нового регламента Г. Фик обратил внимание Сената на то, что «коммерция и морские таможенные дела никогда в приращении не будут, ежели помалу непременно таможенные служители не определены и жалованьем не снабжены бывают... ибо высокому интересу е.и.в. при морских пошлинах учинился по прежнему маниру десятикратной ущерб, нежели жалованья таких служителей»<sup>692</sup>.

И в других проектах Г. Фик неоднократно отмечал, что служащий должен *получать жалованье*: «как гражданские дела к службе и пользе всего государства установлены суть, так и всего государства должность в сем есть, как и в протчих государствах потребное пропитание гражданским служителем давать»<sup>693</sup>, иначе он будет думать не о службе, а о том, где достать денег: «ежели оное пропитание ему не дается, то приходит он в скудость, в нужду или в неисправность, чего ради во всех государствах того накрепко смотрят, дабы все гражданские и военные служители в надлежащее время свое жалованье получали, такоже и те не по жестокости прав наказаны бывают, которые могут доказать, что они за неисправным получением жалованья и з необходимой нужды на запрещенной способ искали своего пропитания»<sup>694</sup>. А

<sup>690</sup> Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. С. 85.

<sup>691</sup> Там же. С. 84.

<sup>692</sup> Цит. по: Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество. С. 85.

<sup>693</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 58. Л. 339 об.

<sup>694</sup> Там же. Л. 95 об.

также «никто не служит в Швеции и в других государствах без жалованья сея ради притчины, понеже служители королю и всему государству служат, и кроме того никакого прекормления или промышления иметь не могут, но по вся дни своего дела смотреть должны»<sup>695</sup>.

Г. Фик последовательно отстаивал точку зрения, что попытка экономии государственных средств за счет жалования чиновников нецелесообразна и вредна, поскольку служащий без жалованья будет не только плохо работать, но и обманывать государство, наносить ущерб казне, поэтому выгоднее тратить средства на выплату жалованья, чем нести убытки от казнокрадства: «Впервое надлежит каждому государству служителей своих честно и по нужде пропитать, яко мы то видим во всех христианских государствах, також имеет Россия болших прибытков от всевышняго Бога по природе чем служителей пропитать, нежели Швеция; второе способнее есть давать 100 рублей жалованья, нежели допустить в 200 или в 300 рублей подлога; в третье нет государству в одном миллионе жалованья ни рубля убыли, ежели все оные денги в государстве паки издержаны будут; в четвертое никогда искусных подданных сего государства к делам склонить не можем, ежели надежда к тому к жалованью и к повышению чина оных не побуждает»<sup>696</sup>. Г. Фик предлагал учитывать, что полученное жалованье служащие будут тратить внутри страны, стимулировать тем самым финансовую систему и торговлю, поскольку высокая покупательная способность обеспечивает оживление экономики: «Наконец же о жалованье паки к разсуждению предлагаетца, что государство от сих денег ничего не утратит, которые на жалованье служителем и на государственной расход внутри государства определено будет, понеже такие денги в государстве остаются и паки в расходе будут подобно как в комерции обходитца, и паки приходят в кладезь ис которого выходят»<sup>697</sup>.

<sup>695</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 58. Там же. Л. 97 об.

<sup>696</sup> Там же. Л. 33.

<sup>697</sup> Там же. Л. 341 об.

Говоря о *принципах распределения жалованья*, Г. Фик указывал, что в Европе «нигде необретаецца, чтоб гражданскому статусу по рангу жалованье давано было, которой он с военным статусом равно имеет и такому равенству жалованье нипокоторой мере учинитца невозможно, ибо военной статус никакой работы или трудности когда мир есть не имеет, но стоит на квартирах и как добродействие, так и протори малыя; також и денщиков имеет, а когда и война бывает, то получает порции и рации; и протчие авантажи, и болшая часть афицеров служат о получении себе чести и повышения. А гражданские ж служители против того принуждены всегда в городех жить, и за взятые в жалованье денги содержатся, повсядневно принуждены они трудитца, и того для дому своего престерегат в существо не возмогут, и повышение себе имеют продолжительное, и для повсядневнаго их отправления со многими проторми в городех иквиваж свои содержат»<sup>698</sup>. В 1723 году Г. Фик также указывал: «Жалованные оклады нигде не сочиняются по рангам, которые гражданские против воинских служителей имеют, и дается всякой ранг токмо для той притчины, дабы он знал, какого достоинства чин ево есть и дабы о преференции [о старшестве или о вышнем месте] ссоры не происходили, *но сочиняется жалованный оклад смотря на труды, ползу и важность всякого чина*, и тако имеет некоторой гражданской служитель меньше, некоторой же болше жалованья, а не по рангу своему»<sup>699</sup>. Привязка жалованья гражданских служителей к армейским окладам казалась Г. Фику нелогичной из-за совершенно различной природы и условий гражданской и военной службы. По его мнению, жалованье служащие должны получать согласно их должности и объему выполняемой работы, «по всякому служителя характеру, имяни и жалованному окладу»<sup>700</sup>. Несмотря на предоставленные Г. Фиком сведения, вышел указ от 14 декабря 1724 года, согласно которому жалованье

<sup>698</sup> Там же. Л. 339. Примечательно, что ту же мысль высказывал другой иностранец, член Верховного тайного совета Карл-Фридрих Голштинский, в записке от 1 апреля 1726 года. См.: Анисимов Е.В. Государственные преобразования ... С. 226.

<sup>699</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 58. Л. 94 об.

<sup>700</sup> Там же. Л. 93.

членов коллегий определялось в половину оклада армейских офицеров, находившихся в том же классе по Табели о рангах<sup>701</sup>.

Величина жалованья не должна зависеть от наличия у служащего земельных владений: «хотя все природные нарочитые служители вотчины имеют, то однакож известно, что оное во всех протчих государствах подобно тому есть, и того ради никакой разности в жалованье не чинитца, и ежели кто вотчины и имеет, то ему оные по наследию, по приданой и куплею, или чрез особливые службы достались, и со оных дает и контрибуцию, и тако следует натурално, что он сам оные свои вотчины и экономию охранять имеет, как и протчие ево братья чинят, и ежели он дом оставит и по указу на другом месте службу свою отправлять будет, то *жалованье по препорции службы получать будет, а не по вотчинам*»<sup>702</sup>.

Русским служащим коллегий *жалованье* долгое время выплачивалось в смешанной *натурально-денежной форме*<sup>703</sup>. Г. Фик предлагал отказаться от этой практики и «все жалованье сщестъ и давать денгами тако, чтоб никогда правиаantom не давать, в чем и кроме того токмо в том пространства и конфузии в щетах бывають»<sup>704</sup>. Он указывал на неудобство и даже вредность подобных выплат: «Так же товарами жалованья нигде не дается, но такие товары бывають продаваны при публичных аукциях тому, кто болше даст, ибо в таких товарах имеют служители великой убыток, когда многие из них такие товары вдруг нужды ради продавать принуждены. Сверх того, и государству неполезно, когда служители вместо отправления их дел за купцами которые бы у них товары купили ходить имеют»<sup>705</sup>. «Акциденции», то есть взятки или подарки от челобитчиков, в отличие от российских реалий, в Швеции были запрещены, поскольку служащий получал жалованье: «Акциденции во

<sup>701</sup> Анисимов Е.В. Государственные преобразования ... С. 225-227.

<sup>702</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 58. Л. 340.

<sup>703</sup> Анисимов Е.В. Государственные преобразования ... С. 222. После смерти Петра I вовсе было принято решение вовсе отменить денежную оплату труда гражданских служащих. Писарькова Л.Ф. Российская бюрократия в эпоху Петра I (окончание) // Отечественная история. 2004, №2. С. 10.

<sup>704</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 58. Л. 340.

<sup>705</sup> Там же. Л. 96.

Швеции суть такого состояния подарки брать весьма запрещено того ради всякой имеет свое жалованье, которым ему доволствоватца надлежит, а ежели про кого сысщетца, что он в своем чине подарки брал, то такой по обыкновенным правам и по изображению обстоятельств наказан бывает, а имянно когда король или та партия, которая суда ищет чрез то неотяхчены, то и штрафу лехко и умеренно: ежели ж при том найдется некоторой подлог и обида, то оное преступление есть криминальное, и по изобретению таковой штрафуются, или телесно или потеряннем чести, или платою денег, или иногда и смертью»<sup>706</sup>.

Пожалуй, самым принципиальным расхождением российских реалий и представлений Г. Фика о жалованье было *разное понимание природы жалованья*. Г. Фик отмечал, что в Швеции и других европейских странах составляется штат, в котором четко оговорено, кому из служащих какое положено жалованье. Согласно этому штату, жалованье выдается в положенное время Штатс-канторой: «И по оному штату дается чрез весь год всякому определенное свое жалованье, о котором впред бить челом и о особливых указах для выдачи оного жалованья просить не надобно»<sup>707</sup>. «Нигде обыкновенно есть о жалованье всегда челобитные подавать, и мало к тому гербовой бумаги употреблять, и печатать велеть, и прочее тому подобное, точию что когда жалованной штат учрежден есть, то повинна Штатс-кантора в предложенной срок каждому определенное его жалованье с роспискою отдавать повелеть»<sup>708</sup>.

В России же закрепился совершенно иной взгляд на службу и жалованье. Она воспринималась как долг, а вознаграждение — как милость, оно «не предназначалось для эквивалентной расплаты за труд, это был дар, его жаловали за верную службу. Для того, чтобы получить даже положенное по указу жалованье, его следовало просить, подавая челобитную на царское имя»,

<sup>706</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 58. Л. 98.

<sup>707</sup> Там же. Л. 93.

<sup>708</sup> Там же. Л. 340.

а размер его определялся не объёмом и качеством выполненной работы, а чином по Табели о рангах<sup>709</sup>. Л.Ф. Писарькова отмечает, что в первой четверти XVIII века еще не изжило себя старое понимание «жалованья», в котором законодатели по-прежнему видели не столько *плату* за труд, сколько *награду* за службу<sup>710</sup>. Е.В. Анисимов также обращает внимание на то, что выплата жалованья не приобрела в рассматриваемый период позднейшей обязательности выдачи зарплаты и производилась по-прежнему как награда, пожалование, как милостивое «Его императорского величества жалованье» по именному указу, для чего следовало писать особую, выдержанную в принятых тогда уничижительных тонах, челобитную»<sup>711</sup>.

Г. Фик обращает внимание на то, что в других европейских государствах дворяне по прошениям получают **отпуск в свои имения** для решения хозяйственных дел. Они знают, что хозяйство не придет в упадок во время их отсутствия, поэтому охотно идут на государственную службу, чтобы сделать карьеру и заработать деньги: «Когда шляхтич в действительной службе обретается и он по смерти отца своего или по каким иным притчинам принужден свою экономию в маетностях сам управлять, то ему по его домогательству отпуск охотно дается»<sup>712</sup>. В России же, по мнению Г. Фика, дворянам приходилось фактически бросать свои владения, где они не бывали годами, от чего хозяйство приходило в упадок и разорение, а сами дворяне уклонялись от государственной службы: «В протчих государствах поселенное шляхетство, экономию маетностей своих сами своевольно оставляют, и службы ищут для получения ранга и жалованья, а всем же государстве принуждены они по указом вотчины и дом оставлять; и часто случаетца в далних местех

---

<sup>709</sup> Ларина Я. Осмысление роли образования ... С. 83; Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени. М., 2004. С. 270; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство... С. 253; Брикнер А.Г. История Петра Великого. М., 2004. С. 236.

<sup>710</sup> Писарькова Л.Ф. Российская бюрократия в эпоху Петра I (окончание). С. 8-9.

<sup>711</sup> Анисимов Е.В. Государственные преобразования ... С. 228.

<sup>712</sup> РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 18. Л. 12 об.

чины восприимать, и потом малое что или весма ничего от вотчин получить могут, но принуждены ноивящее свое прикащиком оставить»<sup>713</sup>.

Другим условием является **добровольный характер службы**, право выбора места службы и получения отставки: «В Швеции и других Эвропских государствах никто в гражданскую службу не принуждаетца, и нигде такому принуждению быть не надобно, понеже все служители по своему чину надлежащее жалованье получают, и ранг и протекцию имеют, так же уставы весма сносны и такое доволство искусных людей имеетца, что об одной вакансии [упалом месте] часто многия вместе просят, и того ради всякой по прошению своему легко от службы уволен бывает»<sup>714</sup> и «в потребном случае каждый свой абшит иметь может»<sup>715</sup>.

Благодаря комфортным условиям службы в государственных учреждениях не будет кадрового голода, а, напротив, возникнет конкуренция претендентами на должность: «никому от правительства не повелеваетца, чтоб он своих детей к военному или морскому делу или гражданскому приводил или в стокгоlm посылал ибо ко всем государственным службам и управлениям всегда искусных людей болше находитца, нежели королю потребно, так что когда какая Гражданская или воинская служба или место порожно бывает ко всякой службе, хотя высокой хотя ниской всегда довольно охотных которыя сами к тому домогаются, которые свои дела и управление с основания разумеют и однакож зело просить принуждены, пока службу получают»<sup>716</sup>.

По мнению Г. Фика, государственный аппарат наполнится квалифицированными служащими и будет эффективно работать на благо страны и монарха только при условии *обоюдной* заинтересованности и *ответственности служащих и власти*. Хорошо образованные и профессиональные чиновники будут верно служить государству, если государство обеспечит им достойные условия службы. Свободный выбор

<sup>713</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 58. Л. 340.

<sup>714</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 58. Л. 97 об.

<sup>715</sup> РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 18. Л. 13.

<sup>716</sup> Там же. Л. 5-5 об.

места обучения и службы; своевременную выплату достаточного жалованья; беспрепятственный отпуск в имения для решения хозяйственных вопросов; возможность получения отставки – «уставы, регулы и учреждения в Швеции тако учреждены, что способно есть королю служить»<sup>717</sup>. Подобная постановка вопроса – служба как «взаимовыгодное сотрудничество» чиновника и власти – была неприемлема в России, где служба рассматривалась как долг или повинность, а жалованье – как царская милость. Дворяне неохотно отдавали детей в обучение и на государственную службу, а власть отвечала на это уклонение суровыми указами, обещавшими наказание<sup>718</sup>.

#### 4.2. Г. Фик о положении иноземцев в России.

Как советник Камер-коллегии, а затем вице-президент Коммерц-коллегии Г. Фик сам был в России служилым иноземцем, он также привлекал иностранцев на русскую службу в новые государственные учреждения, поэтому в его проектах особое внимание уделено различным аспектам положения иноземцев в России. Комплексный анализ проектов Г. Фика позволяет затронуть следующие вопросы. Как он предлагал привлекать иноземцев на русскую службу? Что было для Г. Фика и других иноземцев определяющим при выборе места службы? Как он оценивал взаимоотношения служилых иноземцев с российской властью? В какой степени его представления и предложения коррелировали с российской действительностью?

Г. Фик писал, что «всяк существенной умом чужестранец желает в таких местех жителство иметь, где бы ему и фамилии и потомкам и имению ево была безопасность»<sup>719</sup>. Как уже упоминалось в третьей главе настоящей

<sup>717</sup> Ларина Я.И. Осмысление роли образования ... С. 84; РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 18. Л. 12 об.-13.

<sup>718</sup> Ларина Я.И. Осмысление роли образования ... С. 85.

<sup>719</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 529. Л. 25 об.

работы, положение служилых иностранцев в России при Петре I регулировалось законодательными актами, в частности манифестом от 16 апреля 1702 года, который провозглашал четыре основных права для иностранцев, желающих приехать в Россию: свободный пропуск в Россию, свобода вероисповедания, сохранение правового статуса и подданства, право на свободный выезд из России<sup>720</sup>. Включение этих прав в манифест свидетельствует об их значении для иностранцев. Были и другие условия, соблюдение которых могло привлечь иностранцев на службу в Россию. Одним из важнейших условий было обеспечение иностранных служащих *патентами*, на основании которых они поступали на русскую службу. Общепринятая в Европе система патентов и абшидов, официальных документов о поступлении на службу и последующей отставке, была привычной и воспринималась как правовая, обеспечительная основа положения служащего. Г. Фик подчеркивал, что выдача патента должна стать общей практикой, частью регулярной, стандартизированной процедуры приема на службу: «Потребно [...] чтоб повелено было патенты без умедления апробованным служителем, изготова, выдать, ибо *служитель некоторой сюды не приедет, пока патент свой не увидит*»<sup>721</sup>.

Для проезда в Россию иностранцам, особенно семейным, требовались деньги – путешествие из Западной Европы в Россию было утомительным и дорогостоящим предприятием. Г. Фик писал 19 марта 1717 года перед собственным приездом в Россию: «Зело потребно, чтоб один фрегат его царскова величества, из тех, которыя в Ростокке или у Любека стоят, благовременно указ получил [...] меня и принятых [на службу] людей водою в Ригу или Ревель или в Петербург перевезть, ибо сухим путем станет в великие денги, особливо когда с женами, детми и багажем ехать»<sup>722</sup>. Расходы на проезд, питание в пути и другие нужды были чувствительными для

<sup>720</sup> ПСЗ. Т. 4. СПб., 1830. №1910. С. 192-193; Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы ... С. 54.

<sup>721</sup> Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. №269. С. 222.

<sup>722</sup> РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 31. Л. 471 об.

бюджета путешественника и членов его семьи. И впоследствии, говоря о нуждах иностранцев, Г. Фик отдельно упоминал об этой статье расходов: «О денгах в дорогу, також и о выдаче прибывшим служителем жалованя надлежит же имянной указ и подлинное означение, откуда принимать, пока Статц-Контора уставлена не будет. А ежели сие не зделаетца, то пребудут чюжие, которые приезжие здес, в нужде, якоже бы оное и учинилос, ежели бы я, не сожалея, между ними несколько сот рублей без интересов не разделил». Петр I наложил следующую резолюцию: «На дорогу два месеца жалованя»<sup>723</sup>.

Иностранцам требовалось и жилье: «О квартирах вначале такое потребное учинить определение, дабы чюжестранным служителем, которые з женами, собственные неолшие получать дворы, а холостых поставить у других жителей на квартеру, ибо малые служители не в таком состоянии, чтоб могли себе достат дворов, при том же жит им не отдаляс от Коллегиев, понеже без того нам не управитца будет»<sup>724</sup>.

Несмотря на острую нужду в квалифицированных иностранных служащих и декларированную готовность обеспечить им привлекательные условия службы, их материальное положение даже в начале реформы государственного управления отнюдь нельзя назвать безбедным. В частности Г. Фик писал в доношении Сенату от 6 ноября 1718 года: «Ещё всемилостивое напоминание, что я за несколько недель покорно просил, дабы чюжестранны служителя, по всемилостивейшему указу его царского веичества с 23 дня ... повелено было жалованье им выдать и понеже того числа милостивую соизволили учинить резолюцию, токмо оная ещё в деиство не произведена, а убогие служители между тем в великои нужде обретаютца, и происходит мне от них немалые доуки; того ради вторично сиятелнаго высокоправителствующаго Сената покорно прошу, да соизволите на то восприять твёрдую такую резолюцию, как правда и писменно указ его царскаго величества о том следует, дабы оные служители не принудены были

<sup>723</sup> Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. №269. С. 222.

<sup>724</sup> Там же. №269. С. 223.

из нужды в пропитании высокую службу его величества простерегать или весма оставить»<sup>725</sup>.

Помимо перечисленных нужд, согласно проектам Г. Фика, иностранцам требовалось обеспечить те же условия службы, которые были рассмотрены в первой части настоящей главы, поскольку Г. Фик никогда не настаивал на создании для иностранцев особых условий. В историографии давно оспорен тезис о существовании в России XVIII века «немецкого засилья» и улучшения положения иностранцев в ущерб «природным подданным» и интересам государства<sup>726</sup>. В этой связи важно отметить, что Г. Фик – иноземец, деятельный участник реформы государственного управления и сотрудник Петра I в деле привлечения иностранных кадров – *никогда не отстаивал преимущественное положение иностранных служащих* по сравнению с российскими коллегами. Действительно, для привлечения иностранцев в России существовал принцип распределения жалованья, при котором они по сравнению с «природными подданными» получали за ту же службу двойные оклады. Однако Г. Фик, будучи сам иноземцем, был против этого. Он указывал, что «между природными или иностранными никакой разности несть, и по регулам равной службы давать и жалованье равное»<sup>727</sup>. И подчеркивал, что подобная практика отсутствует в Швеции и других западноевропейских странах: «В жалованном штате иноземцам нигде больше жалованья как своим природным не определяется, но всякой иноземец, которой службы ищет или принял должен тем жалованьем довольствоватца, которое в ординарном штате определено, и сие в том обстоит, что шведы и другие государства никаких иноземцов больше не требуют, но своими собственными подданными все чины удовлетворять могут»<sup>728</sup>.

Другим важным условием службы в России для Г. Фика и других иностранцев было соблюдение *свободы вероисповедания*. Впрочем, в этой

<sup>725</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 42. Д. 61. Л. 313.

<sup>726</sup> Курукин И.В. Анна Иоанновна. М., 2014. С. 11.

<sup>727</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 58. Л. 340.

<sup>728</sup> Там же. Л. 96.

сфере, как правило, проблем не возникало, о чем писал и сам Г. Фик в 1730 году в «Подданнейшем представлении о исправлении города Санкт-Питербурха и размножении во оном жителей», в особом пункте «О волности в вере»: «Волность в вере первое есть основание к размножению пространных городов жителством, и понеже сей артикул от прежних славудостойных российских монархов уже введен и установлен, також и от ея ныне сщастливо державнейшаго императорского величества всемилостивейшее утвержден, что на многих языках и от многих народов в Санкт-Питербурхе и в других знатных российских сего государства городех усердные молитвы о многолетном правительстве и о помощи от вышняго Бога и о защищении и силе и за высокие ея императорского величества министры и военную силу, слышать можно»<sup>729</sup>.

С конца 1720-х годов протестанты Васильевского острова стремились создать собственный приход, обособиться от общины, главой которой был Б.-Х. Миних. К 1730 году Г. Фик укрепил свое материальное и социальное положение и, как видный житель Васильевского острова, стал претендовать на важную роль в этой протестантской общине. Занять значимое место в общинной иерархии мог не только человек, известный своим благочестивым образом жизни, но и человек влиятельный, способный защищать интересы общины в целом<sup>730</sup>. В этой связи примечательны предложения Г. Фика о создании структурированной системы независимой протестантской церкви, включенные им в проект «об исправлении города Санкт-Питербурха». В частности он предлагал, «чтоб святейший синод до чужестранных пасторов и прихожан, которые от других христианских вер не касался, и оные под свой суд и ведомство не привлекал, но всякому приходу волно было б себе пасторов выбрать по своей воли, а ежели которой пастор себя поведет непорядочно, то б прихожаном волно было ево увещевать или отставить», а также чтобы иностранцам «по своей вере позволено было свою хотя маленькую

<sup>729</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 529. Л. 3 об.-4.

<sup>730</sup> См. 3 главу настоящей работы.

конзисторию духовную из старейших прихожан и ис пасторов учредить, которому суду старание иметь, чтоб доброй содержан был порядок, и безбожников и тех ис прихожан, которые непорядочное житие ведут, по их церковному уставу оштрафовать, и на путь истинный обратить»<sup>731</sup>. Однако централизованная структура управления общинами протестантов была создана в России лишь в XIX веке<sup>732</sup>.

Г. Фик также стремился получить для обустройства церквей и содержания протестантской общины финансовую поддержку от российских монархов, апеллируя к примеру шведских и прусских монархов. Это желание зафиксировано еще в его записках 1719-1720 годов: «Все потентаты имеют для своих придворных и коллежских служителей особого священника и малую церковь: поскольку сейчас Его царское величество имеет иностранных служителей в основном евангелической, так называемой лютеранской, религии, то послужило бы к славе и интересу Его величества, если бы Они повелели построить наперво малую деревянную кирху на Троицком острове, малую школу и дом для священника и определили бы на церковь и школьных служителей постоянное годовое содержание всего в 400 рублей. А именно: 200 рублей для священника, 100 для искусного учителя и 100 для учителей арифметики и чистописания. Русская молодежь могла бы извлечь большую пользу из обучения немецкому языку, письму и счету, изучению бухгалтерии и получить хорошее основание наук, а такая церковь была бы названа на вечные времена в честь святого апостола и нашего милостивейшего царя, церковь Св. Петра, и в ней бы молились за благополучие Его величества, высокого царского дома и всего государства. И чтобы никому такое маленькое всеподданнейшее предложение не показалось чуждым, я сошлюсь на пример короля Пруссии, который на церкви и школы французских беженцев в своих землях ежегодно тратит 25000 талеров, и для них установил [их] собственную

---

<sup>731</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 529. Л. 4.

<sup>732</sup> Алакшин А.Э. Протестантские общины в Петербурге XVIII века. С. 60.

власть по франкским правам и регулам»<sup>733</sup>. В 1730 году о том же он просил Анну Иоанновну: «от ея императорского величества уповаетца, чтоб всемилостивейшее соизволить на устройство и содержание чужестранных церквей со временем либо некоторую малую помощь пожаловать [...] и то иностранцов сюда весьма приглашать будет, когда услышать, что таковые к чести Божией и христианскому порядку принадлежащие учреждения уже учреждены; а пример есть явной от его королевского величества прусского, понеже хотя тамо самая умеренная экономия учреждена и о небытии лишних расходов тщание имеетца, но однакож на содержание консисториев, церквей и судей доныне повсягодно расходов бывает более 20000 ефимков, подобно тому и его королевское величество шведское пастором при французской церкви в Стекголке жалованье дает, да и ее императорское величество по привилегиям и шведским обыкностям доныне повсягодно жалованье дает же суперинтендантом в Лифляндии и эстляндскому пастору в Пернове и некоторые школы в Лифляндии содержит жалованьем же, и протчая; того ради для чего б и Питербурх некоторую малую всемилостивейшую помощь не уповать, а особливо того ради что поистине интерес впред оное требует»<sup>734</sup>.

Г. Фика предлагал создать в России *особое правовое поле для иноземцев* – не только в религиозной, но и в гражданской сфере. Между тем, в российском законодательстве и судебной практике иностранцы, жившие в стране, рассматривались как находящейся на особом положении, но все же *составная часть населения в целом*<sup>735</sup>. Для решения различных дел иностранцы обращались в государственные учреждения в зависимости от специфики вопроса. В частности, торговые и таможенные споры купцов разбирались в Коммерц-коллегии. Г. Фик же предлагал учредить собственный магистрат для иностранцев, сконцентрировать в нем судебные дела иноземцев и осуществлять их силами самих иностранцев в соответствии с иностранным

<sup>733</sup> Cederberg A.R. Heinrich Fick. Beilage 4. S. 103\*.

<sup>734</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 529. Л. 4 об.-5.

<sup>735</sup> Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы ... С. 59.

правом: «Ежели впред число чужестранцов до 1000 фамилий или больше прибудет, то оным в своих между собою делах *собственного магистрата* надобно, в котором быть членов из их братьев и те их дела *судить по их собственным правам* и о процессах форме, как оное в Берлине и в Ливорне и в протчих местех содержитца и такие права по суде формы почти болше во всех при балтийском море городех взяты от города Любека»<sup>736</sup>. Г. Фик отмечал: «в Европе то нигде не обыкновенно, чтоб по всяким челобитчиковым делам прямо в комерц коллегии бит челом, но оные все без разности следуютца и решатца в магистратех, а оттоле оные апеллациею переносятца в вышние судные места, а не в комерц коллегию, понеже и в магистратех и в вышних судебных местех торговой и морского суда и вексельной уставы имеютца ж и по оным тамо судить могут равно как и комерц коллегия»<sup>737</sup>.

На протяжении нескольких лет Г. Фик обращал внимание властей на необходимость достаточного материального обеспечения иностранных служащих. Однако он не выделял иноземных служащих в привилегированную группу и не просил обеспечить им преимущество в размерах жалованья или условиях службы по сравнению с «природными» российскими подданными. Г. Фик в равной степени настаивал на создании достойных условий службы для всех служащих. В то же время он предлагал обеспечить иностранцам обособленное положение в вопросах веры и правового статуса. Российские монархи не спешили предоставить иностранцам возможность «судебной расправы... сообразно с их земскими законами, обычаями и правами»,<sup>738</sup> что ярко проиллюстрировал и судебный процесс над самим Г. Фиком, инициированный в 1731 году Анной Иоанновной.

#### 4.3. Отголоски «затейки верховников» в судьбе Г. Фика.

<sup>736</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 529. Л. 7-7 об.

<sup>737</sup> РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 529. Л. 5 об.-6.

<sup>738</sup> ПСЗ-1. Т. 4. №1910.

Кратковременный период с 19 января по 25 февраля 1730 года занимает особое место в истории России. В течение этих пяти недель самодержавная власть монарха в государстве была ограничена. Различным граням этого сюжета посвящена обширная литература<sup>739</sup>, что позволяет лишь кратко изложить основной ход событий. После скоропостижной смерти Петра II в ночь на 19 января 1730 г. мужская линия династии Романовых пресеклась. Верховный тайный совет по инициативе Д.М. Голицына решил предложить престол вдовствующей герцогине курляндской Анне Иоанновне – дочери старшего брата Петра I. Предварительно ей пришлось подписать составленные верховниками «кондиции», существенно ограничивавшие её власть – это было основным условием ее избрания. Однако вскоре по прибытии из Митавы в Москву она отвергла эти условия, воцарилась как самодержавная императрица и инициировала целую серию крупных политических процессов против людей сколько-нибудь причастных к составлению «кондиций» или уличённых в их одобрении. Преследование растянулось на несколько лет. Уже весной 1730 года попали в опалу князя Долгорукие – Василий Лукич был отправлен в тюрьму на Соловки, а семью Алексея Григорьевича выслали в пензенскую деревню, а затем в Берёзов<sup>740</sup>. 22 декабря 1731 года состоялся суд над фельдмаршалом В.В. Долгоруким – вынесенный ему смертный приговор императрица заменила заключением в

<sup>739</sup> См., например: Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880; Богословский М.М. Конституционное движение 1730 г. (2-ое изд.) Пг., 1918; Милюков П.Н. Верховники и шляхетство. РнД., 1905; Протасов Г.А. «Кондиции» 1730 г. и их продолжение // Учёные записки Тамбовского педагогического института. 1957. Вып. 15. С. 215-231; Его же. Верховный тайный совет и его проекты 1730 года (источниковедческое изучение) // Источниковедческие работы. Тамбов, 1970. Вып. 1. С. 65-103; Его же. Существовал ли «политический план» Д.М. Голицына? // Источниковедческие работы. Тамбов, 1973. Вып. 3. С. 90-107; Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. СПб., 2001; Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М., 2002; Его же. Куда ж нам плыть? Россия после Петра Великого. М., 2009; Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003; Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010; Польской С.В. «Шведский образец» и попытка ограничения самодержавия в России в 1730 г. // Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVIII-XX вв. Самара, 2001. С. 174-178; Его же. Дворянский конституционализм в России XVIII – начала XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 27-42; Киселев М.А. Междоусобица 1730 г. в России: проблема формы и содержания политического кризиса // Альтернативы, переломные пункты и смены режима в истории России. Материалы Первой международной научной конференции молодых русистов будапештского Центра Русистики от 19-20 мая 2014 г. Будапешт, 2015. С. 93-102.

<sup>740</sup> Анисимов Е.В. Куда ж нам плыть? С. 546–547.

Шлиссельбург. Вскоре последовал арест его племянника Ю.В. Долгорукого и группы молодых гвардейских офицеров, заподозренных в заговоре в пользу Елизаветы Петровны<sup>741</sup>, затем в ссылке оказались президент Адмиралтейств-коллегии адмирал П.И. Сиверс и подполковник лейб-гвардии Преображенского полка А.И. Румянцев<sup>742</sup>. В 1736 году за незначительные служебные злоупотребления в Шлиссельбургскую крепость посадили Д.М. Голицына, где он и скончался в 1737 году. В 1739 году началось новое следствие по делам Долгоруких, в результате которого фаворит Петра II князь Иван Долгорукий и многие его родственники были казнены<sup>743</sup>. Среди пострадавших оказался и Генрих Фик – в ночь на 1 марта 1731 года, спустя год после воцарения Анны Иоанновны, он был арестован в Москве в доме своего зятя, секретаря Сената Вильгельма Шульца, у которого он жил, приехав незадолго до этого из Петербурга.

Долгие годы «розыскное дело» Г. Фика не было в полной мере введено в научный оборот, исследователи располагали лишь обрывочными сведениями о процессе по делу Г. Фика. Между тем, оно не только позволяет лучше понять характер взаимоотношений Г. Фика с верховниками, особенности восприятия им ситуации междуцарствия и то, как роль вице-президента Коммерц-коллегии в событиях 1730 г. оценивалась современниками, но и передаёт настроения и слухи, распространённые тогда среди военных и гражданских чиновников обеих столиц (преимущественно из числа иноземцев)<sup>744</sup>.

При анализе «розыскного дела» удалось выделить два этапа в ходе розыска: предварительное расследование и заключительное судебное

<sup>741</sup> Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны. С. 63.

<sup>742</sup> Анисимов Е.В. Куда ж нам плыть? С. 547–548. Сенат приговорил Румянцева к смерти, Анна помиловала и направила в дальнюю деревню, откуда через несколько лет вызвала в Петербург, вернула чины и ордена, а впоследствии произвела в генерал-аншефы. О Сиверсе подробнее см.: Eckardt J. Aus dem Leben des Admirals von Sivers // Jungrossisch und Altlivländisch. Leipzig. 1871. S. 328–343.

<sup>743</sup> Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь» ... С. 214–215.

<sup>744</sup> Ларина Я.И. «Кто тогда не рассуждал?»: Розыскное дело Генриха Фика и междуцарствие 1730 г. // Российская история. 2017. №3. С. 84.

следствие<sup>745</sup>. **Предварительное расследование с 1 марта по 30 декабря 1731 года** началось в день ареста и первого допроса Г. Фика и завершилось в момент передачи материалов дела судебной комиссии. Предварительное расследование включало допросы Г. Фика в Москве (производились Б.Х. Минихом и предположительно А.И. Ушаковым) и сбор свидетельских показаний в Петербурге (допросы свидетелей в присутствии Б.Х. Миниха и отбор письменных свидетельств у некоторых высокопоставленных чиновников и тех, кто находился вдали от Петербурга).

Г. Фик был арестован в ночь на 1 марта 1731 года в Москве в доме своего зятя, секретаря Сената Вильгельма Шульца<sup>746</sup>. Саксонский посланник Лефорт доносил своему правительству 19 (8) марта 1731 года, через неделю после ареста Г. Фика: «12-го числа сего месяца<sup>747</sup> вице-президент Фик и два его зятя: Шульц, секретарь Сената, и Цёген, бывший камергер герцога голштинского, были арестованы в доме секретаря Шульца караулом из 30-и человек. Таким же образом был арестован коммерц-советник, граф Кассис в своём доме и зять Фика, Остенвальд<sup>748</sup> – секретарь Коммерц-коллегии. Теперь Фик и Кассис переведены в сенатскую тюрьму. Говорят, что их обвиняют в различных злоупотреблениях, лихоимстве и дурном управлении по делам торговли»<sup>749</sup>.

В день ареста Г. Фик был допрошен в первый раз. Он подписал написанное по-русски обязательство говорить только правду: «Я,

---

<sup>745</sup> Д.О. Серов отмечает, что вычленение в отечественном уголовном процессе стадии предварительного расследования, отделенного от этапа судебного следствия, произошло в ходе судебной реформы Петра I. Были созданы органы предварительного расследования, в частности, "майорские" следственные канцелярии, подчинявшиеся непосредственно монарху, перед которым они отчитывались о результатах расследования. Хотя «Майорские» канцелярии просуществовали лишь до 1726 года, сам факт вычленения стадии предварительного расследования знаменовал начало перехода от инквизиционного вида уголовного процесса розыскного типа к следственному виду. Серов Д.О. Судебная реформа Петра I. М., 2009. С. 352-373.

<sup>746</sup> Незадолго до кончины Петра II Г. Фик получил от него и ВТС разрешение приехать зимой 1730 г. в Москву для доклада двух проектов. Однако во время попытки ограничения самодержавия Г. Фик еще находился в Петербурге. Он приехал в Москву весной, уже после восстановления самодержавия, но не был принят ни в ВТС, ни императрицей и вскоре получил указ вернуться в Петербург. В конце 1730 года он вновь получил приказание из ВТС приехать в Москву и подать свои проекты. Именно в этот приезд Г. Фик и был арестован.

<sup>747</sup> По григорианскому календарю, то есть 1 марта по принятому в России юлианскому календарю.

<sup>748</sup> Правильно: Остервальд (Я.Л.).

<sup>749</sup> Письмо саксонского посланника Лефорта своему правительству от 19 марта 1731 г. об аресте Г. Фика // Сб. РИО. СПб., 1870. Т.5. С. 425. Он же писал 2 апреля (22 марта): «Комиссия, учреждённая для рассмотрения обвинительных пунктов против Фика и Кассиса, собирается каждый день». Там же. С. 426.

нижеименованный (комерц коллегии вице президент фон Фик) в чем по указу Ея императорского величества будут меня спрашивать и мне объявить самую истинную и ничего не утая, а ежели что утаю и не скажу истинны, и за то повинен жестокого истязания и смерти. В чем подписуюсь своеручно»<sup>750</sup>. Его допрашивали по шести пунктам, текст самих вопросных пунктов отсутствует, записаны только ответы Г. Фика «на 2 пункт», «на 3 пункт» и так далее. Однако по ответам Г. Фика можно восстановить, что следствие в первую очередь интересовало, откуда Г. Фик узнал об ограничении самодержавия, принимал ли он сам участие в составлении ограничительных пунктов или «прожектов» для них, сотрудничал ли в этом деле с членами ВТС. По окончании допроса Г. Фик собственноручно приписал под текстом протокола на немецком языке, что все вышеизложенное является правдой<sup>751</sup>.

Г. Фик показал, что «о республике разгласилось во всем Петербурхе и то тамо все ведали и были слухи, [что] по смерти императорского величества были консилиумы», также было известно, что с «пункты» были посланы с князем Василием Долгоруким в Митаву к Анне Иоанновне<sup>752</sup>. Он подчеркивал, что во время перемены формы правления находился не в Москве, а Петербурге, поэтому не знал, каковы были новые «прожекты» и кто их сочинял. Сам он «никому прожектов не давал ни писменно ни словесно, не говаривал ни с кем, не переписывался», «писем и концептов ни здесь в Москве, ни в Петербурхе, что касаетца к ехтому делу нет и не бывало и ни диржал ни в какое время»<sup>753</sup>.

Неизвестно, существовали и сохранились ли материалы других его допросов в Москве. Однако сам Г. Фик упоминает в мемориале от 4 марта 1731 года: «на вчерашний вопрос» или «на вчерашнее представление», что

<sup>750</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 1.

<sup>751</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 2 об.

<sup>752</sup> Там же. Л. 1-2.

<sup>753</sup> Там же. Л. 2-2 об. Любопытно, что Г. Фика спрашивали, кто был переводчиком его «прожектов», то есть следствие пыталось выявить как можно больше лиц, причастных к составлению кондиций: «А переводчика никакова не было и быть недлячего, ни словесно ни писменно никаких прожектов не было от нево Фика». РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 2 об.

позволяет предположить, что допрос производился и 3 марта 1731 года<sup>754</sup>. Ю. Эккардт приводит в своей работе текст письма Г. Фика, отправленного им в лифляндскую ландратскую коллегия в 1744 году после возвращения из ссылки. В этом письме Г. Фик описывал обстоятельства своего ареста и допросов в Москве, которые (в отличие от обстоятельств последующего содержания в Петербурге) не отражены в «розыскном деле». По его словам, было «известно всей Москве и всему Санкт-Петербургу, императорскому двору, Сенату и Юстиц-коллегии», что он «был арестован тогдашним генерал-аншефом, сенатором и кавалером<sup>755</sup>, содержался в царских покоях, [а именно] в бывших покоях царевны Марии Алексеевны, ежедневно получал еду и питье с императорской кухни и из императорских погребов, и хорошо был содержан». В комнату, где Г. Фик содержался под арестом, к нему вдвоем приходили «люди высшего ранга», часто (более четырех раз) и доброжелательно беседовали с ним без протокола и канцелярских служителей. Причем они не нашли за Г. Фиком никакой вины, о чем сообщили Анне Иоанновне. После десятимесячного заключения его отправили в Санкт-Петербург в «немецкую Юстиц-коллегия» и четыре раза допрашивали «лишь о моих ничего не значащих, незначительных разговорах». Он обращает внимание, что к нему относились не как к «подлому», а как к благородному человеку: с самого начала позволили ему отвечать сидя, а содержали в «дворянском благородном доме, в хорошо обставленных комнатах». Любопытно также следующее замечание Г. Фика: «мои немецкие преследователи торжествовали, что я был сослан»<sup>756</sup>.

Большая часть свидетельств Г. Фика об условиях его содержания в Петербурге подтверждается материалами «розыскного дела» (он точно указывает время, проведенное под стражей, количество допросов и условия содержания в Петербурге), что дает нам право с определенной степенью

---

<sup>754</sup> Там же. Л. 196.

<sup>755</sup> Имеется в виду А.И. Ушаков.

<sup>756</sup> Eckardt, Julius. Heinrich Fick. S. 319-320.

уверенности говорить и о достоверности фактов об условиях содержания Г. Фика в Москве (которые не прослеживаются пока по иным документам). Тем не менее, требуется тщательная архивная проверка приведенного Эккардтом письма, поскольку наряду с подобными документами он приводит в своей работе и недостоверные сведения и слухи.

На этапе предварительного следствия в Москве Г. Фик написал на имя Анны Иоанновны два пространных мемориала (письменных ответа на предъявленные обвинения) – от 4 марта 1731<sup>757</sup> и 24 октября 1731 года<sup>758</sup>.

Первый мемориал был написан Г. Фиком 4 марта 1731 г., через три дня после ареста. Г. Фик благодарил императрицу за разрешение писать ей на немецком языке и пытался оправдаться «по горячим следам». Он отрицал предъявленные ему обвинения в составлении ограничительных проектов для Д.М. Голицына: «Мне вменяется в вину, что в то время, когда в Петербурге возомнили республику, я будто бы хвалился перед разными людьми, что некогда предоставил князю Дмитрию Михайловичу Голицыну проекты или сведения для ее введения»<sup>759</sup>. По его утверждению, причиной распространения подобных слухов послужило следующее. В обществе Г. Фик рассказывал, как они с князем обсуждали книгу Адама Олеария – описанные в ней обстоятельства изгнания Лжедмитрия и выбора нового царя: «Затем я спросил князя, не потребовали ли себе бояре привилегий после пресечения старого царского рода, изгнания Лжедмитрия и при избрании нового царя»<sup>760</sup>. После распространения в Петербурге известия о смерти Петра II и подготовки новой формы правления, Г. Фик говорил в обществе: «...кажется, князь Дмитрий Михайлович при таком случае вспомнил старые времена и наш разговор, который мы вели как-то несколько лет назад о привилегиях дворянства». Г. Фик признавал, что «может быть, что я из хвастовства и человеческой слабости хотел, чтобы некоторые люди подумали, будто я некогда через свои

<sup>757</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 191-197 об.

<sup>758</sup> Там же. Л. 198-209 об.

<sup>759</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 191.

<sup>760</sup> Там же. Л. 192.

разговоры или советы заложил основу для такого предприятия князя Дмитрия Михайловича»<sup>761</sup>. Г. Фик «с женой и детьми припадая к стопам» императрицы просил у нее прощения за свои «без всяких деяний и эффекта произведенные разговоры», уверяя, что очень обрадовался восстановлению самодержавия и молился с семьей за здоровье императрицы. Также он отмечал: «...стоит учитывать, что князю Дмитрию Михайловичу никогда не требовалось брать у меня какие-либо сведения, поскольку он сам достаточно осведомлен о нынешнем [политическом] устройстве Европы»<sup>762</sup>. В мемориале содержится информация о характере отношений Г. Фика и с другими членами семьи Голицыных: он состоял в переписке с князем Сергеем Дмитриевичем Голицыным, в бытность того посланником в Берлине, получая и оплачивая его посылки в Петербург для разных лиц, а также вел переписку с семьей Голицыных о закупке для них провизии в Петербурге и отправке ее в Москву<sup>763</sup>.

Из слов Г. Фика следует, что они с Минихом в 1730 г. обсуждали отправку депутатов в Митаву к Анне Иоанновне, следовательно, оба владели информацией о сложившейся политической ситуации на весьма раннем этапе развития событий: «На вчерашнее представление его светлости графа ф. Миниха, будто бы я в его доме говорил, что отдал бы 1000 червонцев, лишь бы быть во время кончины императора Петра II в Москве, отвечу, что хоть я лишь отчасти припоминаю эту болтовню, я ее охотно признаю. Здесь их светлость обращаются к следующему разговору: на известие, будто бы некоторые господа проехали Новгород и отправились в Ригу, я заметил, не в Германию ли они едут, на что его светлость мне ответил, что тот же путь ведет в Митаву, а я обрадовался и сказал, дай Бог, и избави Господи Россию от Бассевича и ему подобных. Князь Дмитрий Михайлович и другие сановные министры могут рассказать, какие причины я имею ненавидеть таких людей

---

<sup>761</sup> Там же. Л.193-193 об.

<sup>762</sup> Там же. Л. 193.

<sup>763</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 195 об.

[как Бассевич]»<sup>764</sup>. Любопытно и следующее замечание Г. Фика: «На вчерашнее представление, что я также рассказывал его светлости графу фон Миниху, будто бы князь Дмитрий Михайлович ездил к его светлости графу фон Остерману, чтобы скрепить печатью свои бумаги, отвечу я, как и вчера, что я, как бы я ни старался, не могу вспомнить, что я когда-либо слышал подобные истории. Может быть, его светлость слышал это от кого-то другого или ему эта история приснилась»<sup>765</sup>. Из этих замечаний видно, что Г. Фик и Б.Х. Миних обсуждали сложившуюся в 1730 г. ситуацию и действия «верховников». Эти сведения приобретают особое значение, если вспомнить, что Миних стал следователем по делу Г. Фика<sup>766</sup>.

Если первый мемориал был написан через три дня после ареста, когда Г. Фик еще имел надежду на скорое освобождение и отрицал предъявленные ему обвинения, не сообщая дополнительной информации, то второй мемориал, написанный 24 октября 1731 г., через семь месяцев после ареста, носит на себе отпечаток последней надежды: в нем Г. Фик старался привести все возможные свидетельства своей невиновности, верной многолетней службы, предвзятости Миниха и другие подробные сведения. Он по-прежнему отрицал главный пункт обвинения, свое участие в составлении ограничительных проектов. Косвенно он признавал, что мог высказаться в пользу ограничения самодержавия: «Если бы я, поддавшись порыву, или же с умыслом одобрил ограничительные пункты, когда они стали всем известны, то это был бы скорее глупый, а не наказуемый поступок, ведь трудно осудить пункты, которые составили такие знатные господа и которые Ваше императорское величество изволили сами утвердить»<sup>767</sup>. Однако подобные заявления могли только

---

<sup>764</sup> Там же. 196. Таким образом Г. Фик выражал опасения, что на престол будет приглашен сын Анны Петровны и герцога Голштинского, а голштинцы снова окажутся при дворе, чего Г. Фику совсем не хотелось. О его отношениях с герцогом Голштинским и его партией см. в моих работах: Прокопенко Я.И. Генрих Фик и процесс интернационализации... С. 168-170; Ларина Я.И. "Превратность счастья вельмож". С. 99.

<sup>765</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 196-196 об.

<sup>766</sup> Как это часто бывало, следователь и подследственный принадлежали к одному обществу, встречались на праздниках, наносили друг другу визиты, занимались вопросами лютеранской общины в Петербурге и т.д.

<sup>767</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 202 об.

больше разозлить императрицу, стремившуюся стереть любые воспоминания и свидетельства об этом. В первом мемориале Г. Фик продолжал утверждать, что узнал содержание пунктов из иностранных газет<sup>768</sup>.

Из второго мемориала известно, что за год до ареста, в воскресенье 1 марта 1730 года в доме Г. Фика праздновали помолвку его дочери, среди гостей был и Миних. Получив во время праздника письма с почты, он объявил о принятии Анной Иоанновной самодержавия, Г. Фик «сердечно тому радовался и полагал это проявлением милости Божьей к России»<sup>769</sup>. Из обоих мемориалов Г. Фика следует, что Миних донес о его «неподобающих речах», рассказав о желании Г. Фика отдать много денег, лишь бы только оказаться в Москве во время кончины Петра II: «Здравый смысл говорит, если бы я знал, что его светлость граф фон Миних сделает такой фатальный вывод из моих невинных речей, то после принятия самодержавия я бы попросил его светлость, а моя жена – жену его светлости, держать мои высказывания в тайне. Напротив, его светлости известно, что я затем сделал некоторые вещи вопреки [воле] его светлости». Затем Г. Фик перечислил, в каких личных и семейных делах у них происходили столкновения<sup>770</sup>. Г. Фик указывал на несправедливость доноса Миниха: «Я не могу убедить себя, что его светлость граф ф. Миних имел умысел избавиться от меня и моих родственников, поскольку мне известны благородство и порядочность его светлости, все произошло из-за недопонимания и по воле Провидения, чтобы избавить меня и моих близких от многого тщеславия»<sup>771</sup>.

Общее руководство процессом осуществлял Б.Х. Миних, который в связи с необходимостью расследования дела постоянно курсировал между Москвой и Петербургом. Несмотря на то, что истинные обвинения Г. Фика в

---

<sup>768</sup> Забегая вперед отметим, что впоследствии он отказался от этих показаний, когда судебная комиссия выяснила, что ни в прусских, ни в гамбургских, ни во французских или иных газетах того времени подобной информации не было.

<sup>769</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 203. 2 марта 1730 г. в Санкт-Петербургских ведомостях сообщалось о «восприятии» самодержавия Анной Иоанновной 25 февраля. Курукин И.В. Анна Иоанновна. М., 2014. С.72

<sup>770</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 204 об.-205.

<sup>771</sup> Там же. Л. 209 об.

государственном преступлении стремились сохранить в тайне и объясняли его арест, говоря современным языком, «экономическими преступлениями», разезды Миниха казались подозрительными и некоторые сведения об их истинной причине просочились в донесения иностранных посланников. Так, французский посланник Маньян писал 5 апреля (25 марта) 1731 года: «Поспешный отъезд отсюда генералов Миниха и Лефорта, первого обратно в С.-Петербургскую губернию, а второго в Ригу, для принятия на себя начальствования русскими войсками, находящимися в настоящее время в Ливонии под командой генерала Ласси, - должен был иметь, как некоторым показалось, более серьезные основания, чем надобность отправиться каждому из них на свой пост. Это случилось вдобавок как раз в то время, когда вице-президент Коммерц-коллегии Фик вместе со своим зятем и еще одним офицером, по фамилии Сеглем<sup>772</sup>, бывшим на службе у ныне покойной герцогини Голштинской, были отправлены под арест. Я постарался расследовать, что могло дать повод ко всем этим разнородным событиям, и вот что узнал до сих пор по этому предмету из наиболее вероятных объяснений: относительно генерала Миниха оказывается – приезд его сюда был вызван отчасти делом Фика; последнего же, как говорят, обвиняют в том, что во время своего пребывания в С.-Петербурге он вел переписку с герцогом Голштинским о принятии мер к наследованию герцогом престола»<sup>773</sup>. Действительно, уже 16 марта в Петербурге в присутствии Миниха были допрошены первые свидетели. В его канцелярии велись протоколы допросов свидетелей, составлялись экстракты показаний свидетелей и отчеты, отправлявшиеся императрице в Москву. В основном делопроизводством занимался обер-аудитор Иоганн Георг Кизлинг,<sup>774</sup> его скрепа стоит на большей части материалов. Наибольшая активность следственных действий отмечается в марте и мае 1731 года. В апреле допросы не проводились (вероятно,

<sup>772</sup> Имеется в виду зять Г. Фика Цеге.

<sup>773</sup> Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 81. С. 178.

<sup>774</sup> Johann Georg Kiesling, Ober-Auditor.

императрица и её окружение были поглощены подготовкой к празднованию годовщины коронации, отмечавшейся 29 апреля). На данном этапе следствия в Петербурге было опрошено 18 свидетелей, 15 из которых были иностранцами<sup>775</sup>. В число допрашиваемых попали те, кто составлял круг общения Г. Фика: родственники, частые гости, сослуживцы и все, чье имя было упомянуто в показаниях других свидетелей. При анализе ответов необходимо учитывать биографические данные свидетелей и их отношения с Г. Фиком.

Свидетелям задавалось различное количество вопросов (от 3 до 21). Следствие входило в мельчайшие детали разговоров и слухов, задавая многочисленные уточняющие и наводящие вопросы. Можно выделить следующие основные вопросы:

от кого свидетель впервые услышал о кончине Петра II и воцарении Анны Иоанновны;

от кого свидетель узнал, что была предпринята перемена формы правления, а самодержавие ограничено;

кто и что говорил в обществе об этих переменах;

не слышал ли свидетель, что Г. Фик говорил об ограничении самодержавия и одобрял его;

не слышал ли свидетель от самого Г. Фика и от других, что Г. Фик составлял пункты или проекты к ограничению самодержавия;

не известно ли свидетелю, что Г. Фик вел по этому поводу переписку (в особенности с Д.М. Голицыным).

16 марта 1731 года были допрошены в присутствии Миниха первые свидетели – почт-директор Фридрих Аш, гофинтендант Антон Кормейдон и зять Г. Фика ассессор Юстиц-коллегии Э.Й. фон Фитингоф. 17 марта дали показания ассессор Коммерц-коллегии (и подчиненный Г. Фика) Игнатий Рудаковский и «против ответу коммерц коллегии ассессора Игнатия

---

<sup>775</sup> Сводную таблицу свидетелей по делу Г. Фика см.: Приложение настоящей работы.

Рудаковского» секретарь Коммерц-конторы Лев Малыгин. Кроме того, на допрос был вызван «обретающийся при Санкт-Петербурхе в канторе советник» Юстиц-коллегии Петр Квашнин-Самарин (27 мая ему вновь пришлось свидетельствовать «против ответу в Юстиц-коллегии вице-президента Сигизмунда Адама фон Вульфа»). 22 марта в присутствии Миниха допросили секретаря Юстиц-коллегии Иоахима фон Гагемейстера и майора Ингерманландского полка Самуэля Каркеттеля, часто бывавшего в доме Г. Фика и считавшегося женихом одной из его дочерей.

В мае поступили показания капитана Якоба Рихтера (бывшего женихом другой дочери Фика и часто посещавшего его дом), записанные 17–18 мая в Риге в присутствии П.П. Ласси и регирунгсратов Фитингофа и Менгдена, и подполковника барона Г.И. Шлиппенбаха, допрошенного в Ревеле при губернаторе Фридрихе фон Левене. В Петербурге в присутствии Миниха допрашивались: 7 мая – контр-адмирал Мартин Госслер (с 1723 г. – член Адмиралтейств-коллегии, а в 1727–1731 гг. – директор Адмиралтейской конторы), 21 мая – вице-президент Юстиц-коллегии Сигизмунд Адам фон Вольф и учитель в его доме Кристоф Медер, 22 мая – советник Камер-коллегии Кристиан Глюк и Генрих Гребенер, служивший там же надзирателем сборов («Der Accis-Controleur»), 25 мая – бывший камер-шрейбер Иоганн Слотерман. Письменные ответы на полученные от Миниха запросы прислали 29 мая – адмирал Петр Сиверс, а 2 июня – член Военной коллегии генерал-лейтенант Карл Гохмут<sup>776</sup>.

Согласно показаниям свидетелей, о кончине Петра II в Петербурге узнавали из различных источников. Так, почт-директору Ашу об этом сообщил Миних, велевший задерживать отправку почты, Фитингофу – шведский секретарь Морин, а тому – купец, прибывший из Москвы и скупавший траурные принадлежности (по свидетельству гоф-интенданта Кормейдона, известие о смерти царя быстро распространилось среди

---

<sup>776</sup> Ларина Я.И. «Кто тогда не рассуждал?»: Розыскное дело Генриха Фика и междуцарствие 1730 г. // Российская история. 2017. №3. С. 85-86.

торговавших данным товаром)<sup>777</sup>. Вице-президент Юстиц-коллегии Вольф вспоминал о настороживших всех караулах, выставленных на улицах<sup>778</sup>. О воцарении Анны Иоанновны, перемене формы правления и ограничении власти императрицы в Петербурге заговорили ещё *до восстановления самодержавия*, а по некоторым сведениям – и до приезда вдовствующей герцогини Курляндской в Москву. О том, что она приняла некие ограничивающие её условия, в той или иной степени было осведомлено большинство свидетелей. Более того, в различных «компаниях» – у Г. Фика, Сиверса, Мориана, Рихтера и его соседа Гагемейстера, за ужином и чаем, а также на почте и в коллегиях шло обсуждение неясной политической ситуации, в котором участвовали все – от адмиралов и генералов до лейтенантов, от вице-президентов коллегий до их домашних учителей. Каркеттель показал, что уже после восстановления самодержавия он упрекал Г. Фика за «несвоевременные рассуждения в обществе» во время перемены формы правления, на что тот с искренним удивлением отвечал: «Кто тогда не рассуждал?»<sup>779</sup>. Причём все опрошенные свидетели общались не только с Г. Фиком, но и друг с другом, знали о разговорах и поведении третьих лиц. Одни и те же люди бывали в разных домах, разнося и пересказывая услышанное<sup>780</sup>.

Тогда же появился слух об участии Фика в составлении проекта ограничения самодержавия. В марте 1730 г., когда Анна Иоанновна уже вернула себе всю полноту власти, Фик отправился в Москву, но очень быстро возвратился в Петербург, поскольку ему было отказано в аудиенции и предписано уехать. Это убеждало современников в том, что он неуютен императрице, будто бы прознавшей о его замыслах. По свидетельству Фитингофа, Фик рассуждал об изменении формы правления «*pro et contra*», а однажды вечером за столом выразил уверенность в том, что и при новых порядках не пропадёт, так как имеет покровителей. К их числу он относил

<sup>777</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 58, 74, 67.

<sup>778</sup> Там же. Л. 125 об.

<sup>779</sup> Там же. Л. 105.

<sup>780</sup> Ларина Я.И. «Кто тогда не рассуждал?»: Розыскное дело Генриха Фика. С. 86.

членов Верховного тайного совета кн. Д.М. Голицына, гр. Г.И. Головкина и барона А.И. Остермана<sup>781</sup>. Гагемейстер слышал, как Фик в своём доме за чаем одобрительно отзывался о действиях верховников, ссылаясь на опыт Англии и Швеции, доказывающий, что и таким образом можно править народами<sup>782</sup>. Рихтер смутно припоминал, что Фик говорил об отмене самодержавия и намерении Верховного тайного совета организовать управление по шведскому образцу, но, посещая дом в качестве жениха, капитан был более занят общением с дамами<sup>783</sup>. Кормейдону сообщали, что в других местах Фик хвалился своей перепиской с кн. Д.М. Голицыным<sup>784</sup>.

Вольф утверждал, что впервые услышал о «перемене формы правления и ограничении самодержавия» именно от Фика перед совместным заседанием Юстиц- и Коммерц-коллегии. «Сначала на заседание пришёл Вольф, – говорилось в его показаниях, – а сразу за ним – вице-президент Фик, другие члены коллегий ещё не собрались и вице-президент Фик начал сразу же рассказывать, что её тогдашнее высочество герцогиня Курляндская выбрана императрицей и займёт место Петра II, при этом правление [её] будет ограничено, а Вольф ему ответил, что в этом государстве подобное совершенно не практично, а вице-президент Фик вынул бумагу из кармана и дал Вольфу в руки, чтобы тот её прочитал; бумага была написана очень бегло и неразборчиво, и Вольф не мог прочесть её без очков, которых не имел при себе, но заметил лишь, что бумага была написана почерком самого вице-президента Фика, очень бегло и по-черновому, текст в некоторых местах был зачёркнут. Вольф отдал бумагу обратно вице-президенту Фику, он поднял её на свет и прочитал. Насколько Вольф помнил, содержание её заключалось в следующем, что 1) её императорское величество без согласия и одобрения Верховного тайного совета не может вступать в брак; 2) не может

<sup>781</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 76-78 об.

<sup>782</sup> Там же. Л. 112.

<sup>783</sup> Там же. Л. 171 об.-172.

<sup>784</sup> Там же. Л. 69 об.; Ларина Я.И. «Кто тогда не рассуждал?»: Розыскное дело Генриха Фика. С. 86-

распоряжаться государственными деньгами; 3) не должна раздавать чины; 4) не должна жаловать земли; 5) не должна ни у кого отнимать жизнь, честь и имения; всего было 6 или 8 пунктов. Но Вольф больше не помнил других пунктов. Вольф сказал на это, что такое [положение дел] никогда не установится. Затем вице-президент Фик замолчал и пришли прочие члены комиссии. Затем, после того, как генерал граф фон Миних велел собраться у генерал-майора Гохмута для обсуждения порядка принесения присяги (это была первая форма присяги, присланная из Верховного тайного совета), к Вольфу домой пришёл вице-президент Фик, хотя они мало общались, и как только уселся, сразу начал говорить: “Ну, теперь-то пункты накрепко стоят, её императорское величество подписала их в Курляндии”; а Вольф ответил на это вице-президенту Фику, что скорее уж солнце свалится с неба, чем эти пункты устоят; на что вице-президент Фик с жаром ответил: “Они должны устоять, они же подписаны в Курляндии!”; а Вольф ему ответил: “Курляндия – не Москва”; больше Вольф не хотел говорить на эту тему, оделся и отправился к генерал-майору Гохмуту, как велел генерал граф Миних»<sup>785</sup>. Более того, по словам Вольфа, Фик «беззастенчиво хвалился» тем, что состоял в переписке с кн. Д.М. Голицыным и засиживался у него в гостях в Москве до ночи<sup>786</sup>.

Показания свидетелей и мемориалы Г. Фика вместе с другими материалами предварительного расследования были впоследствии переданы в Юстиц-коллегию эстляндских и лифляндских дел в Петербурге и тщательно изучались членами судебной комиссии.

**Заключительное судебное следствие с 30 декабря 1731 по 25 января 1732 года** проходило в Юстиц-коллегии эстляндских и лифляндских дел,<sup>787</sup> его

<sup>785</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 125 об.-128 об.

<sup>786</sup> Там же. Л. 130-130 об.

<sup>787</sup> В 1727 году при Юстиц-коллегии была учреждена Юстиц-коллегия лифляндских и эстляндских дел, в задачи которой входило решение проблем, связанных с имуществом на завоеванных территориях и их жителями-лютеранами. Подавляющая часть расследований в коллегии приходилась на уголовно-административную сферу (тяжбы в отношении наследства, возвращения кредитов, купли-продажи) и семейно-правовую область (разводы, разрешение на брак дальних родственников и т.д.): Алакшин А.Э. Протестантские общины в Петербурге XVIII века. С. 288-289. В «розыском деле» это учреждение называется по-разному: и как департамент, и как собственно коллегия лифляндских и эстляндских дел.

хронологические рамки определяются датой учреждения судебной комиссии и днем подписания Анной Иоанновной именного указа о ссылке Г. Фика в Сибирь. 29 декабря 1731 года Миних написал письмо в Юстиц-коллегию эстляндских и лифляндских дел. Он сообщал, что получил указ от Анны Иоанновны объявить коллегии, что «бывший вице-президент Фик некоторое время назад был арестован в Москве за преступление против Ее императорского величества священной персоны и государства». Коллегии надлежало расследовать его дело и привести его ко окончанию до приезда императрицы в Петербург, которое ожидалось в середине января 1732 года. Г. Фика надлежало разместить «на особой квартире под крепким караулом, и без ведения оной коллегии не позволять ни с кем вести ни письменную корреспонденцию, ни устные разговоры»<sup>788</sup>. Коллегия рассматривала это письмо 30 декабря 1731 года, это зафиксировано в ее первом учредительном протоколе заседания<sup>789</sup>. В состав комиссии вошли вице-президент коллегии Герман Карл фон Кейзерлинг, ассессор Эрнст Готлиб Глюк и профессор права Иоганн Симон Бекенштейн<sup>790</sup>. Зять Г. Фика ассессор коллегии Эрих Йохан фон Фитингоф от участия в рассмотрении дела отстранялся (в силу родства с обвиняемым), а секретаря Иоахима Гагемейстера, ранее дававшего свидетельские показания, ограничили ведением протоколов заседаний и допросов, чтобы не привлекать к секретному делу других чиновников<sup>791</sup>. Поскольку следствие требовалось закончить в течение двух недель, комиссия собиралась каждый день с 30 декабря 1731 года по 14 января 1732 года. До 3 января 1732 г. комиссия изучала собранные Минихом документы и занималась организационными вопросами: поиском подходящего дома для содержания Г.

<sup>788</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 214-214 об.

<sup>789</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Там же. Л. 214-216.

<sup>790</sup> Г.К. Кейзерлинг служил при дворе Анны Иоанновны еще в Митаве, считается, что именно он познакомил ее в 1718 г. с Э.И. Бироном. Профессор права Бекенштейн был наставником Кейзерлинга в Кенигсбергском университете. В протоколе зафиксирована просьба Бекенштейна изъять его от участия в следствии, поскольку он был иностранцем, срок его службы по капитуляции вышел, к тому же он не принадлежал к Юстиц-коллегии, будучи членом Академии наук. Ассессор Эрнст Готлиб Глюк был сыном Христиана Глюка, с 1718 г. служившего в Камер-коллегии с Г. Фиком и дававшего показания по его делу. Сам Э.Г. Глюк (как и Г.К. Кейзерлинг, И. Гагемейстер) служил с зятем Фика в одной коллегии, в том числе и после ссылки Г. Фика. Пекарский П.П. История императорской академии наук. С. 197-202, 498-502; Курукин И.В. Анна Иоанновна. С. 33. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 215; Сб. РИО. Юрьев, 1900. Т. 108. С. 171.

<sup>791</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 214-215 об.

Фика, выделением денег на питание Фика, двух его слуг и охраны, на дрова, свечи и прочие нужды<sup>792</sup>. Для ускорения работы ей пришлось отказаться от очных ставок и ограничиться материалами предварительного следствия, а также допросами Г. Фика.

Первый допрос Г. Фика состоялся 4 января 1732 г.<sup>793</sup>. Он жаловался на бессилие и суровое содержание: от него отделили лакеев, из-за чего он, лишенный всякого ухода, пришел в жалкое состояние, ему не позволяли ни привести в порядок бороду, ни почистить одежду. Он привез с собой ножи и вилки, передал их офицерам охраны, но у него все отняли, и даже не пускали к нему цирюльника, отчего он вынужден предстать перед судьями с большой бородой. Он просил предоставить ему возможность ответить письменно и смягчить условия содержания. Однако его просьбы были отклонены<sup>794</sup>. Отвечая по 16 пунктам обвинения, Г. Фик сообщал, что о кончине Петра II узнал от купца, прибывшего из Москвы, а об отправке депутатов в Митаву – от Миниха. Фик отрицал составление любых ограничительных проектов, настаивая, что содержание «пунктов» выписал из французских газет за 8 или 10 дней до восстановления самодержавия. Обсуждение сложившейся политической ситуации не представлялось ему предосудительным, поскольку везде «разгласилось» и обсуждалось, что Анна Иоанновна одобрила присланные пункты.

На втором допросе 5 января 1732 г. Г. Фику были представлены 37 обвинительных пунктов – судебную комиссию не удовлетворяли ответы Г. Фика, полученные на первом допросе, поскольку они противоречили показаниям свидетелей. Он по-прежнему настаивал, что не составлял проектов по ограничению самодержавия, узнал о содержании пунктов из газет, обсуждал новую форму правления после того, как она «разгласилась» и то лишь потому, что ограничительные пункты составили уважаемые господа,

<sup>792</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 218 об.-220.

<sup>793</sup> Там же. Л. 222 об.-228.

<sup>794</sup> Там же. Л. 224-224 об.

императрица их одобрила, а в присланном из ВТС формуляре присяги отсутствовал титул «самодержица». Тогда он совершенно не предполагал, что обсуждение подобных вещей будет впоследствии воспринято как предосудительное (иными словами, он не предполагал, что ситуация может поменяться). Полагая своими патронами Головкина, Остермана и Голицына – членов ВТС, он говорил в обществе, что и при новой форме правления не пропадет. Г. Фик отрицал главные пункты обвинения – свое участие к ограничению самодержавия, преступление против ЕИВ и государства, однако, признавал, что из слабости «как дурак» болтал много лишнего, о чем просил прощения<sup>795</sup>.

8 января 1732 г. были допрошены двое слуг Г. Фика, содержащихся вместе с ним под арестом. Слуга-немец Мартин Потапский (Martin Potapksi), родом из Пруссии, прибыл в Россию с профессором Байером, был на службе у профессора Бернулли, затем копиистом в Академии Наук, однако был «сокращен» наряду с другими «излишними» служителями Академии, и в конце концов поступил на службу к Г. Фику в качестве камердинера, но тот обещал найти ему должность при таможне<sup>796</sup>. Потапский не знал, почему арестовали Фика и не слышал, чтобы он говорил что-либо о смерти Петра II и вступлении Анны Иоанновны на престол. О самой императрице Г. Фик говорил другим (сказав это, Потапский указал на присутствовавшего секретаря коллегии Гagemейстера) только хорошее<sup>797</sup>. Комиссию интересовал круг общения Фика, кому он чаще всего наносил визиты во время своего последнего приезда в Москву и что там делал, не бывал ли он в гостях ночью. Отдельно был задан вопрос, не бывал ли Фик часто у Д.М. Голицына. Русского слугу Фика звали Кирила Иванов сын Богданов. Он поступил на службу к Г. Фику лакеем 4 марта 1729 г., до этого служил у доктора Бидлоо и переводчика Коллегии иностранных дел Келлермана. О причине ареста Г. Фика Богданову

<sup>795</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 229 об.-243 об.

<sup>796</sup> Там же. Л. 249 об.- 250.

<sup>797</sup> Там же. Л. 250 об.

ничего не было известно, он не слышал, чтобы Г. Фик говорил что-либо о смерти императора Петра II и восшествии на престол императрицы Анны, по крайней мере на русском, а по-немецки Богданов не знал ни слова<sup>798</sup>. В показаниях обоих слуг отражена информация о круге общения и визитах Г. Фика во время его поездки в Москву в 1730-1731 гг., включая день ареста.

Значительный интерес представляет протокол заседания комиссии от 10 января. Г. Фику зачитали имена свидетелей, давших показания под присягой на этапе предварительного расследования. Он должен был высказать об этих людях замечания или возражения, чтобы комиссия оценила пристрастность свидетелей в данном деле. Некоторые свидетели не вызывали возражений Г. Фика – например, адмирал Сиверс, контр-адмирал Госслер, зять Фитингоф, подполковник Шлиппенбах. Другие, по свидетельству Г. Фика, состояли с ним в напряженных или враждебных отношениях, как в личном общении, так и по делам службы. Так, жены Г. Фика и генерал-майора Гохмута не поделили место в церкви, спровоцировав конфликт между мужьями. Вице-президент Вольф и Г. Фик были давними врагами – Вольф хотел начать службу в России с должности советника коллегии, но Г. Фик упорно рекомендовал его лишь на место асессора, затем Вольф «отхватил» 15 гаков от имения Г. Фика. Капитан Рихтер и майор Каркеттель собирались жениться на его дочерях, но впоследствии отказались от своих намерений. С сослуживцами по Коммерц-коллегии отношения Г. Фика были весьма неприязненными: Г. Фик сообщил А.И. Остерману и П.И. Ягужинскому о многочисленных злоупотреблениях советника Кассиса, пьянстве асессора Рудаковского и не порядках в коллегии. Кассис и Рудаковский узнали об этом «докладе», что естественно еще больше настроило их против Г. Фика. Секретарю Льву Малыгину, начавшему службу еще в 1699 году, Г. Фик указывал на его «неспособность в ведении дел»... При сопоставлении показаний свидетелей и характеристик, которые дал им Г. Фик, открывается тот слой межличностных отношений в среде чиновничества,

---

<sup>798</sup> Там же. Л. 253-253 об.

который не прослеживается по иным источникам, в виду недостатка личных писем, дневников или мемуаров, которые могли бы содержать подобную информацию. С.В. Ефимов, работавший с материалами следствия по делу царевича Алексея, справедливо отмечал, что специфика судебно-следственных дел предполагает установление реальных взаимоотношений людей в рамках их научной критики и исследователи вправе предположить, что та часть показаний, которая не имеет прямых или косвенных подтверждений и является уникальной (описание бытовых деталей, подробности частных бесед, характеристики людей и т.д.) заслуживает определенной степени доверия<sup>799</sup>.

По результатам двух допросов Г. Фика (4 и 5 января) комиссия так и не получила от него точного ответа на главный вопрос – когда и от кого он получил «пункты». 11 января 1732 г. был проведен третий допрос: «Были зачитаны показания обвиняемого Фика от 4 и 5 января и при этом тщательно обдумано, что надлежит предпринять для обнаружения истины в этом деле, которое вскоре должно быть завершено? Очные ставки свидетелей произвести не представляется возможным, поскольку некоторые допрошенные графом Минихом свидетели отсутствуют в Петербурге, а также потому, что это займет много времени, а дело требуется завершить как можно скорее. Решено предъявить Фику обвинительные показания свидетелей, не называя их имен. Эти показания сформулировать в виде пунктов и под угрозой пытки принудить обвиняемого показать чистую правду, а именно: откуда он впервые получил пункты? Обвиняемый заявлял, что получил первое известие о пунктах то из газет, то от советника Кассиса. Коллегия тем более вынуждена пригрозить пыткой, что ни в прусских, ни в гамбургских, ни во французских или петербургских газетах за январь и февраль 1730 года нет ни малейшего известия о пунктах»<sup>800</sup>. Когда Г. Фик был доставлен в коллегия, ему указали,

<sup>799</sup> Ефимов С.В. Политический процесс по делу царевича Алексея: Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 10.

<sup>800</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 271-271 об.

что «в своих показаниях он по-разному говорил о том, откуда впервые узнал о пунктах, что свидетельствовало о сокрытии правды, и велели прекратить изворачиваться, не затруднять работу судий и не ухудшать свое положение».

Комиссия изучила протоколы заседаний Коммерц- и Юстиц-коллегии и выяснила, что совместное заседание по делу Коха, на котором Г. Фик показывал Вольфу черновой список «пунктов», проходило 17 февраля 1730 г. Этого Г. Фик не отрицал, но начисто «забыл» об их последующем разговоре, что пункты подписаны в Курляндии, а значит, останутся в силе. Память часто подводила Г. Фика, что раздражало Кейзерлинга. Г. Фик по-прежнему отрицал, что будто бы знал о «кондициях» еще в январе 1730 г. и вел переписку относительно кондиций, он уверял, что его отношения с Д.М. Голицыным не простирались далее покровительства в домашних и служебных делах. Однако важно, что он *отказался от прежних показаний, что выписал пункты из газет* и предполагал, что получил эти сведения от своего сослуживца советника Кассиса, имевшего в Москве множество корреспондентов. Следователи и судьи расценивали в то время противоречия в показаниях ответчика как доказательство его виновности и попытку ввести их в заблуждение. Положение обвиняемого ещё более усугублялось, если он отрицал многочисленные свидетельства против него, «запирался» и настаивал на своём<sup>801</sup>.

14 января 1732 года Г. Фик сказал членам комиссии, что угроза пытки стала для него «причиной большого беспокойства и бессонных ночей<sup>802</sup> [...] и поскольку подобные угрозы угрожают его чести, он всенижайше просит позволить напомнить о капитуляциях, подписанных Его императорским величеством Петром Великим»<sup>803</sup>. Он напоминал, что «в капитуляциях его содержались следующие выражения, что не только он, но и его потомки на

<sup>801</sup> Анисимов Е.В. Русский застеночек. Тайны Тайной канцелярии. М.-СПб., 2010. С. 150–151; Ларина Я.И. «Кто тогда не рассуждал?»: Розыскное дело Генриха Фика. С. 92.

<sup>802</sup> Напомним, что еще в день ареста Г. Фик подписал расписку: «а ежели что утаю и не скажу истинны, и за то повинен жестокого истязания и смерти». РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 1.

<sup>803</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 305 об.

вечные времена будут пользоваться всеми правами и свободами с тем все милостивейшим заверением, что это нерушимо будет соблюдаться не только во время правления тогдашнего ЕИВ, но и при его наследниках» и изъявлял надежду, что ему будут предоставлены преимущества перед природными русскими и подданными и ныне правящей императрицей», а также напоминал, что его дети также включены в текст капитуляций и просил избавить их от возможного преследования<sup>804</sup>. И ранее, во втором мемориале, Г. Фик просил Анну Иоанновну помиловать его, фактически апеллируя к пунктам своего *патента*: «Я не хочу упоминать, как Господь защищает права иностранцев и что мне была обещана Его императорским величеством защита и милость в моей капитуляции, а лишь полагаюсь на милость и справедливость Вашего императорского величества»<sup>805</sup>.

Впрочем, 14 января Г. Фик уже мог не опасаться пыток – комиссия вынесла приговор по его делу еще 12 января<sup>806</sup>. В преамбуле приговора отмечалось, что Г. Фик навлек на себя подозрение в том, что принимал участие в перемене формы правления после смерти Петра II. Как собственные показания Г. Фика, так и заслуживающие доверия и неоспоримые показания свидетелей доказывали, что он разглашал везде пункты об этой перемене [правления] и *сообщил о них многим людям, которые о них ничего не знали*. И при том рассуждал об этих пунктах, одобрял их и признавал полезными, а также в присутствии других людей выражал мнение, что во время прошлых правлений были не порядки и приписывал их фаворитам<sup>807</sup>. «Грубое преступление против Ее императорского величества и государства» Г. Фика заключалось в том, что его разговоры и перемена формы правления могли привести к опасным последствиям: беспорядкам, гражданской войне и распаду государства<sup>808</sup>. И Г. Фику не могло служить оправданием ни то, что

<sup>804</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 306 об., 309 об.

<sup>805</sup> Там же. Л. 209.

<sup>806</sup> Там же. Л. 295 об.-297 об.

<sup>807</sup> Там же. Л. 296.

<sup>808</sup> Там же. Л. 296 об.

он говорил что-либо в шутку, ни то, что по капитуляциям (по патенту) он мог просить об отставке – это не давало ему права обсуждать власть<sup>809</sup>. Комиссия постановила, что «болтовня» Г. Фика не имела больших последствий, поэтому нецелесообразно приговаривать его не к смертной казни, а «в качестве наказания ему самому и *другим в назидание*» к лишению всех чинов и вечной ссылке в Сибирь, а также конфискации *пожалованных* имений<sup>810</sup>.

13 января, на следующий день после вынесения приговора, комиссия составила также особый доклад Анне Иоанновне, в котором был изложен ход работы коллегии и разъяснены некоторые аспекты приговора. Члены коллегии словно оправдывались перед императрицей за столь «мягкий» приговор и «непродуктивные» результаты расследования: они спешили закончить дело к ее приезду, никто из членов комиссии не владел русским языком, а также в силу необходимости держать дело в тайне они не могли привлекать к работе канцеляристов и копиистов<sup>811</sup>. Также члены комиссии сообщали, что многократно грозили пытками Г. Фику, но эти угрозы не помогли им узнать ничего нового, поскольку Г. Фик не мог ничего прибавить к своим показаниям. Очень важно замечание комиссии, что пытку применить они не имели права, поскольку Г. Фик получил в Эстляндии и Лифляндии индигенат, то есть на него распространялись привилегии этих провинций, в частности сохранение принятых во время шведского правления судебно-следственных норм – а пытки тогда не применялись<sup>812</sup>. Более того, по старинным эстляндским и лифляндским правам и привилегиям у осужденного даже за совершение государственного преступления не подлежали конфискации имения – но их оставляли жене, детям или (при их отсутствии) ближайшим друзьям осужденного (в качестве примера был приведен случай знаменитого Паткуля)<sup>813</sup>. Впрочем, комиссия рассматривала также различные условия и

<sup>809</sup> РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I. Л. 296 об.

<sup>810</sup> Там же. Л. 297 об.

<sup>811</sup> Там же. Л. 298 об.

<sup>812</sup> Там же. Л. 300 об.

<sup>813</sup> Там же. Л. 302.

возможности отчуждения пожалованных имений в пользу казны, в частности при недолжном исполнении осужденным своих служебных обязанностей. Стоит отметить, что из собственно *пожалованных* имений у Г. Фика оставались только «эстляндские деревни Меншикова», подаренные ему Петром II. Основная часть обширных земельных владений Г. Фика, включая замок Оберпален, к 1730 году была им *куплена*<sup>814</sup>.

Однако Анна Иоанновна, как самодержавная государыня, не стала вникать в эти тонкости и 25 января 1732 года подписала именной указ о ссылке Г. Фика в Сибирь и конфискации его имущества в пользу казны: «Указали Мы, по учинённому в Юстиц-коллегии приговору, бывшего комерц-коллегии вице-президента Фика, за великия и важныя его к Нам и государству Нашему преступления, лиша всех чинов, послать в дальнейшие, город или острог в Сибири, где таких причинных ссылочных не имеется, и держать его там под крепким караулом и чернил и бумаги ему не давать и с посторонними разговаривать не допускать. А на корм ему давать из тамошних доходов по десяти копеек на день, а от предков Наших пожалованное ему, також и им самим купленное недвижимое его имение все отписать на Нас; а из того дать жене и детям его на пропитание десять гаков»<sup>815</sup>. Уже в начале февраля вышли указы о высылке семьи Г. Фика из Петербурга<sup>816</sup>, передаче его двора на Васильевском острове Г.К. Кейзерлингу (главе судебной комиссии) и о «приписании отписных Фиковых обер-паленских мыз к тамошней экономии и об отдаче на аренду»<sup>817</sup>.

В многочисленных проектах 1718-1730 годов Г. Фик писал об *обоюдной* заинтересованности и *ответственности служащих и власти*. Он обращал внимание на необходимость достаточного материального обеспечения

---

<sup>814</sup> В 1720 году Петр I пожаловал Г. Фику земли целого прихода и замок в Лифляндии, однако затем они были отобраны у него Екатериной II и переданы фельдмаршалу Дюкеру. С разрешения Петра II, Г. Фик выкупил за большую сумму эти земли у Дюкера. Подробно об этом см. в разделе «Материальное положение» третьей главы настоящей работы.

<sup>815</sup> Сб. РИО. Юрьев, 1898. Т. 104. С. 144.

<sup>816</sup> Там же. С. 160.

<sup>817</sup> Там же. С. 161-163.

иностранных служащих. Однако он не выделял иноземных служащих в привилегированную группу и не просил обеспечить им преимущество в размерах жалованья или условиях службы по сравнению с «природными» российскими подданными. Г. Фик в равной степени настаивал на создании достойных условий службы для всех служащих. Однако его представления о государственной службе и отношении власти и личности противоречили российским реалиям, в которых служба рассматривалась как обязанность подданного, а жалованье — как милость монарха. Прерогативы неограниченной власти были ярко выражены и по отношению к иноземцам. Г. Фик предлагал обеспечить иностранцам обособленное положение в вопросах веры и правового статуса, однако, российские монархи не спешили предоставить иностранцам возможность «судебной расправы... сообразно с их земскими законами, обычаями и правами»,<sup>818</sup> что ярко проиллюстрировал и судебный процесс над самим Г. Фиком, инициированный в 1731 году Анной Иоанновной. Дело Г. Фика наглядно демонстрирует роль и значение неограниченной власти самодержавного монарха в России по отношению к юридическому статусу иноземцев. Патент («капитуляции») оставался скорее не юридическим документом, а проявлением милости со стороны определенного монарха. Власть расценивала как государственное преступление не только действие, но и слова, которые могли бы поставить под сомнение ее легитимность или неограниченный характер. Это относилось не только к «природным подданным», но и к иноземцам, в частности к Г. Фику, который так и не был уличен в составлении (и одобрении) ограничительных пунктов, «кондиций», а только лишь в их обсуждении и *разглашении*.

Также следует отметить, что обобщение материалов следственного дела Г. Фика на данном этапе исследования позволяет сделать следующие замечания о событиях 1730 года и роли в них Г. Фика.

---

<sup>818</sup> ПСЗ-1. Т. 4. №1910.

1. Следствие считало Д.М. Голицына основным инициатором составления «кондиций». Следователи спрашивали Г. Фика и свидетелей, состоял ли он в переписке с Д.М. Голицыным, как часто бывал у него, какие их связывали отношения.

2. Г. Фик отрицал свою причастность к составлению «кондиций» и факт переписки по этому поводу с Д.М. Голицыным. В «розыскном деле» нет данных, указывающих на их переписку или иное сотрудничество в деле составления «кондиций».

3. Г. Фик располагал информацией об избрании на престол Анны Иоанновны, отправке депутатов в Митаву и ограничительных пунктах на раннем этапе развития событий (по одним показаниям до ее приезда в Москву 15 февраля, по другим – не позднее 17 февраля 1730 г.). Он знал, что ограничительные пункты составлены членами ВТС, подписаны Анной Иоанновной в Курляндии, а в Санкт-Петербург прислан формуляр присяги без титула «самодержица». Он обсуждал эти обстоятельства с Б.Х. Минихом, который затем донес на него Анне Иоанновне и стал главным следователем по его делу.

4. О воцарении Анны Иоанновны, перемене формы правления и ограничении власти императрицы в Петербурге заговорили ещё до восстановления самодержавия, а по некоторым сведениям – и до ее приезда в Москву. О том, что она приняла некие ограничивающие её условия, в той или иной степени было осведомлено большинство свидетелей, и большинство же считало ограниченную форму правления нерациональной для такой большой страны как Россия.

5. Г. Фик не дал ответа на главный вопрос следствия – откуда ему стало известно содержание ограничительных пунктов. Он менял показания по этому вопросу, не мог вспомнить важные сведения. Это наводит на мысль о том, что он по каким-то причинам скрывал свой источник информации.

6. Г. Фик уверился, что политическая ситуация не изменится (поскольку Анна Иоанновна подписала «кондиции»), поэтому он счел возможным

свободно обсуждать сложившуюся обстановку в обществе, чтобы показать свою осведомленность, не дожидаясь формального завершения междоусобия – приезда Анны Иоанновны, коронации или иного официального подтверждения новой формы правления.

7. Исходя из материалов дела нельзя сказать определенно, что Г. Фик одобрял «кондиции» как *политический акт*. Однако можно заключить, что он рассчитывал при перемене формы правления на улучшение своего *личного положения*, поскольку рассматривал некоторых членов Верховного тайного совета как своих покровителей – а при сохранении «кондиций» именно им досталась бы вся полнота власти.

## Заключение

Всестороннее изучение биографии Г. Фика позволило по-новому взглянуть на деятельность одного из самых знаменитых иностранцев на русской службе. Сложившееся в литературе представление о нем как о «сомнительной личности»<sup>819</sup>, а его ранней биографии как об «извилистой и плохо просматриваемой жизненной дороге»<sup>820</sup> было пересмотрено. Более того удалось сделать ряд выводов, ориентированных на более широкую научную проблематику: о процессе адаптации западноевропейских образцов в ходе реформ, отношении власти и личности, природе самодержавия и положении иностранцев в России в первой половине XVIII в.

При приеме на службу Петр I тщательно оценивал опыт и квалификацию иностранцев. Он руководствовался в первую очередь прагматическими соображениями – какими навыками владеет потенциальный служащий и насколько профессионально сможет выполнять свои обязанности. Прибывшие специалисты переносили те же тяготы службы и бытовые трудности, что и чиновники из «природных подданных», к которым относились, например, регулярная задержка жалованья, бытовая неустроенность и длительное ожидание резолюций по челобитным.

При создании новой системы государственного управления перенос западноевропейской модели не был механистическим, многие принципы не соответствовали российским реалиям и не были воплощены. Это отразилось не только в несоответствии предложенных Г. Фиком штатов и проектов регламентов коллегий принятым итоговым документам, но и в расхождении его представлений, выявленных в рамках настоящего исследования, с российскими реалиями. Его идеальная оценка службы как «взаимовыгодного сотрудничества» добросовестного, образованного и обеспеченного чиновника с властью, заинтересованной в заботе о нем, противоречила сложившейся в

---

<sup>819</sup> Берендтс Э.Н. Барон А.Х. фон Люберас и его записка ... С. 4.

<sup>820</sup> Анисимов Е.В. Государственные преобразования ... С. 112.

России традиции отношения к службе как повинности. Этот тезис обоснован в диссертации не только результатами анализа многочисленных текстов Г. Фика, но и проиллюстрирован фактами его биографии в рамках перспективной и актуальной методологии персональной истории.

Более того, анализ межличностных отношений и социальных связей Г. Фика показал, что он сам и другие иностранцы вынуждены были встраиваться в местный жизненный и политический контекст, искали пути реализации своих интересов в соответствии с российской системой политических координат и патрон-клиентских связей в среде российской знати. Исследование места и роли Г. Фика в иноземческом социуме и протестантской общине Петербурга, показало, что принадлежность к ней формировала лишь внешние рамки общей социальной и культурной среды, внутри которой существовало множество разнонаправленных связей, обусловленных личными интересами. Произведенные наблюдения представляются ценными для дальнейшей разработки вопроса о мере действительного влияния иностранцев на политические и социокультурные процессы, происходившие в России в ходе петровских преобразований. в России в ходе петровских преобразований.

Несмотря на существование отдельных законодательных актов, определявших положение иноземцев в России и личных патентов, в которых оговаривались условия их службы, а также несмотря на их принадлежность к другим конфессиям, в широком смысле правовое поле для них и российских подданных было единым и определяющим фактором в нем оставались воля и решение самодержавного российского монарха. В биографии Г. Фика этот факт нашел отражение в двух эпизодах, также связанных с вопросом о природе и отношении к собственности в России. Во-первых, в истории с передачей другим владельцам его лифляндских имений, некогда пожалованных ему в вечное владение Петром I, которое санкционировала Екатерина I. Во-вторых, – и более ярко – в результатах розыскного дела и последующего указа Анны

Иоанновны о ссылке Г. Фика и конфискации уже купленного им (а не пожалованного) имения.

Создание полноценного биографического конструкта, выявление новых аспектов деятельности Г. Фика имеет также практическое значение для последующего приращения научного знания в таких исследовательских областях как история российской внешней разведки; изучение Северной войны, персонального состава армии Карла XII и судеб пленных шведов; создание биографий российских государственных деятелей; установление общественных настроений и обстоятельств воцарения Анны Иоанновны, а также свидетельствует о перспективности биографического метода.

## Список научных публикаций

1. Ларина Я.И. Нелегалы Его Величества. Как создавалась разведка при Петре I // Родина. 2017. №7. С. 122-125.
2. Ларина Я.И. «Кто тогда не рассуждал?»: Розыскное дело Генриха Фика и междуцарствие 1730 г. // Российская история. 2017. №3. С. 80-93.
3. Ларина Я.И. «Превратность счастья вельмож». Власть и личность в России первой половины XVIII в. // Родина. 2015. №9. С. 98-101.
4. Ларина Я.И. Двор на набережной. Политическая история одного петербургского дома первой трети XVIII века // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2015. №1 (136). С. 99-111.
5. Ларина Я.И. Осмысление роли образования в государственном строительстве. Проекты Генриха Фика первой четверти XVIII века // «Регулярная академия учреждена будет...». Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / ред. И. Федюкин, М. Лавринович. М., 2015. С. 70-98.
6. Прокопенко Я.И. «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI-XVIII вв.) / ред. Кром М.М., Пименова Л.А. СПб., 2013. С. 323-337.
7. Прокопенко Я.И. Генрих Фик и процесс интернационализации российской политической элиты в первой половине XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682-1750) / ред. Н.Н. Петрухинцев, Лоренц Эррен. М., 2013. С. 149-177.

## Библиография

**Архивные источники**

*Российский государственный архив древних актов (РГАДА)*

Ф. 6. Уголовные дела по государственным преступлениям.

Ф. 9. Кабинет Петра I и его продолжение.

Ф. 154. Жалованные грамоты на вотчины, чины и дворянство.

Ф. 248. Сенат.

Ф. 370. Дела, относящиеся до образования различных государственных учреждений.

Ф. 396. Архив московской Оружейной палаты.

*Riksarkivet (Государственный архив, Швеция, г. Стокгольм)*

Biographica F7.

*Krigsarkivet (Военный архив, Швеция, г. Стокгольм)*

Rullor 1620-1723.

*Stadtarchiv Eckernförde (Городской архив г. Эккернфёрде, Германия)*

StAE: I Ah1. Stadtprotokoll 1706-1712.

StAE: I Ah1. Stadtprotokoll 1712-1719.

*Eesti Ajalooarhiiv (Эстонский исторический архив, г. Тарту)*

Ф. 1429. Heinrich Claus von Fick.

**Опубликованные источники**

1. Бассевич Г.-Ф. Записки, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого // Юность

- державы. (История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII-XX вв.) М., 2000. С. 325-436.
2. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731-1740 гг. / под. ред. А. Н. Филиппова / Сб. РИО. 1898-1915. Т. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 130, 138.
  3. Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.-Л., 1945. Т.1.
  4. Герман Э. Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. Донесения саксонского посланника Лефорта. Сб. РИО. СПб., 1868. Т. 3.
  5. Герман Э. Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. Донесения секретаря прусского посольства Пецольда с января 1742 по март 1744 г. Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 6. С. 387-506.
  6. Герман Э. Донесения прусского королевского посланника при русском дворе барона Густава фон Мардефельда с 24 декабря 1717 по 1730 г. // Сб. РИО. СПб., 1875. Т. 15. С. 175-414.
  7. Дневник генерала Буркхардта Христофа фон Мюнниха. Начиная с 1683 по 6-е мая 1727 года // Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб., 1874. С. 195-216.
  8. Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. (1721-1722) // Неистовый реформатор. (История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII-XX вв.) М., 2000. Ч.1., Ч.2. С. 105-502.
  9. Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. (1723-1725) // Юность державы. (История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII-XX вв.) М., 2000. Ч. 3., Ч.4., Ч.5. С. 11-324.
  10. Донесения французских посланников и поверенных при русском дворе // Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 81.

11. Журнал или Поденная записка, блаженные и вечнодостойныя памяти Государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира. СПб., 1770. Ч. 1; 1772. Ч. 2. Отдел 1; Ч. 2. Отдел 2.
12. Манштейн Х.-Г. Записки о России // Перевороты и войны. (История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII-XX вв.) М., 2000. С. 9-272.
13. Миних Б.-Х. Очерк управления Российской империи // Перевороты и войны. (История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII-XX вв.) М., 2000. С. 273-318.
14. Миних Э. Записки // Перевороты и войны. (История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII-XX вв.) М., 2000. С. 319-410.
15. Неизвестный автор. Замечания на «Записки о России генерала Манштейна» // Перевороты и войны. (История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII-XX вв.) М., 2000. С. 411-488.
16. Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716-1720, 1726-1727 гг. // Российский архив / Публ. С.Р. Долговой и Т.А. Лаптевой. М., 2000. Том X.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 4-7.
18. Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета. 1726-1730 гг./ под. ред. Н. Ф. Дубровина // Сб. РИО. СПб., 1886-1898, Т. 55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101.
19. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. IV. Рига, 1883.
20. Сенатский архив. СПб., 1889. Т. II.
21. Aktenstücke und Urkunden zur Geschichte der Stadt Riga. Riga, 1902. Bd. I. 1710-1725.

22. Aktenstücke und Urkunden zur Geschichte der Stadt Riga. Riga, 1903. Bd. II. 1725-1740.

### Литература

1. Агеева О.Г. «Величайший и славнейший: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII в. СПб., 1999.
2. Агеева О.Г. Императорский двор России периода Петра I - Екатерина II: придворные списки, ведомости, штаты // Отечественные архивы. 2005. №6. С. 62-69.
3. Агеева О.Г. История домов У. Сеньявина и А. Волкова на Васильевском острове (До их передачи Сухопутному шляхетскому корпусу) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLVII. Петровское время в лицах – 2009. СПб., 2008. С. 5-17.
4. Акишин О.М. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в. М.; Новосибирск, 2003.
5. Алакшин А.Э. Иностранцы в Петербурге XVIII века. Опыт историографического исследования. СПб., 2014.
6. Алакшин А.Э. Протестантские общины в Петербурге XVIII века. СПб., 2012.
7. Алексеев А.С. Сильные персоны в Верховном тайном совете Петра II и роль кн. Голицына при воцарении Анны Иоанновны // Русское обозрение. 1897. №6-11.
8. Анисимов Е.В. «Шведская модель с русской особостью»: Реформа власти и управления при Петре Великом // Звезда. 1995. №1. С. 133-150.
9. Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М., 2002.
10. Анисимов Е.В. Безвременье и временщики. Л., 1991.
11. Анисимов Е.В. В борьбе за власть. М., 1988.

- 12.Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. СПб., 1997.
- 13.Анисимов Е.В. Куда ж нам плыть? Россия после Петра Великого. М., 2009.
- 14.Анисимов Е.В. Петербург времён Петра Великого. М.-СПб., 2008.
- 15.Анисимов Е.В. Пётр Великий. Личность и реформы. М., 2009.
- 16.Анисимов Е.В. Русский застеноч. Тайны Тайной канцелярии. М.-СПб., 2010.
- 17.Анисимов Е.В. Толпа героев XVIII века. М., 2013.
- 18.Арбузов Л.А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912.
- 19.Арсеньев К.И. Царствование Екатерины I. СПб., 1856.
- 20.Архипова Т. Г., Румянцева М. Ф., Сенин А. С. История государственной службы в России XVIII – XX вв. М., 2000.
- 21.Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М., 2003.
- 22.Бабич М.В. Государственность России: Словарь-справочник. М., 1996. Кн. 1.
- 23.Бабич М.В. Комиссии как государственные учреждения петровской эпохи // Российское самодержавие и бюрократия. М.; Новосибирск, 2000.
- 24.Бабурин Д.С. Реформа высших и центральных органов государственного управления // Очерки истории СССР: период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954.
- 25.Баггер Х. Реформа Петра Великого // Царь Петр и король Карл: Два правителя и их народы. М., 1999. С.
- 26.Базарова Т.А. Генрих Фик и его проект «... об исправлении города Санкт-Питербурха и размножении во оном жителей» // Петровское время в лицах. СПб., 2003. С. 24-29.

- 27.Базарова Т.А. Первый российский вице-канцлер П.П. Шафиров: пути интеграции в российскую политическую элиту // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682-1750) / ред. Н.Н. Петрухинцев, Лоренц Эррен. М., 2013. С. 122-149.
- 28.Базарова Т.А. Планы петровского Петербурга. СПб., 2003.
- 29.Балакирева Л. М. Судебная реформа Петра I. Юстиц-коллегия. Новосибирск, 2003.
- 30.Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов. Ч. 1-4. М., 1991.
- 31.Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (до 1800 года). М., 1894-1902. Ч. 1-4.
- 32.Барышникова Ек. Санкт-Петербург XVIII в. в чертежах из коллекции Берхгольца // Шведы на берегах Невы. Стокгольм. 1998. С. 139-146.
- 33.Белобородова И.Н. Этноним «немец» в России XVII-XX вв. (К проблеме формирования русской национальной идентичности) // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001.
- 34.Бергман В. История Петра Великого. СПб., 1833. Т.1.
- 35.Берендтс Э.Н. А.Х. ф. Люберас и его записка об устройстве коллегий в России. СПб., 1891.
- 36.Берендтс Э.Н. Несколько слов о «коллегиях» Петра Великого. Ярославль. 1898.
- 37.Беспалов А.В. Основные формы и методы комплектования шведской армии 1700-1709 гг. // Северная Европа: проблемы истории. Сб. научных трудов. 2003. Вып. 4. С. 211-229.
- 38.Беспалов А.В. Походная жизнь каролинской армии начала XVIII века // Рейтар. 2014. №11. С. 70-81.
- 39.Беспалов А.В. Прибалтийские контингенты на службе шведской короны (1700-1710). (начало) // Воин. 2002. №6. С. 16-19.
- 40.Беспалов А.В. Прибалтийские контингенты на службе шведской короны (1700-1710). (окончание) // Воин. 2002. №7. С. 13-17.

- 41.Беспахтх Ю.Н. Александр Данилович Меншиков: мифы и реальность. СПб., 2005.
- 42.Беспахтх Ю.Н. Иностранне источники по истории России первой четверти XVIII в. СПб., 1998.
- 43.Беспахтх Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны. СПб., 1997.
- 44.Беспахтх Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991.
- 45.Беспахтх Ю.Н., Сухачев Н.Л. Петербургский быт в Россике XVIII в. // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования. Л., 1989.
- 46.Бессмертный Ю. Л. Метод // Человек в мире чувств. М., 2000. С. 16-26.
- 47.Бессмертный Ю.Л. О мире чувств и внутреннем мире человека прошлого // Человек в мире чувств. М., 2000. С. 571-576.
- 48.Богословский М.М. Административные преобразования Петра Великого (1699-1700 гг.). Ч.1-2. Б.м., б.д.
- 49.Богословский М.М. Быт и нравы русского дворянства а первой половине XVIII в. М., 1906.
- 50.Богословский М.М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом // ЖМНП. 1903, сентябрь.
- 51.Богословский М.М. Конституционное движение 1730 г. М., 1905.
- 52.Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719-1727. М., 1902.
- 53.Богословский М.М. Петр I. Материалы к биографии. М., 1940-1948. Т.1-5.
- 54.Богословский М.М. Петр Великий и его реформа. М., 1920.
- 55.Богословский М.М. Российский XVIII век. М., 2008.
- 56.Брикнер А.Г. Австрийские дипломаты в России (по документам Венского архива) // Вестник Европы. 1893. №12. С. 490-553.
- 57.Брикнер А.Г. История Петра Великого. М., 2004.
- 58.Брикнер А.Г. Принц Гессен-Гомбургский в России // Исторический вестник. 1893. №4. С. 169-176.

- 59.Брикнер А.Г. Русский двор при Петре II. 1727-1730: по документам Венского архива // Вестник Европы. 1896. №1. С. 99-125; №2. С. 559-598; №3. С. 7-44.
- 60.Бушкович, Пол. Пётр Великий. Борьба за власть (1671-1725). СПб., 2009.
- 61.Веретенников В.И. История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910.
- 62.Владимирский-Буданов М.Ф. Государство и народное образование в России XVIII века. Ярославль, 1874.
- 63.Власов Ю.Н. Законодательство и законодатели России. Петр Великий. М., 1998.
- 64.Власть в Сибири. XVI – начало XX в. Новосибирск, 2002.
- 65.Водарский Я. Е. Генрих Фик в России (1715-1750) // Славяне и их соседи. Вып. 9. М., 1999. С. 189-199.
- 66.Водарский Я. Е. Генрих Фик и его участие в реформах Петра Великого // Вехи минувшего. Липецк, 2000. С. 5-18.
- 67.Водарский Я. Е. Из истории создания Главного магистрата // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 108-112.
- 68.Водарский Я. Е. Проект регламента Главного магистрата и его редакции (1720 г.) // Проблемы источниковедения. Вып. X. М., 1961. С. 195-207.
- 69.Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. М., 1977.
- 70.Водарский Я.Е. Проект регламента Главного магистрата и его редакции: (1720 г.) // Проблемы источниковедения. Вып. X. М., 1962. С. 195-207.
- 71.Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны: История дипломатических отношений в 1697-1710 гг. Л., 1986.
- 72.Волков Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001.
- 73.Вольтер. История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. СПб., 1999.

- 74.Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны. Из записок князя П.В. Долгорукова. М., 1997.
- 75.Въезд в Россию // Русская старина. 1898. №3.
- 76.Г.Б. Сибирский царевич Василий Алексеевич в Архангельской ссылке (1718-1727 гг.). (Из архивных дел дальнего Севера) // Русская старина, 1905. – Т. 122. - № 5. – С. 404-411.
- 77.Гаврилов С.Л. Остзейские немцы в Санкт-Петербурге. Российская империя между Шлезвигом и Гольштейном. 1710-1918. М.-СПб., 2011.
- 78.Гельбиг, Георг фон. Русские избранники и случайные люди // Русская старина. 1886. №4.
- 79.Гельмс И.А. Достоверное описание города Риги. Сб. материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. II.
- 80.Герье В.И. Отношение Лейбница к России и Петру Великому. СПб., 1871.
- 81.Глебов С. Регулярное полицейское государство и ясак: сибирская записка Генриха Фика // Ab Imperio. 2006. №1. С. 238-240
- 82.Голиков И.И. Дополнение к деяниям Петра Великого. М., 1793. XI.
- 83.Голиков И.И. Анекдоты, касающиеся до Петра Великого. М., 1807.
- 84.Голиков И.И. Историческое отображение жизни и всех дел славного женева Франца Яковлевича Лефорта. М., 1800.
- 85.Голикова Н.Б. Органы политического сыска и их развитие в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России. М.. 1964.
- 86.Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. М., 1957.
- 87.Голикова Н.Б., Кислягина Л.Г. Система государственного управления // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987.
- 88.Гордин Я.А. Меж рабством и свободой: русский дворянин перед лицом истории : 19 января-25 февраля 1730 года. С. 89-90.
- 89.Государственные учреждения России в XVIII в. М., 1960.
- 90.Государственные учреждения России. XVI-XVIII вв. М., 1991.
- 91.Готье Ю.В. История областного управления. М., 1941.

92. Грабарь И.Э. Архитекторы-иностранцы при Петре Великом // Старые годы. 1911. №7.
93. Грабарь И.Э. Основание и застройка Петербурга // Русская архитектура первой половины XVIII века. М., 1954.
94. Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И. К истории архангельской библиотеки Д.М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 г. М., 1979.
95. Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И. О рукописях библиотеки Д.М. Голицына в Архангельском. Археографический ежегодник за 1980 г. // М., 1981.
96. Гражуль В. С. Тайны галантного века: Шпионаж при Петре I и Екатерине II. М., 2016.
97. Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / Отв. ред. О.Е. Глаголева, И. Ширле. М., 2012.
98. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.
99. Ефимов С.В. Политический процесс по делу царевича Алексея: Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 1997.
100. Зайченко А.Б. Взгляды Петра I на власть и законы // Историко-правовые исследования: проблемы и перспективы. М., 1982.
101. Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989.
102. Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996.
103. Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в Российской торговле XVIII века. М., 2005.
104. Зуев А.С., Миненко Н.А. Секретные узники сибирских острогов. Очерки истории политической ссылки в Сибири второй четверти XVIII в. Новосибирск, 1992.
105. Зутис Я.Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига., 1946.

106. Иванеско А.Е. Биографика, «второй план» и парадоксы // Слава и забвение. Парадоксы биографики / ред. Л.П. Репина. СПб., 2014. С. 5-12.
107. Иванов П.И. Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым // Журнал Министерства Юстиции. 1859. №3.
108. Иларионова Т.С. Немцы на государственной службе России. К истории вопроса на примере освоения Дальнего Востока. М., 2009.
109. История внешней политики России XVIII в. М., 1998.
110. История дипломатии / сост. А. Лактионов. М., 2006.
111. История дипломатии. В 5-ти тт. / под. Ред. А.А. Громыко и др. М., 1974.
112. История российской внешней разведки: Очерки в 6 т. М., 2014. Т. 1. От древнейших времен до 1917 года.
113. История Северной войны. М., 1987.
114. Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. М., 1990.
115. Кабузан В.М. Немецкоязычное население в Российской империи и СССР в XVIII-XX вв. М., 2003.
116. Каменский А.Б. российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999.
117. Каменский А.Б. Становление Российской империи // Всемирная история в 6-ти томах. Т. 4. Мир в XVIII веке / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2013. С. 542-567.
118. Карлссон, Оса. Швеция после Полтавы: экономика и политика после катастрофы // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур. / - под ред. Т. Тоштендаль-Салычевой, Л. Юнсон. М., 2009. С. 333-355.
119. Карнович Е.П. Замыслы верховников и челобитчиков в 1730 г. // Отечественные записки. 1872. №1. С. 209-232; №2. С. 489-510.
120. Картина жизни и великих деяний кн. А.Д. Меншикова. М., 1809.

121. Катин-Ярцев М.Ю. Балтийско-немецкое дворянство на российской службе. XVII- конец XVIII в. // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 8. История. 2000. №2. С. 25-49.
122. Кафенгауз Б.Б. Россия при Петре I. М., 1955.
123. Кизеветтер А.А. Петр Великий за границей. М., 1911.
124. Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977.
125. Киселев М.А. Казус Д.В. Волкова: «подьячие» на вершинах власти в России XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2012. №3. С. 42-52.
126. Киселев М.А. Междуцарствие 1730 г. в России: проблема формы и содержания политического кризиса // Альтернативы, переломные пункты и смены режима в истории России. Материалы Первой международной научной конференции молодых русистов будапештского Центра Русистики от 19-20 мая 2014 г. Будапешт, 2015. С. 93-102.
127. Ключевые проблемы истории российских немцев. М., 2004.
128. Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и её жители в конце XVII – первой четверти XVIII века. М., 1998.
129. Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее роль в русско-германских контактах первой половины XVIII в. // Русские и немцы в XVIII веке: Встреча двух культур. М., 2000. С. 189-202.
130. Ковригина В.А. Жизнь и деятельность в Москве пастора Э. Глюка // Петровское время в лицах - 2006. СПб., 2006. С. 149-157.
131. Ковригина В.А. Голландский купец и заводчик Родион Мейер и его семья в России при Петре I // Петровское время в лицах-2015. СПб., 2015. С. 248-256.
132. Ковригина В.А. Национальные, религиозные и культурные особенности московской Немецкой слободы, населенной выходцами из Западной Европы во второй половине XVII - начале XX вв.: к вопросу

- об исторической рецепции культурного наследия // Национальное культурное наследие России: Региональный аспект. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Самара, 2017. С. 64-72.
133. Козлова Н. В. Коммерц-коллегия в 20-50-е годы XVIII в. // Государственные учреждения России в XVII–XVIII вв. М., 1991. С. 137-167.
  134. Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е - начало 60-х годов). М., 1999.
  135. Корсаков Д. А. Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань, 1891.
  136. Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880.
  137. Корсаков Д.А. Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань, 1891.
  138. Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени. М., 2004.
  139. Крашенинникова Н.Л., Шилков В. Проекты образцовых загородных домов Д. Трезини и застройка берегов Фонтанки // Архитектурное наследство. Л.-М., 1955, Выпуск 7.
  140. Кром М.М. Историческая антропология. М.-СПб., 2010.
  141. Кузьмин А.Г. Татищев. М., 1987.
  142. Курукин И.В. Анна Иоанновна. М., 2014.
  143. Курукин И.В. Бирон. М., 2006.
  144. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003.
  145. Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010.
  146. Ларина Я. Осмысление роли образования в государственном строительстве. Проекты Генриха Фика первой четверти XVIII века //

- «Регулярная академия учреждена будет...». Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / ред. И. Федюкин, М. Лавринович. М., 2015. С. 70-98.
147. Ларина Я.И. "Превратность счастья вельмож". Власть и личность в России первой половины XVIII в. // Родина. 2015. №9. С. 98-101.
  148. Ларина Я.И. «Кто тогда не рассуждал?»: Розыскное дело Генриха Фика и междуцарствие 1730 г. // Российская история. 2017. №3. С. 80-93.
  149. Ларина Я.И. Двор на набережной. Политическая история одного петербургского дома первой трети XVIII века // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2015. №1 (136). С. 99-111.
  150. Ларина Я.И. Нелегалы Его Величества. Как создавалась разведка при Петре I // Родина. 2017. №7. С. 122-125.
  151. Ле Гофф, Жак. Людовик IX Святой. М., 2001.
  152. Ле Гофф, Жак. О биографии исторического персонажа (Людовик Святой) // Казус. М., 1999. С. 101-116.
  153. Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за австрийское наследство, 1740-1750. М., 2000.
  154. Логанов К. Историко-географический ключ к «Описанию Санктпетербурга» А.И. Богданова // Богданов А.И. Описание Санктпетербурга 1749-1751. М., 1997. С. 25-37.
  155. Лонгинов М.Н. Русский генералитет в начале 1730 г. (по списку П.Ф. Карабанова) // Осмнадцатый век. 1869. Кн. III. С. 161-177.
  156. Луппов С.П. История строительства Петербурга первой четверти XVIII века. М.-Л., 1957.
  157. Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973.

158. Луппов С.П. Кто покупал книги в Петербурге второй четверти XVIII в. // история книги и издательского дела. Л., 1977.
159. Малиновский К. В. Берхгольц Фридрих-Вильгельм // Три века Санкт-Петербурга. Т.1. Осмнадцатое столетие. Кн. 1. А-М. М.-СПб., 2003. С. 123-124.
160. Маньков А.Г. Использование в России шведского законодательства при составлении проекта Уложения 1720-1725 гг. // Исторические связи Скандинавии и России: IX-XX вв. Л., 1970. С. 112-126.
161. Марасинова Е.Н. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века. Очерки истории общественного сознания. М., 2017.
162. Марасинова Е.Н. «Рабы» и «граждане» в Российской империи XVIII в. «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008.
163. Марасинова Е.Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII в. М., 2008.
164. Марасинова Е.Н. К истории политического языка XVIII века // Отечественная история. 2005. №5. С.
165. Мацуленко С. Разведка Петра // Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век. М., 1999.
166. Медушевский А.Н. Источники о формировании бюрократии в России первой четверти XVIII в. // Источниковедение отечественной истории. М., 1989.
167. Медушевский А.Н. К изучению государственного аппарата в период утверждения абсолютизма в России // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985. С.

168. Медушевский А.Н. Петровская реформа государственного аппарата: цели, проведение, результаты // Реформы второй половины XVII-XX вв. М., 1989.
169. Медушевский А.Н. Развитие аппарата управления России в первой четверти XVIII в. // История СССР. 1983. №6. С. 136-142.
170. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994.
171. Мезин С.А. Взгляд из Европы. Саратов, 2003.
172. Милюков П.Н. Верховники и шляхетство. РнД., 1905.
173. Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.
174. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 тт. СПб., 2014-2015.
175. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990.
176. Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995.
177. Морской энциклопедический справочник в 2 тт. / под. ред. акад. Н.Н. Исанина. Т. 1 (А-Н). Л., 1986.
178. Морской энциклопедический справочник в 2 тт. / под. ред. акад. Н.Н. Исанина. Т. 1 (А-Н). Л., 1986.
179. Мрочек-Дроздовский П.Н. Областное управление России XVIII века до Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года. М., 1876.
180. Мясников В.С. Об изучении истории внешней политики России // Новая и новейшая история. 1992. № 5.
181. Н.А. Воскресенский. Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века / под. ред. Д.О. Серова. М., 2017.
182. Назаренко Н.И. Правовое положение иностранцев в отечественном законодательстве XI- пер. пол. XVII вв.: Автореф. Дим. ... канд. Юрид. Наук: 12.00.01 / Моск. Гос. Юрид. Акад. – М., 2004.

183. Наумов В. Немецкие источники о России первой четверти XVIII века // Неистовый реформатор. (История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII-XX вв.) М., 2000. С. 503-513.
184. Наумов В. Послепетровская эпоха глазами российских немцев // Перевороты и войны. (История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII-XX вв.) М., 2000. С. 489-504.
185. Наумов В. Россия и Северная Европа первой четверти XVIII века в зеркале немецких источников // Юность державы. (История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII-XX вв.) М., 2000. С. 437-452.
186. Наумов В.П. Некоторые особенности источниковедческого анализа дипломатических реляций XVIII в. // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С.
187. Наумов В.П. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников. М., 2010.
188. Наумов В.П. Россия и Северная Европа первой четверти XVIII века в зеркале немецких источников // Юность державы. М., 2000. С. 145-148.
189. Некрасов Г.А. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721-1726 гг. М., 1964.
190. Некрасов Г.А. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721-1726 гг. М., 1964.
191. Некрасов Г.А. Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 334-343.
192. Некрасов Н.Г. Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 334-343.

193. Немецкие населённые пункты в СССР до 1941 г.: Справочник. М., 2002.
194. Немцы в России: три века научного сотрудничества. СПб., 2003.
195. Немцы и Оренбургский край. Оренбург, 1994.
196. Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации. М., 2008.
197. Немцы Сибири: история и современность. Омск, 1997.
198. Немцы-колонисты в век Екатерины. М., 2004.
199. Никитенко Г. Ю., Соболев В. Д. Василеостровский район. Энциклопедия улиц Санкт-Петербурга. СПб., 1999.
200. Никитенко Г., Соболев В. Дома и люди Васильевского острова. М.-СПб., 2013.
201. Никифоров Л.А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадтский мир. М., 1959.
202. Николаева М. В. Санкт-Петербург Петра I. История дворовладений: застройка и застройщики. М., 2014.
203. О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом // ЖМНП. 1853. №2. С. 124-125.
204. Огурцов В. Случай с бароном Ашем // Родина. 1999. №4. С. 50-53.
205. Очерки истории Ленинграда. Т. 1. Период феодализма (1703-1861 гг.). М.-Л., 1955.
206. Павленко Н.И. Екатерина I. М., 2009.
207. Павленко Н.И. Меншиков. М., 2016.
208. Павленко Н.И. Пётр I. М., 2007.
209. Павленко Н.И. Пётр II. М., 2017.
210. Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 2016.
211. Павлова Т.А. Психологическое и социальное в исторической биографии // Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. М., 1995. С. 86-93.

212. Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения русских проектов и неизданные тексты. СПб., 1897.
213. Павлов-Сильванский Н.П. Фик // Русский биографический словарь. СПб., 1901. Т. 21. Фабер-Цявловский. С.73-75.
214. Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М., 2007.
215. Пекарский П.П. Барон Гюйссен. Учёно-литературный агент русского правительства в начале XVIII столетия // Отечественные записки. 1860. №3. С. 49-72.
216. Пекарский П.П. История Императорской Академии Наук в Петербурге. СПб., Т.1. 1870.
217. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. I.
218. Пекарский П.П. Переписка Лейбница с разными лицами о славянском наречии и древности. Вырезка из Т. IV Записок императорской Академии наук.
219. Петербург петровского времени. Очерки под ред. А.В. Предтеченского. Л., 1948.
220. Петерсон, Клас. Реформы Петра I в сфере государственного управления и их шведские прототипы // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур / под. ред. Т. Тоштендаль-Салычевой и Л. Юнсон. М., 2009. С. 257-271.
221. Петров А. Палаты Кикина (неисследованное здание начала XVIII века) // Архитектурное наследство. Л.-М., 1953. С. 141-147.
222. Петров А.Н. Петербургский жилой дом 30-40х годов XVIII столетия // Ежегодник Института истории искусств. Архитектура и живопись. М., 1961.

223. Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703-1782. СПб., 1885.
224. Петровский С.А. О Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1875.
225. Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740). М., 2014.
226. Петрухинцев Н.Н. Немцы в политической элите России в первой половине XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». М., 2008. С. 66-86.
227. Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота. СПб., 2001.
228. Пименова Л.А. Социальные иерархии и «цивилизация нравов» // Всемирная история в 6-ти томах. Т. 4. Мир в XVIII веке / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2013. С. 74-99.
229. Пименова Л.А. Социальные иерархии и «цивилизация нравов» // Всемирная история в 6-ти томах. Т. 4. Мир в XVIII веке / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2013. С. 74-99.
230. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с начала XVII до конца XVIII века. М., 2007.
231. Писарькова Л.Ф. Российская бюрократия в эпоху Петра I (окончание) // Отечественная история. 2004, №2. С. 3-19.
232. Писарькова Л.Ф. Российская бюрократия в эпоху Петра I // Отечественная история. 2004, №1. С. 18-41.
233. Погосян Е.А. Пётр I – архитектор российской истории. СПб., 2001.
234. Подъяпольская Е.П. К вопросу о формировании дворянской интеллигенции в первой четверти XVIII в. По записным книжкам и «мемуарам» Петра I // Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв. М., 1975. С. 181-189.

235. Покровский Н.Н. Законодательные источники петровского времени о «слове и деле государевом» // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989.
236. Покровский Н.Н. Российская власть и общество XVII-XVIII. Новосибирск, 2005.
237. Поленов Д.В. О присяге иноземцев, принятых в русскую службу при Петре Великом // Русский архив. 1869. Кн. XI. Стлб. 1729-1766.
238. Полиевктов М.А. Проект барона Гюйсена об учреждении в России Фискал-коллегии (1713). М., 1914.
239. Польской С.В. «Шведский образец» и попытка ограничения самодержавия в России в 1730 г. // Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVIII-XX вв. Самара, 2001. С. 174-178.
240. Польской С.В. Дворянский конституционализм в России XVIII – начала XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 27-42.
241. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1951.
242. Посселят М. Генерал и адмирал Ф.Я. Лефорт. Его жизнь и время // Военный сборник. 1870.
243. Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России, СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. В 3 Вып. М., 1995. Вып. 1.
244. Прокопенко Я.И. «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI-XVIII вв.) / ред. Кром М.М., Пименова Л.А. СПб., 2013. С. 323-337.
245. Прокопенко Я.И. Генрих Фик и процесс интернационализации российской политической элиты в первой половине XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682-1750) / ред. Н.Н. Петрухинцев, Лоренц Эррен. М., 2013. С. 149-177.

246. Протасов Г.А. «Кондиции» 1730 г. и их продолжение // Учёные записки Тамбовского педагогического института. 1957. Вып. 15. С. 215-231.
247. Протасов Г.А. Верховный тайный совет и его проекты 1730 года (источниковедческое изучение) // Источниковедческие работы. Тамбов, 1970. Вып. 1. С. 65-103.
248. Протасов Г.А. Существовал ли «политический план» Д.М. Голицына? // Источниковедческие работы. Тамбов, 1973. Вып. 3. С. 90-107.
249. Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период: антология / пер. с англ. Самара, 2000.
250. Регулирование правового статуса иностранцев в России до начала XIX века // Журнал Российского Права. 2004. № 9. С. – 142-151.
251. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
252. Репина Л.П. Личность и общество, или история в биографиях // История через личность. Историческая биография сегодня. М., 2005. С. 5-16.
253. Рогожин А.А. Тайные агенты русского правительства в Швеции в 1719-1721 годах // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции. 18-20 мая 2016 года. Ч. IV. / Науч. ред. С.В. Ефимов. СПб., 2016. С. 405-416.
254. Романов Н.В., Жуковская Н.Ю. История международных отношений и внешней политики России в XVII-XVIII вв. Тамбов, 2009.
255. Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII-XXI вв.). М., 2007.

256. Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989.
257. Россия и Германия. М., 1993.
258. Россия и Германия. М., 1998.
259. Россия-Германия: диалог культур. Таганрог. 2003.
260. Русские и немцы в XVIII веке. Встреча культур. М., 2000.
261. Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII в. М., 1918.  
Ч. 2. Вып. 1.
262. Рычаловский Е.Е. Представления иностранцев о русских политических реалиях и практика процессов по государственным преступлениям в елизаветинское время // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 88 – 98.
263. Санин Г.А., Ананян Ж.А., Некрасов Г.А. и др. История внешней политики России, XVIII в. М., 1998.
264. Сафронов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988.
265. Сафронов Ф.Г. Генрих Фик в якутской ссылке // Полярная звезда. 1966. №4. С. 138-142.
266. Сафронов Ф.Г. Записки Генриха Фика о якутах и тунгусах пер. пол. XVIII века // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск. 1977. С. 235-250.
267. Сафронов Ф.Г. Из истории якутской ссылки в пер. пол. XVIII в. // Учёные записки Якутского гос. Ун-та. 1963. Вып. 14. С. 99-110.
268. Сафронов Ф.Г. Ссылка в Восточной Сибири в пер. пол. XVIII в. // Ссылка и каторга в Сибири. XVIII-нач. XX в. Новосибирск, 1975.
269. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1883. Т. IV.
270. Семёнова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998.

271. Серов Д.О. «У сочинения Уложения российского с швецким быть...»: Уложенная комиссия 1720 года и её труды // Институты государства и права в их историческом развитии. М., 2012. С. 139-160.
272. Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2008.
273. Серов Д.О. П.И. Ягужинский: грани личности и служебной деятельности // Уральский исторический вестник. 2012. №3. С. 31-41.
274. Серов Д.О. Прокуратура Петра I. Историко-правовой очерк. Новосибирск, 2002.
275. Серов Д.О. Строители империи: очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996.
276. Серов Д.О. Судебная реформа Петра I. М., 2009.
277. Серов Д.О. Фрагменты жизнеописания сенатора Петра Шафирова // Администрация Петра I. М., 2008. С. 89-136.
278. Словарь нумизмата /-пер. с нем. Х. Фенглер, Г. Гироу, В. Унгер/ - М., 1993.
279. Смагина Г.И. Немецкие образовательные идеи и российская школа XVIII в. «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 205-220.
280. Смирнова А.Г. История Москвы. Город и горожане в к. XVII-XVIII в.
281. Соболева Т.А. История шифровального дела в России. М., 2002.
282. Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М.; Л., 1943. Ч.1.
283. Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991.
284. Титлестад, Тургрим. Царский адмирал Корнелиус Крюйс на службе у Петра Великого / перевод с норвежского Ю.Н. Беспярых. - СПб., 2003.

285. Тихонов Ю.А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства. М., 2008.
286. Трифанкова Ю.В. Б.И. Куракин: личность и дипломатическая деятельность. Автореф. Дисс. Канд. Ист. наук. Владимир, 2007.
287. Троицкий С.М. Об использовании опыта Швеции при проведении административных реформ в России перв. четв. XVIII в. // Вопросы истории. 1977. №2. С. 67-75.
288. Троицкий С.М. Россия в XVIII в. М., 1982.
289. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство. М., 1974.
290. Троицкий С.М. Хозяйство крупного сановника России в первой четверти XVIII в. // Россия в период реформ Петра I. М., 1973.
291. Тыдман Л.В. Дворец, дом, изба. Жилой интерьер России с 1700-1840 годы. М., 2000.
292. Уланов В.Я. Преобразования управления при Петре Великом // Три века: Россия от Смуты до нашего времени. Репринт. М., 1992.
293. Уортман Р. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России / пер. с англ. М., 2004.
294. Уредссон С. Карл XII // Царь Петр и король Карл: Два правителя и их народы. М., 1999. С.
295. Устрялов Н.Г. История царствования императора Петра Великого. СПб., 1863. Т. IV. Ч.2.
296. Устрялов Н.Г. История царствования императора Петра Великого. Т.2. СПб., 1858.
297. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1863.
298. Утченко С.Л. Цицерон и его время. М., 1972.
299. Фейгина С.А. Аландский конгресс. М., 1859.
300. Филимон А.Н. Брюс. М., 2010.
301. Фролова М.М. Жизненный путь графа Ф.М. Санти, первого в России обер-церемониймейстера // Слава и забвение. Парадоксы биографики / ред. Л.П. Репина. СПб., 2014. С. 164-181.

302. Фролова М.М. жизненный путь графа Ф.М. Санти, первого в России обер-церемониймейстера // Слава и забвение. Парадоксы биографики / ред. Л.П. Репина. СПб., 2014. С. 164-181.
303. Хмыров М.Д. Главные начальники русской артиллерии. Второй генерал-фельдцейхмейстер граф Я.В. Брюс // Артиллерийский журнал. 1866. №3. С. 155.
304. Хорошкевич А.Л. Психологическая готовность россиян к реформам Петра Великого (к постановке вопроса) // Российское самодержавие и бюрократия. М.; Новосибирск, 2000.
305. Хорунженко О.И. Дворянские дипломы XVIII века в России. М., 1999.
306. Царь Пётр и король Карл: Два правителя и их народы. М., 1999.
307. Цветаев Д.В. К истории изучения вопроса об иностранцах в России. Варшава, 1891.
308. Цветаев Д.В. Обрусение западноевропейцев в Московском государстве. Варшава, 1903.
309. Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890.
310. Цвиркун В.И. Соратник Петра Великого. История жизни и деятельности Томи Кантакузино в письмах и документах. СПб., 2015.
311. Чеканцева З.А. (при участии А.М. Сточика, С.Н. Затравкина). Жизнь, опережающая смерть: население // Всемирная история в 6-ти томах. Т. 4. Мир в XVIII веке / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2013. С. 19-31.
312. Чеканцева З.А. Обмен: рынок, деньги, кредит // Всемирная история в 6-ти томах. Т. 4. Мир в XVIII веке / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2013. С. 40-48.
313. Черникова Г.В. «Государево слово и дело» во времена Анны Иоанновны // История СССР. 1989. №5. С.
314. Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.

315. Чистяков М.Б. Народное придание о Брюсе // Русская старина. 1871. №8.
316. Чудинов А.В. Рах Еуропае: союзы и войны между европейскими державами, их результаты на карте мира // Всемирная история в 6-ти томах. Т. 4. Мир в XVIII веке / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2013. С. 514-541.
317. Шафрановская Т.К. Лоренц Ланг и значение его дневников // Скандинавский сб. Вып. XVI. Таллин, 1971. С. 215-224.
318. Шебалдина Г. В. Заложники Петра I и Карла XII. Повседневный быт пленных во время Северной войны. М., 2014.
319. Шебалдина Г.В. Шведские военнопленные в Сибири. М., 2005.
320. Шишов А.В. Знаменитые иностранцы на службе России. М., 2001.
321. Шкваров А. Великая Северная война. М., 2015.
322. Шуппенер Георг. Статистический материал в путевых заметках и других сочинениях о России конца XVIII в. «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 138-151.
323. Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования / Пер. с нем. М.; СПб., 2001. Т. 1-2.
324. Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии / Пер. с нем. М., 2002.
325. Эррен, Лоренц. Российское дворянство первой половины XVIII века на службе и в поместье // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. / Ред. О. Глаголева, И. Ширле. М., 2012. С. 51-88.
326. Юхт А.И. В.Н. Татищев о реформах Петра I // Общество и государство в феодальной России. М., 1975. С. 209-218.
327. Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н.Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М., 1985.
328. Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994.

329. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrtenlexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Hrsg. von Johann Friedrich von Recke, Karl Eduard Napiersky. Bd. 4. Mitau, 1832.
330. Amburger E. Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Rußlands. Wiesbaden. 1986.
331. Amelung F. Studien zur Geschichte Oberpahlens und seiner industriellen Blütezeit. Dorpat. 1892.
332. Brevern G. Zur Geschichte der Familie von Brevern. Berlin, 1878. Bd.1.
333. Cederberg A.R. Heinrich Fick. Ein Beitrag zur russischen Geschichte des 18. Jahrhunderts // Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis. Tartu/Dorpat. 1930.
334. Deutsche, Deutschbalten und Russen. Lüneburg. 1997.
335. Deutsches Geschlechterbuch. Görlitz. 1933. Bd.79 (Baltischer Sonderband Bd. I).
336. Donnert E. Das russische Zarenreich: Aufstieg und Untergang einer Weltmacht. München, 1992.
337. Eckardt, Julius. Heinrich Fick // Jungrussisch und Altlivländisch. Leipzig. 1871. S. 310-328.
338. Elgenstierna, Gustaf. Svenska adelns ättatavlor. Stockholm. 1928. Kruuse af Verchou. S. 315.
339. Ericson Wolke, Lars. Sjöslag och rysshärjningar. Kampen om Östersjön under stora nordiska kriget 1700-1721. – Norstedts, 2012.
340. Ericson Wolke, Lars. Svenska knektar. Indelta soldater, ryttare och båtsmän i krig och fred. – Historiska Media. 2004.
341. Ericson Wolke, Lars. Stockholms historia. – Historiska Media. Falun. 2016.
342. Fick // Deutsches Geschlechterbuch. Görlitz. 1933. Bd. 79 (Baltischer Sonderband Bd. I). S. 85-102.

343. Gaunt, David. Utbildning till statens tjänst. En kollektivbiographi av stormaktstidens hovrättsauskultanter. Uppsala. 1975.
344. Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften, Teil 2 Estland, Bd. 1-3 , Görlitz, 1930.
345. Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. Teil I Livland. Görlitz, 1929. Bd. I.
346. Götling, Anna; Kåks, Helena. Mikrohistoria. – Studentlitteratur, Lund, 2014.
347. H. Beyer. Heinrich von Fick. Ein vergessener Staatsmann // Heimaterde 1. 1950-1955. S. 234-235.
348. Hagemester, Heinrich von. Materialien zu einer Geschichte der Landgüter Livlands T. 1–2. Riga.1836-1837.
349. Helander, Abel. Daniel Niklas v. Höpken 1669-1727. Stockholm. 1927.
350. Helbig, G. Ad., v. Russische Günstlinge. Tübingen. 1809. Русское издание: Гельбиг, Георг фон. Русские избранники и случайные люди // Русская старина. 1886.
351. Helge Almquist, Holstein-Gottorp, Sverige och den nordiska ligan i den politiska krisen 1713-1714.
352. Hermanns von Brevern Leben // Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Kurlands / Hrsg. F. G. Bunge. Dorpat, 1847. Bd. 5.
353. Hjärne H. Ryska konstitutionsprojekt år 1730 efter svenska förebilder. Stockholm, 1884.
354. Hjärne H. Svenska reformer i tsar Peters valde // Ur det forganga. Stockholm 1902.
355. Hoffmann P. Reformen im russischen Bildungswesen unter Peter I. Militärpolitische Aspekte // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Bd. 2. 1995. S. 81-98.
356. Hofmann, Harry v. Heinrich v. Fick und seine Ahnen // Baltische Hefte. 1958. Heft 4. S. 256-259.

357. Hoyningen-Huene B. Auszüge aus den Kirchenbüchern des Estländischen Konsistorialbezirks bis zum Jahre 1900. Reval. 1913-1915.
358. Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700-1917) / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М., 2010.
359. Jespersen, Leon. Sverige som hot och förebild // Sveriges historia. 1600-1721. – Norstedts. Värnamo. 2011. S. 240-244.
360. Jessen, Willers. Heinrich Fick, ein Eckernförder Bürgermeister, Ratgeber Peters des Großen. // Jahrbuch der Arbeitsgemeinschaft Schwansen, Amt Hütten und Dänischer Wohld. 1941. №6. S. 18-23.
361. Kizevetter. A. Heinrich Fick in russischen Diensten // Germanoslavica 1-4. 1931-1932. S. 593-601.
362. Klient och patron. Befordringsvägar och ståndscirkulation i det gamla Sverige. (ed. von Platen, Magnus) Borås. 1988.
363. Klingspor, Carl Arvid von: Baltisches Wappenbuch. Wappen sämtlicher, den Ritterschaften von Livland, Estland, Kurland und Oesel zugehöriger Adelsgeschlechter Stockholm 1882.
364. Konow, Jan von. Sveriges adels historia. Karlskrona, 2005.
365. Krieger, Martin. Geschichte Hamburgs. C.H. Beck, 2006.
366. Lagerqvist, Lars O. Vad kostade det? Priser och löner från medeltid till våra dagar. – Historiska Media, Falun. 2015.
367. Larsson, Olle. Stormaktens sista krig. Sverige och stora nordiska kriget 1700-1721. – Historiska Media. 2009.
368. Lewenhaupt, Adam. Karl XII:s officerare. Stockholm, 1920, I.
369. Malmström C.G. Sveriges politiska historia från konung Karl XII-s död till statshvälfningen 1772. 2. Aufl. I. S. 36.
370. Marklund, Andreas. Stenbock. Ära och ensamhet i Karl XII:s tid. – Historiska Media. 2008.
371. Meehan-Waters B. Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New-Brunswick, 1982.

372. Persson, Fabian. Att leva på hoppet – om den misslyckade klienten // Historisk Tidskrift. 1992. № 3. S. 316-321.
373. Persson, Fabian. En hjälpande hand. Principiella aspekter på patronage i förhållande till nepotism och meritokrati under stormaktstiden // Scandia. 1993. Bd. 59. №1. S. 49-70.
374. Peterson, Claes. Peter the Great's administrative and judicial reforms: Swedish antecedents and the process of reception. Lund. 1979.
375. Posselt. Peter der Grosse und Leibnitz. Dorpat/Moskau. 1843.
376. Puttkamer E. Einflüsse schwedischen Rechts auf die Reformen Peters des Großen // Zeitschrift für ausländische öffentlichen Recht und Völkerrecht. 1958. Bd. 19. № 1-3. August.
377. Ransel D.L. Bureaucracy and Patronage: The View from an Eighteenth-Century Russian Letter-Writer // Jaher F.C. (Ed.) The Rich, the Well born, and the Powerful. Elites and Upper Classes in History. Secaucus (N.J.), 1975.
378. Recke W. Die Verfassungspläne der russischen Oligarchen im Jahre 1730 und die Thronbesteigung der Kaiserin Anna Ivanovna // Zeitschrift für osteuropäische Geschichte. 1912.
379. Slevogt, Horst. Eckernförde. Die Geschichte einer deutschen Kaufmannsstadt im Herzogtum Schleswig. Bd. 2. 2005.
380. Small albion. The camerlists. Chicago. 1909.
381. Spieler, Silke. Fick, Heinrich Claus von // Biographisches Lexikon für Schleswig-Holstein und Lübeck. Neumünster. 1982. Bd. 6. S. 94-95.
382. Spieler, Silke. Heinrich von Fick. Ein holsteinischer Mitarbeiter Peters des Großen. Notizen zu einer Biographie // Russland und Deutschland. (Kieler Historische Studien 22) Stuttgart. 1974. S. 83-94.
383. Stephen J. Lee "Peter the Great". Routledge. 2001. C. 48.
384. Stryk L. v. Beiträge zur Geschichte der Rittersgüter Livlands. Dorpat. 1877. I. Der ehstnische District.
385. Svenskt biografiskt lexicon. Stockholm. 1925, Bd. 5.

- 386. Tarkiainen, Kari; Tarkiainen, Ülle. Provinsen bortom havet. Estlands svenska historia 1561-1710. Stockholm. 2013.
- 387. Tuchtenhagen, Ralph. Zentralstaat und Provinz im frühneuzeitlichen Nordosteuropa. Wiesbaden, 2008
- 388. Västerbro, Magnus. Pestens År: Döden i Stockholm 1710. – Historiska Media, 2016.
- 389. Villius, Hans. Johan August Meyersfeldt // Svenskt biografiskt lexikon // <http://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/9329>, 2016-10-03.
- 390. Wetterberg, Gunar. Arvid Horn. Från tolv till ett. – Atlantis. Malmö. 2011.

## Приложение

Список свидетелей, допрошенных по делу Г. Фика в 1731-1732 гг.

Составлен по: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 171. Ч. I-II.

| № | Имя                                       | Должность                          | Дата допроса        | Форма дачи показаний              | Примечание                                                                                                                                                                            |
|---|-------------------------------------------|------------------------------------|---------------------|-----------------------------------|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| 1 | Фридрих Аш<br>Friedrich<br>Asch           | Почт-директор<br>Der Post-Director | 16 марта<br>1731 г. | Лично, в<br>присутствии<br>Миниха | С 1712 по 1724<br>год<br>подполковник<br>Фридрих Аш<br>служил<br>секретарем<br>Анны<br>Иоанновны,<br>затем переведен<br>в столицу на<br>должность почт-<br>директора <sup>821</sup> . |
| 2 | Антон<br>Кормейдон<br>Anthon<br>Cormeydon | Гофинтендант<br>Der Hoff-Intendant | 16 марта<br>1731 г. | Лично, в<br>присутствии<br>Миниха | С марта<br>1732 г.<br>начальник<br>Канцелярии от<br>строений.<br>В 1740 г. уже<br>после его смерти                                                                                    |

<sup>821</sup> Курукин И.В. Анна Иоанновна. С. 43.

|   |                                                         |                                                                      |                          |                             |                                                                                                                                                                                 |
|---|---------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------------------|--------------------------|-----------------------------|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
|   |                                                         |                                                                      |                          |                             | обнаружилось, что в течение нескольких лет свободно распоряжался казенными деньгами как своими собственными и даже раздавал их под проценты <sup>822</sup> .                    |
| 3 | Эрих Йохан фон Витингоф<br>Erich Johann von Vietinghoff | Ассессор Юстиц-коллегии,<br>Der Assessor vom Reichs-Justitz-Collegio | 16, 22, 23 марта 1731 г. | Лично, в присутствии Миниха | Зять Г. Фика. По этой причине не включен в состав судебной комиссии по делу Г.Ф. Позднее служил в одной коллегии с Э.-Г. Глюком, входившим в судебную комиссию <sup>823</sup> . |
| 4 | Игнатий Рудаковский                                     | Ассессор Коммерц-коллегии                                            | 17 марта 1731 г.         | Лично, в присутствии Миниха |                                                                                                                                                                                 |

<sup>822</sup> Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь» ... С. 238, 255.

<sup>823</sup> Сб. РИО. Юрьев, 1900. Т. 108. С. 171.

|   |                                                               |                                                                                    |                     |                                                                                                                  |                                                                                                               |
|---|---------------------------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------------------|---------------------|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| 5 | Лев Малыгин                                                   | Секретарь<br>Коммерц-конторы<br>в СПб                                              | 17 марта<br>1731 г. | «Против<br>ответу комерц<br>коллегии<br>ассессора<br>Игнатия<br>Рудаковского»                                    | О нем см. <sup>824</sup>                                                                                      |
| 6 | Петр<br>Квашнин-<br>Самарин,<br>Peter<br>Kwaschnin<br>Samarin | Советник Юстиц-<br>конторы в СПб, Der<br>Justitz Rath                              | 17 марта<br>1731 г. |                                                                                                                  |                                                                                                               |
|   |                                                               | Юстиц-коллегии<br>«обретающийся<br>при Санкт-<br>Петербурхе в<br>канторе советник» | 27 мая<br>1731 г.   | Допрашиван<br>«Против<br>ответу в<br>Юстиц-<br>коллегии вице-<br>президента<br>Сигизмунда<br>Адама фон<br>Вулфа» |                                                                                                               |
| 7 | Самуэль<br>Каркеттель<br>Samuel<br>Karkettel                  | Майор<br>Ингерманландского<br>полка, Major                                         | 22 марта<br>1731 г. | Лично, в<br>присутствии<br>Миниха                                                                                | Часто бывал в<br>доме Г.Ф. в<br>качестве жениха<br>одной из его<br>дочерей.<br>Состоял с Г.Ф. в<br>переписке. |

<sup>824</sup> Серов Д.О. Администрация Петра I. С. 55.

|   |                                                   |                                                                      |                  |                             |                                                                                                                                                                                                                                                           |
|---|---------------------------------------------------|----------------------------------------------------------------------|------------------|-----------------------------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
|   |                                                   |                                                                      |                  |                             | «Самойла Яковлев сын Каркетель» <sup>825</sup> .                                                                                                                                                                                                          |
| 8 | Иоахим фон Гагемейстер<br>Joachim von Hagemeister | Секретарь Юстиц-коллегии, der Secretaire des Reichs-Justitz-Collegii | 22 марта 1731 г. | Лично, в присутствии Миниха | Вел протоколы судебной комиссии.                                                                                                                                                                                                                          |
| 9 | Мартин Госслер,<br>Martin Gösseler                | Контр-адмирал, der Contre-Admiral                                    | 7 мая 1731 г.    | Лично, в присутствии Миниха | Мартин Госслер (Мартын Петрович, 1669-1735) – уроженец г. Альтоны на Эльбе. С 1698 на русской службе в качестве штурмана. С 1710 командор. С 1713 капитан 3-го ранга. С 1717 капитан 1-го ранга. С 1723 член Адмиралтейств-коллегии. В 1727-1731 директор |

<sup>825</sup> См. его челобитную о жалованье по иноземческому окладу и связанные с ней делопроизводственные документы: Сб. РИО. СПб., 1894. Т. 94. С. 655-658. С. 585.

|    |                                                                   |                                                                                                 |                                                                                                          |                                                                                                                    |                                                                                                                 |
|----|-------------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------------------------------------------------------|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
|    |                                                                   |                                                                                                 |                                                                                                          |                                                                                                                    | Адмиралтейской конторы. С 1727 шаутбенахт. С 1734 вице-адмирал <sup>826</sup> .                                 |
| 10 | Якоб Рихтер,<br>Jacob Johann<br>v. Richter                        | Капитан, Der<br>Capitain                                                                        | 17 мая<br>1731 г.<br>(по указу<br>АИ от 3<br>мая 1731<br>г.);<br>повторно<br>вызван<br>18 мая<br>1731 г. | В присутствии<br>губернатора<br>Петра Ласси,<br>регирунгсратов<br>Фитингофа и<br>Менгдена.<br>Текст прислан<br>АИ. | Часто бывал в<br>доме Г.Ф. в<br>качестве жениха<br>одной из его<br>дочерей.                                     |
| 11 | Кристоф<br>Медер,<br>Christoph<br>Meder                           | Der Consulent                                                                                   | 21 мая<br>1731 г.                                                                                        | Лично, в<br>присутствии<br>Миниха                                                                                  | Учитель в доме<br>С.А. Вольфа                                                                                   |
| 12 | Сигизмунд<br>Адам фон<br>Вольф,<br>Sigismund<br>Adam von<br>Wolff | Вице-президент<br>Юстиц-коллегии,<br>Der Vice<br>Praesindent der<br>Reichs-Justitz-<br>Collegii | 21 мая<br>1731 г.                                                                                        | Лично, в<br>присутствии<br>Миниха                                                                                  | Уроженец г.<br>Нарвы, служил<br>судьей в<br>Дерптском<br>ландгерихте, с<br>1718 года<br>занимался<br>переводами |

<sup>826</sup> Юность державы. М., 2000. С. 472; Также см.: Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы ... С. 286; Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. (1721-1722) // Неистовый реформатор. М., 2000. Ч.1., Ч.2. С. 276; Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. (1723-1725) // Юность державы. М., 2000. Ч. 3., Ч.4., Ч.5. С. 122, 258.

|  |  |  |  |  |                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                         |
|--|--|--|--|--|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
|  |  |  |  |  | <p>шведских<br/>нормативных<br/>актов в<br/>канцелярии<br/>Сената, 5<br/>февраля 1719 г.<br/>определен<br/>советником<br/>Юстиц-<br/>коллегии. Стал<br/>ее бессменным<br/>вице-<br/>президентом с<br/>1720 года.<br/>Бывший<br/>гофмейстер<br/>детей<br/>Меншикова, его<br/>брат Яков<br/>Вольф стал<br/>известным<br/>купцом,<br/>банкиром и<br/>основателем<br/>торговой<br/>фирмы<sup>827</sup>.</p> |
|--|--|--|--|--|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|

<sup>827</sup> Серов Д.О. «У сочинения Уложения российского с швецким быть...»: Уложенная комиссия 1720 года и её труды // Институты государства и права в их историческом развитии. М., 2012. С. 148; Курукин И.В. Бирон. М., 2006. С. 259.

|    |                                                                         |                                                 |                   |                                   |                                                                                                                                                                                                                                                                                                         |
|----|-------------------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------|-------------------|-----------------------------------|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| 13 | Кристиан<br>Глюк,<br>Christian<br>Glück                                 | Советник Камер-<br>коллегии, der<br>Cammer-Rath | 22 мая<br>1731 г. | Лично, в<br>присутствии<br>Миниха | С 1718 г. служил<br>в Камер-<br>коллегии вместе<br>с Г.Ф., сын<br>Глюка входил в<br>судебную<br>комиссию по<br>делу Г.Ф.                                                                                                                                                                                |
| 14 | Генрих<br>Готтертрау<br>Гребенер,<br>Heinrich<br>Gottertrau<br>Gräbener | Der Accis-<br>Controleur                        | 22 мая<br>1731 г. | Лично, в<br>присутствии<br>Миниха | «Канцелярист<br>Гейнрих<br>Гребенер родом<br>из Магдебурга,<br>служил в<br>Мансфельдском<br>графстве при<br>акцизе, потом в<br>Магдебурге<br>писарем при<br>земских судах; в<br>Россию прибыл<br>с Обер-<br>инженером<br>Кулонгом и<br>принят в Камер-<br>коллегию в<br>канцеляристы.<br>Патента еще не |

|    |                                               |                                                                |                   |                                    |                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                          |
|----|-----------------------------------------------|----------------------------------------------------------------|-------------------|------------------------------------|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
|    |                                               |                                                                |                   |                                    | получил (1719 г.-Я.Л.)» <sup>828</sup> .                                                                                                                                                                                                                                                                                                                 |
| 15 | Иоганн<br>Слотерман,<br>Johann<br>Slåttermann | Бывший камер-<br>шрейбер, Der<br>gewesene Cammer-<br>Schreiber | 25 мая<br>1731 г. | Лично, в<br>присутствии<br>Миниха  | «Камер-<br>Шрейбер Иоган<br>Шлеттерман,<br>родом из<br>Стокгольма,<br>служил в<br>Швеции два<br>года при<br>Конторе<br>Наследственных<br>Дел, потом в<br>военной службе<br>в Лейб-гвардии<br>волонтером, и в<br>1709 году взят в<br>плен под<br>Полтавою. В С.<br>Петербурге<br>принят в<br>Каммер-<br>Коллегию<br>Камер-<br>Шрейбером» <sup>829</sup> . |
| 16 | Петр Сиверс,<br>Sivers                        | Адмирал                                                        | 29 мая<br>1731 г. | Письменно, в<br>ответ на<br>письмо | С 1704 г. на<br>русской<br>службе, с 1727 г.                                                                                                                                                                                                                                                                                                             |

<sup>828</sup> Поленов Д.В. О присяге иноземцев ... Стлб. 1747.

<sup>829</sup> Там же.

|     |                                                       |                                          |                                  |                                                                               |                                                                                          |
|-----|-------------------------------------------------------|------------------------------------------|----------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------------------------|
|     |                                                       |                                          |                                  | Миниха от 28 мая                                                              | адмирал и президент Адмиралтейств-коллегии, в 1732 г. уволен в отставку <sup>830</sup> . |
| Т   | Карл Гохмут, Hochmuth                                 | Генерал-лейтенант, член Военной коллегии | 2 июня 1731 г.; 8 января 1732 г. | Письменно, в ответ на письмо Миниха от 1 июня 1731 г.; в присутствии Миниха.  |                                                                                          |
| 18  | Генрих Иоганн Шлиппенбах, Hinrich Johan Schlippenbach | Барон, подполковник                      | 19 мая 1731 г.                   | В присутствии ревельского губернатора Ф. Левена; показания присланы из Ревеля |                                                                                          |
| 19* | Андрей Кассис Cassis                                  | Советник Коммерц-коллегии                | 6 января 1732 г.                 |                                                                               |                                                                                          |
| 20* | Кирила Иванов сын Богданов                            | Слуга Г. Фика                            | 8 января 1732 г.                 | Лично, в присутствии Глюка и переводчика                                      |                                                                                          |

<sup>830</sup> Eckardt, Julius. Aus dem Leben des Admirals von Sivers // Jungrossisch und Altlivländisch. Leipzig. 1871. S. 328-343; Перевороты и войны. М., 1997. С. 541.

|     |                                            |                          |                     |                                        |  |
|-----|--------------------------------------------|--------------------------|---------------------|----------------------------------------|--|
|     |                                            |                          |                     | Мартина<br>Шванвица                    |  |
| 21* | Мартин<br>Потапский,<br>Martin<br>Potapski | Слуга Г. Фика<br>(немец) | 8 января<br>1732 г. | Лично, в<br>присутствии<br>Бекенштейна |  |

\* отмечены свидетели, опрошенные на этапе судебного следствия